А. Б. ЕГОРОВ

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЛУТАРХ

ЕВРАЗИЯ PARVUS LIBELLUS NOVUS

ЕВРАЗИЯ

А. Б. Егоров

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЛУТАРХ

2-е издание, электронное

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2025

УДК 930/94(37)
ББК 63.2/63.3(0)32
Е30

Егоров, Алексей Борисович.
Е30 Римская история и Плутарх / А. Б. Егоров. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 418 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus novus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0714-5

Книга известного петербуржского ученого-античника — Алексея Борисовича Егорова — посвящена гражданским войнам в Риме в 133—31 гг. до н. э. Сами римляне считали их центральным событием своей истории. Настоящее исследование сделано на основе данных Плутарха, который дает очень связный глубокий и содержательный обзор гражданских войн с безукоризненной точностью выбирая основные поворотные пункты и события этого периода. Именно Плутарх создал образы эпохи и ее главных действующих лиц — эпохи кризиса римской республики. И если для Цицерона (и, вероятно, Ливия) судьба мира решалась в Риме, и главным был внутренний конфликт, расколовший римское общество, а за ним и весь остальной мир его союзников, подданных и внешних сил, а Аппиан считал главным «поражающим фактором» эпохи социальный конфликт в Италии и провинциях, то Плутарх несколько смещает акценты, показывая, что период 133—31 гг. до н. э. был не только временем грандиозной гражданской войны, но и столь же грандиозного нашествия варваров (галлов, германцев, парфян, балканских народов и др.), сопровождаемого восстанием внутреннего «варварского» мира и, что было особенно опасно, внутренним расколом римского общества. Плутарх создает тот достаточно похожий, но все-таки альтернативный взгляд на римскую историю, который позволяет оспорить картину Цицерона хотя бы частично.

УДК 930/94(37)
ББК 63.2/63.3(0)32

Электронное издание на основе печатного издания: Римская история и Плутарх / А. Б. Егоров. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 416 с. — (Parvus libellus novus). — ISBN 978-5-8071-0632-2. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0714-5

© Егоров А. Б., 2024
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2024

Предисловие

Первоначально эта книга была задумана как введение к монографии о гражданских войнах в Риме в 133–31 гг. до н. э., составленной на основе данных Плутарха. Начав работу, я еще не подозревал, насколько трудной окажется эта задача. Несмотря на огромную значимость этих событий для римлян, считавших их центральным событием своей истории, полных обзоров истории гражданских войн дошло до нас очень мало. Наверное самой большой утратой является то, что до нашего времени не сохранился монументальный труд Тита Ливия. Это было воистину великое произведение — современник и друг Октавиана Августа, Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) писал свое сочинение всю жизнь, начав работу в 27 г. до н. э., когда Август начал свои властные реформы и закончив ее в 14 г. н. э., после чего удалился на свою родину в Патавий, пережив своего правителя всего на три года.

К сожалению, до нас дошла всего лишь четверть этого огромного труда, причем, вся она относится к другим периодам — книги 1–10 — к периоду

ранней истории Рима (753–293 гг. до н. э.), а книги 21–45 — к эпохе Второй Пунической войны и великих завоеваний (219–168 гг. до н. э.). По этой причине Ливий считается источником по этим двум эпохам, хотя на самом деле, основная тема его сочинения — это гражданские войны 113–31 гг. до н. э., которым он посвятил 76 книг из 142 (с 57 по 133), дошедших до нас лишь в кратких переложениях (эпитомах или периохах), а также — в более подробных авторских трудах Веллея Патеркула, Л. Аннея Флора, С. Юлия Фронтина, С. Руфа Феста, Л. Ампелия, С. Аврелия Виктора, Евтропия и Павла Орозия. Впрочем, излагая содержание трудов Ливия, эти авторы вносили и свое понимание в обозначенную ими тему.

Таким образом, мы видим эпоху гражданских войн, прежде всего, глазами ее современников и более всего, глазами Цицерона (в меньшей степени, глазами Цезаря и Саллюстия), однако, если бы до нас дошло сочинение Ливия, оно, несомненно, стало бы главным источником.

Уже в конце III–II вв. до н. э. в Риме появляются «две интеллигенции»: римская (как правило, латиноязычная) и греческая[1]. Первая из них формировалась из римских политиков и аристократов, вторая — из покоренных греков, бывших вначале как бы «обслуживающим персоналом» занятых политикой, войнами и интеллектуальным досугом

[1] См.: *Егоров А. Б.* Рим: аристократия и культура. СПб.: Евразия, 2024. С. 21–24.

римлян[2], постепенно, однако, становящихся равноправным партнером в делах управления. Решающий перелом происходит во времена так называемого «греческого возрождения» II в. н. э., однако даже во времена Марка Аврелия только 30 % сенаторов происходили из восточных провинций, хотя большинство из этих сенаторов были греками[3]. Примечательно, что даже в это время греческие интеллектуалы, жившие во II в. н. э. (Эпиктет, Дион Хризостом, Аппиан, Плутарх, Геродиан и др.) могли занимать высокие должности у себя на родине и даже быть близки к императорам, но, в отличие от римлян, не занимали высоких официальных должностей в столице. Полное равноправие создается, видимо, лишь во времена Северов: так, Дион Кассий был дважды консулом, причем, в 229 г. он был ординарным консулом вместе с императором Александром Севером.

Греческая и грекоязычная интеллигенция также отозвалась на желание основателей Империи, Цезаря и Августа, показать всю полноту римской истории и, прежде всего, историю гражданских войн (133–31 гг. до н. э.), которые едва не покончили с римской цивилизацией, однако победители, Цезарь и Август, сделали Рим великой Империей, не имевшей себе соперников. Впрочем, если римляне подчеркивали римский характер нового общества,

---

[2] Там же. С. 23–24.

[3] *Petit P.* Le IIe siècle après J.-C.: État des questions et problèmes // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 354–380.

то греческие авторы делали акцент на родстве греков и римлян (Дионисий Галикарнасский, Плутарх), а иногда и на идее единства человечества (Диодор, Николай Дамасский), И, исходя из этого, можно увидеть особенности их интерпретации гражданских войн.

История гражданских войн рассматривается в недошедшем до нас труде Посидония (135–51 гг. до н. э.; описываются события 144 — сер. 50-х гг.), а затем вошла в «Историческую библиотеку» Диодора Сицилийского (90–21 гг. до н. э.), который довел свой труд до 63 г. до н. э. «Всемирную историю» писал Николай Дамасский (ок. 64 г. до н. э. — начало I в. н. э.) и, возможно, этот труд (144 книги) был примерно равен труду Ливия, а автор «Географии» Страбон написал исторический труд («История»), охватывавший события 146–27 гг. до н. э. Впрочем, эта грекоязычная традиция дошла до нас в еще худшем состоянии, чем труд Ливия.

Основную дошедшую до нас информацию о гражданских войнах 133–31 гг. дают три выдающихся историка II–III вв. н. э., Плутарх (46–120 гг. до н. э.), Аппиан (конец I в. — начало 70-х гг. II в. н. э.) и Дион Кассий (155–235 гг. н. э.). К сожалению, труд последнего дошел лишь частично: книги 25–37 «Римской истории», содержащие обзор событий от Гракхов до заговора Катилины (63 г.) дошли во фрагментах, и мы имеем только подробное изложение событий 63–31 гг. до н. э. (книги 38–50). Впрочем, хотя треть труда Диона Кассия посвящена гражданским войнам, автор предстает перед нами

как историк времени принципата Августа (книги 50–60) и последующих императоров I–III вв. н. э. (книги 60–80 дошли в сокращениях Иоанна Ксифилина).

Подводя итоги, можно сказать, что хотя многие авторы (Ливий, Страбон, Николай Дамасский) ставили гражданские войны 133–31 гг. в центр своего внимания, мы, к сожалению, не можем этим воспользоваться: фактически ничего не дошло от трудов Страбона, Николая Дамасского и Диодора. Ливий предстает перед нами как историк раннего Рима (VIII–III вв. до н. э.), Пунических войн и великих завоеваний (201–168 гг. до н. э.), а Дион Кассий, как историк принципата Августа (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и времени от Августа до Северов. Между тем, центральное место во всех этих трудах (кроме, быть может, сочинения Диона Кассия) занимали гражданские войны.

Современному читателю остаются два больших труда, которые и формируют наше представление об этой эпохе. Перу Аппиана принадлежит единственный дошедший до нас цельный очерк этого периода в книгах 13–17 «Римской истории» (133–35 гг. до н. э.), кроме того, события внешних войн отражены в книгах 6 («Иберийские войны»), 12 («Митридатовы войны»), отчасти — 9 («Иллирийские войны»). Плутарх является автором серии биографий римских полководцев и политиков (от Гракхов до Марка Антония), однако, если для специалистов все три автора (Плутарх, Аппиан и Дион Кассий) примерно равнозначны, то для широкого круга читателей значение Плутарха несравненно более велико,

а его популярность, вероятно, сопоставима только со значением Цицерона. На этих двух авторах и на «Записках» Цезаря воспитывались целые поколения. Так в чем же секрет популярности Плутарха и его «Биографий»? В какой степени они отражали реальные события? Были ли его труды реальной историей или историческим мифом? Это и должно стать темой нашей книги.

В отличие от «чистого историка» Аппиана, Плутарх, судя по его «Моралиям», имел широчайший круг интересов, в который входили почти все области знаний: философия, политика, религия, физика, риторика, медицина и многие другие, а «Сравнительные жизнеописания» были всего лишь частью его трудов, причем, не столь уж значительной. Тем не менее, они принесли ему всемирную славу, тогда как «Моралии» известны только узкому кругу специалистов.

«Сравнительные жизнеописания» были, вероятно, написаны по заказу ближайшего окружения императора Траяна. Не так часто обращают внимание на то, что Плутарх был современником двух выдающихся римских писателей, великого историка Корнелия Тацита (ок. 55–120 гг. н. э.) и Г. Плиния Секунда Младшего (62 — ок. 113 гг. н. э.), племянника великого римского ученого, Г. Плиния Секунда Старшего (22/3–79 гг. н. э.), бывших идеологами принципата Траяна. Тацит описал события принципата I в. н. э. (от Августа до Домициана), а Плиний был автором «Панегирика» (100 г. н. э.), ставшего своего рода программным манифестом этого

правления. У нас нет конкретных данных о знакомстве с ними Плутарха, но он входил в тот же круг, что и они. Кроме того (это уже вполне конкретная информация) Плутарх был хорошо знаком с Г. Сосием Сенецион, консулом 97 и 107 гг. до н. э., зятем еще более знаменитого С. Юлия Фронтина, консула 74, 97 и 100 гг., причем, судя по посвящениям, можно предположить, что Сенецион мог быть «заказчиком» биографий. Согласно менее надежным, но вполне вероятным сведениям, Траян пригласил Плутарха ко двору, поручив ему обучение своего двоюродного племянника, будущего императора Адриана (117–138 гг.).

«Сравнительные жизнеописания» были посвящены очень широкому кругу проблем. Прежде всего, это практически общепризнанное желание доказать единство греческой и римской цивилизаций. Плутарх не был оригинален: это единство существовало еще со времен зарождения римской цивилизации возможно, со времен микенских плаваний в Италию (XIV–XIII вв. до н. э.) и уже несомненно со времен эпохи царей (VIII–VI вв. до н. э.), а затем уже развивалось в творчестве многих греческих авторов (Полибия, Посидония, Николая Дамасского, а затем и деятелей «греческого возрождения», Диона Хризостома и Элия Аристида). Были и конкретные обстоятельства: во времена Траяна готовилось массовое предоставление римского гражданства греческому населению в Греции и Малой Азии и сближение их с жителями Италии и уже романизированных западных провинций (Испании

и Галлии). Плутарх, «коренной грек» из Беотии, известный как ученый и философ, прекрасно подходил на роль идеолога этого процесса.

На наш взгляд, была и еще одна цель написания этого труда. «Сравнительные жизнеописания» построены на сопоставлении великих греков и римлян. Оба «ряда» охватывают большие периоды: греческий начинается с Геракла (биография не дошла) и Тесея и заканчивается Филопеменом (253–183 гг.), данным в паре со своим современником, консулом 198 г. и «освободителем Греции» Т. Квинкцием Фламинином (ок. 227–184 гг.); римский начинается с Ромула и заканчивается Марком Антонием. Вместе с тем, очевидна явная диспропорция: из 23 сохранившихся греческих жизнеописаний 12 относятся к: эпохе V–IV вв. до н. э., а 13 из 23 знаменитых римлян взяты из эпохи гражданских войн 133–31 гг. до н. э. Эти две «серии» показывают нам практически непрерывное описание двух периодов: греческий — период 500–338 гг., от начала греко-персидских войн до македонского завоевания (биографии Фемистокла, Аристида, Кимона, Перикла, Никия, Алкивиада, Лисандра, Агесилая, Эпаминонда (не дошла), Пелопида, Демосфена, и Фокиона). Аналогичную, еще более четкую последовательность дают римские жизнеописания (Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла, Красса, Помпея, Цезаря, Цицерона, Катона Младшего, Брута, Антония). Сопоставление этих двух «рядов» показывает, что популярная в научной литературе идея параллели между кризисом греческого полиса в IV в. до н. э.

и кризисом римской республики II–I вв. до н. э. восходит еще к Плутарху.

Если профессиональная наука после середины XIX в. относится к Плутарху весьма критично, то для широкого читателя его имя не менее значимо, чем имена Цицерона или Тацита (которые также стали объектом исторической критики), и именно Плутарх создает тот достаточно похожий, но все-таки альтернативный взгляд на римскую историю, который позволяет оспорить картину Цицерона хотя бы частично. На Плутархе воспитывались целые поколения, и именно он создает ту увлекательную канву исторического романа, которая и привлекала читателей. Как и в любом историческом романе, в нем много мифов, неточностей, внутренних противоречий, философских и этических рассуждений, но именно Плутарх создал образы эпохи и ее главных действующих лиц.

Благородные идеалисты братья Гракхи, победитель германцев Марий, неуверенно чувствующий себя в гражданской политике и склонный к радикализму и жестокости, безжалостный и циничный диктатор Сулла, выдающийся полководец и неудавшийся политик Гней Помпей, мужественный и несгибаемый Катон, великий оратор Цицерон, «последний республиканец» Брут и, наконец, «римский Александр» и создатель Империи Юлий Цезарь. Можно сколько угодно оспаривать эти образы, но они пришли к нам именно с Плутархом.

Аппиан пишет историю войн, реформ и интриг, тогда как Плутарх создает портреты главных

действующих лиц эпохи, а потому он всегда был более интересен многим читателям. У него много сведений личного плана: данные о внешности, образе жизни, личных вкусах (бытовых и литературных), образовании, отношениях с друзьями, врагами и людьми из своего окружения. Эта информация уникальна и мы получаем ее, вероятно, только от Цицерона (причем, в весьма разрозненном виде). Именно Плутарх делает греческую и римскую историю не только историей событий, но и историей живых людей, и это обстоятельство, вероятно, лежит в основе как скепсиса профессиональных ученых, так и живого интереса остальных читателей.

Вместе с тем, Плутарх (как и Саллюстий, Корнелий Непот и Тацит) не вырывает личность из исторического контекста. Если его младший современник Г. Светоний Транквилл (ок. 70 — ок. 140 гг. н. э.) в биографии Цезаря уделяет галльским войнам всего одну главу (Suet. Iul., 25), а гражданской войне «целых» три (Ibid., 34–35), посвятив вдвое больше места описанию его внешности, личным вкусам и отношениям с женщинами (Ibid., 44–53), то Плутарх, напротив, посвящает галльским войнам 14 глав (Plut. Caes., 15–28) а гражданским — 27 (Ibid., 23–56), т. е. всего 41 главу из 69. Светоний пишет личную биографию своего героя, тогда как Плутарх, несмотря на знаменитую декларацию в биографии Александра (Plut. Alex., 1) пишет военную и политическую биографию, а потому изложение греческого автора гораздо ближе к рассказу

историков-анналистов, составлявших основное направление римской историографии.

Все сказанное выше отмечается практически в любом исследовании, посвященном Плутарху. Реже сообщают о том, что Плутарх обладал огромной эрудицией, его информация часто опирается на первоисточники и, как правило, достоверна, что он обладал глубоким чувством хода истории, а его труд, помимо общей цели сближения греков и римлян, имел и более конкретные цели.

В отличие от многих других античных авторов, Плутарх, как правило, называет свои источники и даже простое рассмотрение указателя к изданию этого автора дает нам огромный список с сотнями имен греческих и римских авторов (историков, ораторов, философов, авторов мемуаров, поэтов и других авторов), известных и неизвестных его современным критикам, а его труд вобрал в себя огромную историческую (и не только историческую) литературу. Перед нами предстает автор, обладающий огромной эрудицией, который пытался опереться на традицию первоисточников, что является важнейшим качеством историка.

Плутарх не всегда точен в исторической конкретике, но даже сам подбор его биографий свидетельствует о том, насколько глубоко он понимал общую суть исторического процесса и отражал его основные поворотные пункты. При всех неточностях в исторической конкретике, основные «точки перелома, на которые опирается даже современное антиковедение, обозначены уже античными авторами,

в том числе и Плутархом. Не затрагивая пока римскую тематику, отметим «ряд» великих афинян.

Персонажи Плутарха — это полулегендарный герой Тезей, создавший Афины как город и освободивший его от власти критян, создатель афинского полиса и основ афинской демократии Солон, победители в греко-персидских войнах (500–449 гг.), Фемистокл, Аристид и Кимон, чьи имена связаны с великими победами при Саламине (480 г.), Платеях (479 г.) и Эвримедонте (460 г.). Все трое строили Афинскую Империю, но ее подлинным создателем был Перикл, завершивший этот процесс и почти создавший единую Грецию под эгидой Афин.

С Перикла начинается другая тема — разгром Афин в Пелопоннесской войне и кризис IV в., который едва не привел греческий мир к катастрофе и самоуничтожению. В биографии Перикла описаны начало войны, большие планы, сулившие победу, и страшная эпидемия чумы 430 г., в жизнеописании Никия — первый период войны 429–421 гг., неудавшийся мир 421 г. и роковая Сицилийская экспедиция 415–413 гг. (Plut. Nic., 13–30), предопределившая поражение Афин. Наконец, биография Алкивиада отражает последние годы войны (413–404 гг.) и само это поражение.

Далее по хронологии идут биографии двух спартанцев, победителя в Пелопоннесской войне Лисандра и его политического наследника царя Агесилая (399–361 гг.), удерживавшего спартанскую гегемонию в течение 90–70-х гг., и двух фиванцев, Эпаминонда (до нас не дошла) и Пелопида,

разгромивших спартанцев при Левктрах (371 г.) и Мантинее (362 г.). После Мантинеи силы, способной объединить страну, в Греции уже не было. Как бы, «венчает» этот ряд одиночная биография Артаксеркса II (404–358 гг.), вероятно, реального победителя в ходе кризиса IV в., организатора победы при Книде (394 г.), автора Анталкидова мира (387 г.), финансировавшего греческие междоусобицы и приведшего Грецию в состояние «управляемого хаоса», который мог превратиться в «неуправляемый».

50–30-е гг. IV в. до н. э., время македонского завоевания, снова отражено в биографиях двух афинян, великого оратора Демосфена, возглавившего борьбу с Филиппом II (350–336 гг.), и Фокиона, спасшего Грецию от последствий поражения и ставшего последним крупным афинским политиком. Наконец, весь этот греческий цикл заканчивается жизнеописанием Александра Македонского, непобедимого полководца и выдающегося политика и дипломата, победителя Персидской Империи и создателя новой цивилизации, которую позже назвали эллинистической. Отметим две особенности: во-первых, в Греции было немало выдающихся политиков и военных деятелей, которые не вошли в список Плутарха (Писистрат, Клисфен, Эфиальт, Фукидид, сын Мелесия, Конон, Хабрий, Тимофей, Эвбул, ораторы Эсхин и Гиперид и многие другие), причем, некоторые из них фигурируют в перечне биографий Корнелия Непота, которые явно учитывались Плутархом, а во-вторых, Плутарха гораздо меньше интересует эпоха архаики (от реформ Солона (594 г.)

до Фемистокла (видимо, была еще биография Мильтиада)) и уже совсем за пределами его труда находится богатая, насыщенная просопографическим материалом эллинистическая эпоха, представленная «всего лишь» шестью биографиями Деметрия Полиоркета, Эвмена, Пирра, Арата, Агиса и Клеомена и Филопемена. Его приоритетный интерес — классическая эпоха, и в этом есть свой смысл.

Мы видим прямую ассоциацию с «римским рядом», который был не менее важен для Плутарха и, конечно, более важен для его римских «заказчиков». Возможно, жизнеописания римлян в данном контексте уместно начать с эпохи Второй Пунической войны (219–201 гг.) и «великих завоеваний» (200–168 гг. до н. э.), причем, Плутарх великолепно уловил ту особенность Римской республики и ее системы, которую продолжили современные исследователи.

Квинт Фабий Максим Веррукоз, консул 233, 228, 215, 214 и 209 гг. и диктатор 217 г. сумел сохранить армию после страшных поражений 218–216 гг. (Треббии, Тразименского озера и Канн) и остановить наступление Ганнибала. Хотя на счету Фабия были и наступательные операции (взятие Тарента в 209 г.), римляне связывали перелом в войне с другим полководцем, Марком Клавдием Марцеллом, консулом 222, 215, 214, 211 и 209 гг., фактически «вторым человеком» в римской военной иерархии и командующим армией, осаждавшей Сиракузы в 214–212 гг. Если Фабий стал символом обороны, а Марцелл — символом перехода в наступление,

то символом победы стал Сципион Африканский (биография до нас не дошла), разгромивший Ганнибала в Испании (210–206 гг.) и Африке (203–201 гг.), победитель при Заме (202 г.), консул 205 и 194 гг. до н. э., принцепс сената с 199 г. и до своей смерти в 184 г. Сципион стал символом победы не только над Карфагенской Империей, но и над Македонской и Селевкидской Империями, а эпоха Сципиона стала эпохой становления римской мировой гегемонии, тем более, что его брат, Л. Корнелий Сципион, консул 193 г., командовал армией при Магнезии (зима 190/189 гг.), а легатом в его армии был Публий. Наконец, как грек, Плутарх уделяет особое внимание Титу Квинкцию Фламинину, победителю во Второй Македонской войне (200–196 гг.) и «освободителю» Греции (196 г.).

Дальнейшая история II в. н. э. изложена в биографиях двух выдающихся людей М. Порция Катона и Сципиона Эмилиана (биография которого до нас не дошла). М. Порций Катон (234–149 гг.), герой Второй Пунической войны, консул 195 и цензор 184 г. был в 80–50-е гг. одним из лидеров римского сената, а Сципион Эмилиан, консул 147 и 134 гг. до н. э. взял Карфаген (146 г.) и Нуманцию (133 г.) и стал ключевой фигурой в борьбе с кризисом 50–30 гг. II в. до н. э., когда восстания против Рима прошли по всему периметру Римской державы (Испания, Африка, Греция, Малая Азия, Сицилия), а после чего началась эпоха гражданских войн 133–31 гг. до н. э., которую Плутарх разбирает уже более подробно.

В жизнеописании Гракхов содержится рассказ о реформах 133–121 гг. до н. э., которые должны были значительно смягчить кризис, однако убийство реформаторов стало началом гражданской смуты, которая и перешла в гражданские войны. Биография Мария отражает две большие войны, Югуртинскую (111–105 гг. до н. э.) и Кимврскую (113–101 гг.); первая из них показала глубочайший кризис правящего нобилитета и привела к возрождению антисенатской оппозиции, поддержанной большинством населения, которую возглавил «народный полководец» Гай Марий, тогда как вторая поставила под вопрос существование Римской державы, превратив Мария, консула 107, 104, 103, 102, 101 и 100 гг. в фактического диктатора. Война завершилась блестящими победами при Аквах Секстиевых (102 г.) и Верцеллах (101 г.), однако победа популяров была сведена на «нет» разгромом движения Сатурнина (100 г.). Марий участвовал в Союзнической войне (91–88 гг.), пережил переворот Суллы в 88 г., захватил власть в 87 г. и дожил до своего седьмого консульства (86 г.), во время которого и умер. Тем не менее, Плутарх очень четко показывает, что после 100 г., его время, в общем, закончилось. Началась новая эпоха.

Это был самый трагический период во всей римской истории — время Союзнической войны (91–88 гг.), смуты 80-х гг., Первой Митридатовой войны (89–85 гг.) и гражданской войны 83–82 гг., унесших жизни полумиллиона римлян. Завершением этой кровавой вакханалии стали диктатура

Суллы (81 г.), военная колонизация Италии и ультраконсервативные реформы, а олицетворением этой эпохи стал Луций Корнелий Сулла, чья биография следует за биографией Мария.

Рим стоял на грани гибели, однако войны 70-х гг. I в. до н. э. отодвинули его от роковой черты. Эти войны даны через биографии четырех людей. Квинт Серторий, последний марианский полководец, поднял восстание в Испании, которое переросло в Серторианскую войну (79–71 гг.), ставшую продолжением гражданской войны 83–82 гг. и заставившую сулланскую элиту прекратить тотальный террор и пойти на компромисс. Л. Лициний Лукулл одержал победу в Третьей Митридатовой войне (74–68 гг. до н. э.), превратившуюся в глобальное завоевание востока Империи от Средиземного моря до Евфрата, а Марк Лициний Красс завершил третью глобальную войну, войну со Спартаком (73–71 гг. до н. э.).

Впрочем, как бы обобщающей фигурой этого периода стал Гней Помпей, претендовавший на роль главного наследника Суллы, а время 78–49 гг. стало своего рода «принципатом Помпея». Помпей был победителем Лепида (78 г.) и Сертория (77–72 гг.) и считал себя вторым победителем Спартака. В 70 г. он стал творцом и гарантом «конституции» 70 г., создавшей грандиозный социальный компромисс различных политических сил. В 70-е гг. Помпей смог остановить разрушительные процессы, а пиком его успеха стали пиратская война (67 г.) и завершение Третьей Митридатовой войны (66–62 гг.). Биографии Красса и Помпея отражают сложные

перипетии политической борьбы 65–49 гг., эпоху Первого триумвирата (59–53 гг. до н. э.) и дальнейшие судьбы соперничавших между собой политических лидеров, гибель Красса в Парфянском походе (53 г.) и Помпея в борьбе с Цезарем (48 г.). Можно увидеть и два разных выбора, Помпей оставался наследником Суллы, а Красс сделал ставку на оппозицию.

Будущее, однако, принадлежало другим политикам, и если политические программы постсулланского руководства сводились либо к полной реставрации сулланского режима (Катилина), либо к ликвидации реформ 70 г. или, по крайней мере, к недопущению новых (Кв. Катул), либо, наконец, к реформированному сулланскому режиму «с человеческим лицом» (Помпей), то Гай Юлий Цезарь, «наследный принц» марианской партии, племянник Мария и зять Цинны, прошел сложный путь от чудом уцелевшей жертвы проскрипций до лидера оппозиции, полностью отказавшегося от наследия Суллы. Именно это принесло ему победы на выборах, а когда в 59 г. Цезарь стал консулом, и приступил к масштабным реформам, которые должны были вывести Империю из кризиса, многие восприняли это как реальную смену власти.

Судьба распорядилась по-иному. Начались Галльские войны (58–51 гг.), в ходе которых был разгромлен главный внешний противник (галлы и германцы), способный уничтожить Империю. За ними последовала гражданская война 49–45 гг. до н. э., остановившая процесс внутреннего распада, а реформы

и военные планы могли бы сделать Империю неуязвимой. Если Саллюстий изображает Цезаря «демократическим монархом» и народным лидером, свергнувшим господство олигархии, а Аппиан показывает его выдающимся полководцем и политиком, спасшим общество от губительного кризиса гражданской войны, то Дион Кассий видит в нем конструктивного реформатора, создавшего новый мир Империи, а Плутарх — «римского Александра», создателя единства всего человечества.

Общую картину гражданских войн дополняет биография Катона, и если борьба Цезаря и Помпея рассматривается Плутархом скорее в личностном плане, то в лице Катона Цезарю противостоит идейный противник, олицетворявший «старую республику», которая не может принять новую Империю Цезаря, и в этом заключена еще одна глубокая мысль греческого историка.

Наконец, последний период гражданских войн, 44–31 гг. до н. э. отражен в биографиях Цицерона, Брута и Антония. В биографии Цицерона Плутарх выбирает основные события его политической биографии: дело Верреса (Plut. Cic., 7–8), заговор Катилины (Ibid., 10–23), борьба с Клодием в 59–52 гг. (Ibid., 24–33) и М. Антонием (Ibid., 33–39) и если в жизнеописании Цицерона дан обзор предвоенной политической борьбы 44–43 гг. до н. э., а в биографии Брута рассмотрен самый острый период гражданской войны (42 гг. до н. э.), то биография Антония охватывает события ее второго этапа, от Перузийской войны до битвы при Акции (41–31 гг. до н. э.).

Подводя итоги, можно сказать, что Плутарх дает очень связный глубокий и содержательный обзор гражданских войн с безукоризненной точностью выбирая основные поворотные пункты и события этого периода.

Казалось бы, порядок расположения биографий и выбор «пар» противоречат четкому хронологическому принципу: так, Гракхи стоят в паре с Агисом и Клеоменом, Марий с Пирром, Лисандр с Суллой, Серторий с Эвменом и т. д. Между тем, эта логика тоже подчиняется историческому принципу. В ряде случаев мы имеем явное сходство характеров (Демосфен и Цицерон, Деметрий Полиоркет и Антоний, Дион и Брут), однако в других этот принцип не работает, а иногда у нас нет достаточной информации, чтобы ответить на вопрос, существовало ли подобное сходство. Что общего, например, между Алкивиадом и Марцием Кориоланом, Пирром и Марием, Периклом и Фабием Максимом, Фемистоклом и Камиллом? Это общее содержится не в характере, а в сущности исторической роли и исторической судьбы.

В ряде случаев это очевидно: Тесей и Ромул, основатели Афин и Рима, древние законодатели Ликург и Нума Помпилий, победители угрожавшего стране варварского нашествия Фемистокл и Камилл, лучшие ораторы Демосфен и Цицерон, законодатели Солон и Публикола, основатели великих Империй Александр и Цезарь. Зачастую эти параллели носят очень глубинный характер. Тиберий и Гай Гракхи и Агис и Клеомен, молодые

реформаторы, погибшие в неравной борьбе с жестоким и коварным врагом; выдающиеся полководцы Пирр и Гай Марий, не нашедшие себя в политике; победители Лисандр и Сулла, чья победа едва не привела к катастрофе, а их «дело» спасали их наследники, Агесилай и Помпей. Богатейшие люди Афин и Рима, Никий и Красс, ставшие жертвой военной авантюры, талантливые полководцы Кимон и Лукулл, одержавшие победы над внешним врагом, но стремившиеся всеми силами избежать гражданской войны или, по крайней мере, своего в ней участия и, наконец, Эвмен Кардийский и Квинт Серторий, «чужие среди своих», ставшие последними защитниками своего «дела». Грек Эвмен защищал единство распадающейся Империи Александра, Квинт Серторий — остатки разгромленной марианской «партии».

Иногда Плутарх фиксирует различия, которые как бы «дают подсказку», что могло бы случиться с другим персонажем. Сулла умер «победителем» в отличие от павшего в бою Лисандра, наоборот, Агесилай не смог удержать спартанскую гегемонию, но все же сохранил независимость Спарты и умер ее царем, тогда как разбитый при Фарсале Помпей трагически погиб в Египте. Личность творит историю, но у нее есть своя, иногда трагическая роль, а иногда и роль обреченного.

Помимо общефилософских идей, «Сравнительные биографии» несут в себе историческую концепцию и политическую задачу· Как и Ливий и Аппиан, Плутарх описывает ход исторического процесса.

Его биографии — это биографии полководцев, когда личное тесно переплетается с политическим.

Описывая эпоху гражданских войн, Плутарх, вероятно больше, чем любой другой автор делает акцент на внешних войнах, подробно описывая Кимврскую (Plut. Mar., 11–27) и Митридатовы (Plut. Sulla, 11–26; Luc., 7–37) войны, восточный поход Помпея 60-х гг. (Plut. Pomp., 31–47), Галльские войны Цезаря (Plut. Caes., 15–23), Парфянские войны Красса (Plut. Crass., 15–33) и Антония (Plut. Ant., 25–54).

Так, в биографии Мария Кимврская война (113–101 гг.) занимает 16 глав из 46 (35,4 %), в биографии Суллы — та же пропорция (13 глав из 37) уделена Первой Митридатовой войне (89–85 гг.), а в биографии Красса 17 из 35 глав (51,5 %)[4] занимает история Парфянского похода 54–53 гг. до н. э. Самые большие пропорции содержатся в биографиях Сертория, где 17 глав из 27 (63,9 %) уделены Серторианской войне (30–72 гг.), и Лукулла, где Третьей Митридатовой войне (74–68 гг.) посвящены 31 глава из 43 (70,5 %)[5].

Эта же тенденция видна в биографиях Помпея, Цезаря, Брута и Антония. В большой биографии Помпея половина уделена войне с пиратами и восточному походу 66–62 гг. — 23 главы (28,4 %) и гражданской войне 49–48 гг. (27 глав — 33,7 %). Мы уже давали пропорцию в биографии Цезаря, где 41 из 69 глав (59,3 %) — это описание Галльских (58–51 гг.)

---

[4] Plut. Crass., 16–33.

[5] Plut. Luc., 7–37.

и Гражданской войн 49–45 гг. Огромная биография Антония (87 глав) наполовину состоит из описания парфянского похода 36 г. (19 глав — 23,5 %), и Актийской войны (32–30 гг.) — 20 глав (около 25 %), а в биографии Брута 36 глав из 53 (60 %) занимает битва при Филиппах[6]. Отчасти это объясняется повышенным интересом античного читателя к военной тематике, но, на наш взгляд, здесь можно увидеть и концептуальный фактор.

Для сравнения отметим, что Ливий (судя по эпитомам) посвящает Кимврской войне (113–101 гг. до н. э.) две книги (67, 68), Первой Митридатовской — четыре книги (78, 81–83), Серторианской войне — семь книг (90–96), хотя рассказ об этой войне перемежается повествованием о других событиях 70-х гг.; о походе Л. Лициния Лукулла рассказывается в пяти книгах (94–98), о войнах Помпея в 60-е гг. — четыре книги (99–102), Галльским войнам Цезаря посвящены шесть книг (103–108). Наоборот, Союзнической войне Ливий уделяет семь книг (71–77), гражданской войне 83–82 гг. — пять книг (85–89), войне 49–45 гг. — семь книг (110–116), войнам 44–31 гг. — семнадцать (117–133). Из 85 глав в труде Веллея Патеркула (Vell., II, 1–85) внешним войнам посвящены не более 20; сходна пропорция у Флора, который дает обзор внешних войн отдельно от гражданских (Flor., II, 18 — III, 12 — 15 глав о внешних войнах; III, 13 — IV, 11 — 21 глава (гораздо большего размера) о гражданских войнах).

[6] Plut. Brut., 21–53.

28 Аналогичны и пропорции Аппиана: описание гражданских войн (кн. 13–17) намного превышает его сообщение о внешних войнах 133–31 гг. в кн. 4, 6, 8 и 12. Так или иначе, если внешние войны для традиции Ливия (и для Аппиана) — это «сопутствующий» фактор гражданских войн, то для Плутарха они, как минимум, равнозначны. Конечно, количественные показатели чисто формальны, но, в данном случае, они отражают и суть.

Почему же Плутарх акцентирует внимание на внешнем факторе гражданских войн 133–31 гг. до н. э.? Отметим, что Ливий, а позже Аппиан также не были склонны к игнорированию этого фактора, однако Плутарх более склонен уделять ему особое значение. Тем не менее, если для Цицерона (и, вероятно, Ливия) судьба мира решалась в Риме, и главным был внутренний конфликт, расколовший римское общество, а за ним и весь остальной мир его союзников, подданных и внешних сил, а Аппиан считал главным «поражающим фактором» эпохи социальный конфликт в Италии, то Плутарх несколько смещает акценты, показывая, что период 133–31 гг. до н. э. был не только эпохой грандиозной гражданской войны, но и временем столь же грандиозного нашествия варваров (галлов, германцев, парфян, балканских народов и др.), сопровождаемого восстанием внутреннего «варварского» мира и, что было особенно опасно, внутренним расколом римского общества.

Определенную роль сыграли факторы конкретной политической жизни. Только что закончились

грандиозные Дакийские войны Траяна (101–105 гг.), надолго ликвидировавшие угрозу на Дунае, и, вероятно, готовился (или уже начался) Парфянский поход (114–118 гг. н. э.), что, несомненно, стимулировало особый интерес к парфянским войнам. Наконец, будучи греком, Плутарх особенно интересовался жизнью восточных провинций. Это, однако было важное, но не единственное обстоятельство.

Было и другое. В 97 г. Траян стал соправителем и наследником Нервы, сделав то, что не удалось Августу и Веспасиану — он сумел избежать гражданской войны, и не менее важной задачей, чем завоевания, было сохранение единства общества и его важнейшей составной части, единства императорской власти и сената, монархического и республиканского начал. Как и Август на своем Форуме, знаменитый биограф выстраивает в «один ряд» бывших заклятыми врагами римских политиков и полководцев, Мария и Суллу, Помпея и Цезаря, Антония и Брута. Даже у персонажей, не бывших военачальниками, например, Тиберия и Гая Гракхов подчеркивается фактор их военной службы (Plut. Tib. Gr., 1–3; G. Gr., 2) и именно из Плутарха (и, конечно, от самого Цицерона) мы узнаем, что Цицерон служил в армии Суллы во время Союзнической войны (Plut. Cic., 3, 31), а Катон участвовал в войне со Спартаком (Plut. Cato, 8).

В этом был не только политический, но и глубоко исторический смысл. Гражданские войны: Союзническая война (91–88 гг.) и гражданские войны 83–82, 49–45 и 44–31 гг. до н. э. были, конечно,

главным «поражающим фактором» в войнах I в. до н. э. Как отмечает К. Николе, «столетие от Гракхов до Юлия Цезаря было столетием постоянных переворотов и следующих один за другим „кризисов“ или „революций“: аграрный кризис 133–121 гг., военные перевороты и гражданские войны 103–100, 88–80, 76, 73–71, 63, 49–44, восстание в Италии в 90–88 гг. до н. э.; рабские войны 136, 106 и 73 гг. (и снова в 47 и 36 гг.). В каждом из этих событий источники особенно подчеркивают социальное измерение: „богатые“ и „бедные“ „нобили“ (sic!) или „лучшие“ (optimates) против „плебса“, „народа“ или „низших“ классов. Политическая история даже на самом чисто нарративном уровне все время имеет корни в социальном и структурном контексте»[7]. Ко всему этому добавились чисто экономические кризисы: кризис снабжения Рима в 134–122 гг., финансовые кризисы 88, 82, 66, 63, 48–47 гг. и монетные кризисы 88, 82, 63–61, 45–44[8].

Можно оспорить детали этого перечня. Так, мы поставили бы на первое место Союзническую войну (91–88 гг. до н. э.), отмеченную огромными людскими потерями (300 000 человек — Vell., II, 15–16) отделили бы «большие» гражданские войны 83–82, 49–44 и 44–40 гг., равно как и войну 31–30 гг. от «малых» гражданских войн (87, 78 и 63 гг.) и периодов «смутного времени» 103–100, 88–84 гг.

---

[7] *Nicolet C.* Economy and Society, 133–43 B. C. // CAH. 2-e ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 600.

[8] Ibid.

и отнесли бы восстание Спартака (73–71 гг.) к восстаниям рабов, а войны 38–36 гг. и 31–30 гг. — к гражданским. Тем не менее, нельзя оспорить общие тезисы о борьбе «двух Италий», огромных потерях в этих военных конфликтах (как бы их ни называть) и о том, что Рим I в. н. э., как и Греция IV в. до н. э., стоял перед угрозой самоуничтожения. Однако прав и Плутарх. «Ряд» внешних войн выглядит не менее внушительно, а потери в них были достаточно серьезны. Первая волна кризиса вообще полностью состояла из внешних войн и провинциальных восстаний: Испанские войны (154–133 гг.), Третья Пуническая война (149–146 гг.), восстание Лже-Филиппа в Македонии (150-148 гг. до н. э.), Ахейская война (147–146 гг.), Сицилийское восстание рабов (136–132 гг.), а чуть позже — война в Нарбонской Галлии (133–121 гг.) и восстание Аристоника в Пергаме (133–128 гг.).

Новый кризис был вызван уже Югуртинской (111–105 гг.) и Кимврской (113–101 гг.) войнами, равно как и малоизвестной войной со скордисками (107–101 гг.), которые и сформировали марианскую оппозицию. Союзническая война (91–88 гг.) проходила параллельно с Первой Митридатовой войной (89–85 гг.), которая из локальной войны стала глобальной.

Все войны 70–60-х гг. были либо чисто внешними: войны Сервилия в Малой Азии (78–74 гг.), непрекращающаяся война на Балканах (79–71 гг.), Третья Митридатова война (74–63 гг.), либо уже «гибридными», так в восстании Сертория (80–72 гг.) сочетались

гражданская война и провинциальное восстание, а в восстании Спартака (73–71 гг.) — рабское восстание и гражданская война. Наконец, в пиратской войне 67 г. сочетались черты восстания в провинциях и социального движения. 70-е гг. стали определенным переломом, когда исчезала грань между гражданской войной, провинциальным восстанием и внешним вторжением.

После чисто внешней Галльской войны (58–51 гг.) последовала «гибридная» гражданская война 49–45 гг., которая была гражданской только в 49–48 гг. и, при этом, почти бескровной. На втором этапе (47–45 гг.) на арену вышли вассальные цари (Птолемей XIII, Юба и Фарнак) и независимые и полузависимые племена африканских и испанских провинций, которые принимали активное участие и в войне 49–48 гг.

То же самое сочетание внешнего вторжения, провинциальных восстаний и гражданской войны, мы видим и в войнах 44–31 гг. до н. э., из которых собственно гражданской была только война 43–42 гг. (от Мутины до Филипп), а далее следовали Перузийская война 41–40 гг., ставшая последней войной «богатой» и «бедной» Италии, «пиратская война» против С. Помпея (38–36 гг.), большая война с Парфией (42–36 гг.) и Актийская война (32–30 гг.), которую Октавиан не без основания считал *bellum externum* (войной с внешним противником).

Этот характер кризиса великолепно понимал Юлий Цезарь. Его формула, регулярно цитируемая

исследователями[9], «покой для Италии, мир для провинций и безопасность для Империи» (Caes. B. C., III, 57 — *quietem Italiae, pacem provinciarum, salutem imperii*), означала конец гражданских войн, провинциальных движений и восстаний и внешних вторжений. Опыт действительно показывал, что гражданская война могла превратиться в полномасштабную (примеры 49 и 43–42 гг.) только в условиях ее перенесения в провинции, а любое провинциальное восстание могло быть успешным только при поддержке извне.

Это понимание вполне характерно для всех трудов, ставших нашими источниками, однако мы видим его разные оттенки. Для Цицерона или Лукана гражданские войны 133–31 гг. были конфликтом внутри римского гражданского коллектива, в который были втянуты союзники и подданные Рима, а за ними и внешние силы. Для Аппиана, автора самого большого обзора Союзнической войны (91–88 гг.; App. B. C., I, 39–53) речь шла о социальном «взрыве» в Италии и провинциях, сопровождаемых bella externa. Плутарх шел еще дальше, показав кризис 133–31 гг. как грандиозное наступление варварского мира, которое вызвало и социальный взрыв в провинциях и гражданские войны. Это вызывало разные восприятия ситуации: если для Цицерона трагедией было свержение «свободной республики» и установление тирании и монархии, то для

[9] *Rawson E.* Caesar: Civil War and Dictatorship // CAH. 2-e ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 439.

Плутарха и, вероятно, Аппиана, которые отдали дань «республиканскому» почитанию Катона, Цицерона и Брута, более характерно «цезарианское» восприятие — речь шла не о том, кто и как будет управлять Римом, а о том, будет ли он существовать вообще.

Можно видеть и определенную идейную установку. Плутарх очень мало пишет о Союзнической войне, равно как и о гражданской войне 83–82 гг. до н. э., обращая однако большее внимание на репрессии Мария и Суллы (Plut. Mar., 43–44; Sulla, 31–32) и в этом тоже был признак времени. Кровавый след Гражданских войн тянулся почти до времени жизни автора. Сначала он проявился в репрессиях времен Тиберия (особенно в 31–37 гг. н. э.), затем — во времена Калигулы (37–41 гг. н. э.) и в кризисе времен Нерона (особенно в 62–67 гг. н. э.) и, наконец, в событиях гражданской войны 68–69 гг., показавшей, что и Империя не застрахована от подобного бедствия. После Веспасиана (70–78 гг.) могло показаться, что Империя все-таки избавилась от этой опасности, однако репрессии Домициана (81–96 гг. н. э.) снова поставили Рим перед подобной угрозой. На сей раз гражданская война «не состоялась». Начался принципат Нервы (96–98 гг. н. э.), а преторианский мятеж 97 г. прекратился после того как Нерва усыновил Траяна, за которым стояла вся римская армия во главе со своим командованием.

Есть основания считать, что Плутарх понимал эту ситуацию, хотя его жизнь протекала в Греции,

которая после 40–30-х гг. I в. до н. э. переживала самый долгий в своей истории период мира. Известному в Греции философу, отличавшемуся миролюбием, доброжелательностью и мягкостью, писавшему о древностях, древней истории и литературе, поручили описывать события, которые (в этом едва ли сомневались представители правящей элиты) были «корнем» всего того зла, которое столь подробно описал его современник Тацит.

Траян считал своей миссией не только разгром главных врагов Империи, Дакийского царства, Парфянской империи и германцев, но и полное прекращение тех внутренних конфликтов, которыми столь изобиловал I в. до н. э. с его императорскими репрессиями, придворной борьбой, заговорами, преторианскими путчами и дворцовыми переворотами, способными, как показали события 68–69 гг. н. э., перейти и в настоящую гражданскую войну, сопровождаемую большими провинциальными восстаниями (на сей раз в Иудее и Британии) и неудачными войнами с Парфией и на рейнской границе. Траян (во многом не без оснований) считал, что он, наконец, покончил с тяжелым наследием двух периодов, гражданских войн 133–31 гг. до н. э. и во многом ставшего их продолжением времени Юлиев-Клавдиев и Флавиев (14–96 гг. н. э.). Император сделал это в жизни, нужно было закрепить это положение на страницах литературных сочинений, и это сделали три больших писателя, Плиний Младший, Плутарх и Тацит. Плиний удачно выразил новую концепцию принципата, который должен был

основываться на общественном консенсусе. Тацит написал «всю правду» о принципате I в. н. э., и сколь бы она ни была болезненна для власти, власть и общество должны были ее выслушать. Наконец, Плутарх должен был показать «корень зла», гражданские войны 133–31 гг. до н. э. Вероятно, римляне были уверены, что именно с этого времени «идущая по прямой» римская держава свернула со своего исторического пути. Впрочем, концепция Плутарха скорее была связана с глобальной внешней угрозой, и Рим оказывается не мировым лидером, разложившимся от своих побед, господства, обогащения и безнаказанности (отчасти было и это), но мировым лидером, получившим новый, гораздо более серьезный «вызов», чем ранее, и вынужденным сражаться не только за господство, но и за свое существование и целостность.

Можно увидеть и расхождение в отношении к грекам. Для Цицерона и, вероятно, Ливия, при всей их греческой образованности и филэллинизме, Греция и эллинистический мир, как и все остальные, остаются объектом римской политики, тогда как для Плутарха, что прекрасно показано в биографиях Филопемена и Тита, это — политический и культурный партнер по защите цивилизованного мира.

Итак, мы видим глубоко эрудированного автора, прекрасно ориентирующегося в своих источниках и наметившего основные поворотные пункты исторического процесса, не всегда точного в фактах, но хорошо ориентирующегося в глобальных истори-

ческих событиях. Значение Плутарха значительно возрастает благодаря его великолепному литературному стилю, гуманистической позиции и гармоническому сочетанию просопографической информации и исторического контекста. Таковы, вероятно, основные характеристики биографий Плутарха, равно как и секрет их популярности, вызванный особенно удачным сочетанием лучших черт исторического исследования и исторического романа и чем-то похожим на «Киропедию» Ксенофонта.

* * *

Первоначальным замыслом книги, которая называлась «Строители Империи» было желание показать суть этого воистину монументального труда. Первая глава, которая является основой данной книги, должна была быть посвящена биографии Плутарха, главы 2 и 3 — включали в себя биографии Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла и Помпея. Наконец, глава 4 содержала бы биографии Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Планировались очерки о Цицероне, Катоне и Бруте. Все их предполагалось рассмотреть на фоне сведений других источников и теорий исследователей Нового и Новейшего времени.

От этого плана, если рассматривать его в общей форме и объеме, пришлось отказаться. Уже первая глава разрослась до совершенно невероятных размеров. Говоря о великом историке и биографе, было

невозможно не сказать единстве греческой и римской истории и культуры, которое возникло (это — мнение Плутарха, которое мы полностью разделяем), не в III–II вв. до н. э. и даже не в VI–V вв. до н. э., но существовало со времен основания Рима, если не раньше[10]. Кроме того, поскольку историческим объектом труда Плутарха является эпоха гражданских войн 133–31 гг. до н. э., это потребовало хотя бы очень краткого обзора этих событий. Вместе с тем, сам Плутарх, который, несмотря на интервал в 100–200 лет, писал о своих героях как о близких ему людях, все-таки жил в другую эпоху, а потому нам пришлось бы остановиться и на истории Империи I–II вв. н. э. и ее культуре. В итоге бывшая глава, стала небольшой монографией, которую мы и представляем вниманию читателей, а бывшие параграфы стали теперь ее главами. Это, соответственно, глава 1 «Рим от Ромула до Гракхов (753–133 гг. до н. э.)», глава 2 «Гражданские войны (133–31 гг. до н. э.)», глава 3 «Империя и ее культура (I–II вв. н. э.)» и глава 4 «Эпоха Траяна».

Вероятно, еще бóльшие проблемы вызвала основная часть «Строители Империи», т. е. главы 2, 3, 4 книги, в которых автор пытается рассмотреть конкретные биографии. Пришлось ограничиться биографиями Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла, Помпея и Цезаря. В этом был свой смысл, поскольку, как было сказано ранее, именно они стали основой «событийного ряда» эпохи

[10] См. ниже, с. 47–49.

133–31 гг. до н. э. Главным препятствием был опять-таки объем.

Впрочем, некоторые ограничения оказались вполне оправданы. Так, совершенно естественным был отказ от главы об Октавиане Августе. Для истории Августа по-прежнему остается актуальной монография Н. А. Машкина (последнее издание см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. М., 2016), однако после выхода в свет другой монографии Я. Ю. Межерицкого (Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016) эта тема оказывается исследованной настолько исчерпывающе, что помещение в наш контекст этой биографии полностью теряет какой-либо смысл. Добавим лишь то, что наша очень краткая версия политической биографии «первого принцепса» существует в монографии «Рим на грани эпох» (Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985; 2-е изд. Принципат. Создание и развитие политической системы. 31 г. до н. э. — 68 г. н. э. СПб., 2023). Кроме того, имеется небольшой обзор в другой монографии «Юлий Цезарь. Политическая биография» (СПб., 2014). Отметим лишь одно наше расхождение с уважаемым коллегой: на наш взгляд Август сделал все возможное (а, может быть, и невозможное) для реализации планов Цезаря, а большинство различий в их политике были вызваны не принципиальными различиями в программе, а различиями ситуационными. Цезарь видел в качестве своего наследника Октавиана (и только его), и именно он должен был стать «императором мира» после того, как Цезарь

завершит все большие войны и добьется победы над всеми противниками. Судьба распорядилась по-иному. Октавиану, как и всей огромной Римской Империи, пришлось пережить кровопролитные войны 44–31 гг., после которых, многие реформы Цезаря стали невозможны, а многие пришлось надолго растянуть во времени. Войны диадохов (323–301 гг. до н. э.) привели к распаду Империи Александра, после войн 44–31 гг. Римская Империя сохранила свое единство, но это была уже другая Империя, нежели та, которую строил Цезарь, и эта новая реальность была той, в которой и должен был действовать император Август.

Мы также отказались от рассмотрения биографии Марка Туллия Цицерона. Во-первых, потому, что если Цезарь был создателем Римской Империи, то Цицерон, в той же степени, был создателем новой римской культуры, и чтобы писать его биографию, нужно быть не только историком, но и филологом и философом, каковым автор данной книги не является; во-вторых, отечественный читатель может познакомиться о биографией Цицерона благодаря монографии С. Л. Утченко (*Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972) и переводному труду П. Грималя (*Грималь П.* Цицерон. М., 1991), каждый из которых составляет 300–400 страниц и, наконец, некоторые факты из биографии Цицерона отчасти присутствуют в других биографиях, особенно, в биографиях Помпея и Цезаря.

Сложную проблему представляла биография Красса, которая первоначально не вошла в книгу

также по соображениям объема. Впрочем, биография Красса уже была подробно рассмотрена в нашей статье «Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик» (*Егоров А. Б.* Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 9. Ставрополь, 2007. С. 226–243) и в отношении нее было принято особое решение (см. с. 44). Вокруг Марка Красса сложился образ «антигероя», богатейшего римского олигарха и палача восстания Спартака. Отметим, однако, что в подавлении восстания участвовали и Помпей, и брат Лукулла Марк, а сам Красс был консулом 70 г. до н. э. и вторым «гарантом» конституции 70 г., который до консульства начал постепенный переход в лагерь оппозиции, став ближайшим политическим союзником Цезаря, а его сыновья, Публий и Марк, служили в армии Цезаря, будучи его ближайшими сподвижниками. Публий Красс был квестором Цезаря в Галльских войнах в 58–54 гг. и несомненно, был «третьим» человеком в армии после Цезаря и Лабиена, а затем погиб во время Парфянского похода 54–53 гг. вместе с отцом. Марк стал легатом Цезаря в 53 г. и прошел с ним боевой путь до окончания войны, а в 49 г. был наместником Цизальпийской Галлии, после чего, вероятно вскоре умер. Первый триумвират был скорее не союзом Цезаря, Помпея и Красса, а союзом Цезаря и Красса с Помпеем.

Примечательно, что для Плутарха особое значение имеет парфянский поход, которому посвящено более половины биографии (Plut. Crass., 17–34).

42 Подробно рассмотрев действия римлян, исследователи отмечают множество военных и политических просчетов самого Красса[11], однако, при всей справедливости этого мнения, нельзя не признать, что это было и поражение Рима, когда оптиматское правительство и Помпей были более озабочены борьбой с Цезарем и Крассом, чем с галлами и Парфией. Плутарх прекрасно улавливает этот момент, сопоставляя жизнеописания Никия и Красса, а судьбу Красса и его армии с судьбой афинской армии Никия и Демосфена в Сицилийской экспедиции 415–413 гг.

Другой сложной фигурой был Марк Антоний, один из лучших легатов Цезаря в Галлии (54–51 гг.), ставший его ближайшим помощником в гражданской войне 49–45 гг. до н. э. и начальником конницы в 48–46 гг. Его жизнь была чередой взлетов и падений: в 43–42 гг. он спас «дело Цезаря», был фактическим главой триумвирата в 43–40 гг. и, по общему убеждению, стал настоящим победителем при Филиппах (42 г.), Затем последовали Брундизийский (40 г.) и Мизенский (39 г.) договоры, неудачный парфянский поход 36 г. до н. э., открытый конфликт с Октавианом (33–31 гг.), битва при Акции (2 авг. 31 г.) и самоубийство в Александрии (30 г.). Через весь последний период его жизни проходит его любовь к Клеопатре VII, последней представительнице династии Птолемеев.

---

[11] См. ниже, с. 378–381.

Взгляд Плутарха становится более понятен при сопоставлении жизнеописания Антония с биографией Деметрия Полиоркета (306 — ок. 285 гг. до н. э.), сына Антигона Одноглазого (380–301 гг. до н. э.). Трудно найти более сходных персонажей, общими были характеры и судьба, личная и историческая. На протяжении всего периода борьбы диадохов (317–301 гг.) Деметрий был «правой рукой» отца и продолжал борьбу до своей смерти. Характеры Деметрия и Антония почти идентичны, их жизнь полна взлетов и падений, бесчисленных связей с женщинами, пиров, кутежей и авантюр, однако, если судьба Антония представляется Плутарху скорее его виной и итогом связи с Клеопатрой, то на примере Деметрия мы видим обреченность его «дела». Царство Антигона распалось после Ипса (301 г.), и Деметрий оказался «лишним» в новом мире двух Империй, Селевкидов и Птолемеев, где правили два сподвижника Александра, Селевк и Птолемей, Антоний же строил то, в чем обвиняли Цезаря — эллинистическую монархию, тогда как будущее принадлежало римской «республиканской монархии» Октавиана Августа. Его биография и наша позиция изложены в нашей монографии «Строители Империи Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций» (СПб., 2012).

Впрочем, главной проблемой стало то, что монографию «Строители Империи» было бы логично закончить биографией Цезаря, но ее размеры (свыше 200 страниц) опять-таки увеличивали книгу до невероятных размеров. Эта книга стала сокращенным

вариантом нашей монографии «Юлий Цезарь: политическая биография» (СПб., 2014).

В этой ситуации мои издатели, Вадим Викторович Чубарь и Алексей Юрьевич Карачинский нашли, на мой взгляд, оптимальное решение об издании трех книг.

Глава 1 первоначальной монографии выходит отдельной монографией «Римская история и Плутарх» (данная книга); монография «Строители Империи» (биографии от Гракхов до Помпея) должна выйти в Издательстве «Наука» и, наконец, биография Юлия Цезаря уже вышла в свет в издательстве «Евразия» под названием «Юлий Цезарь. „Единственный император“» (СПб., 2023). Наконец, буквально в последний момент Вадим Викторович предложил опубликовать раздел о Крассе в качестве приложения к данной книге, что было с благодарностью принято автором.

Глава 1

От Ромула до Гракхов (753–133 гг. до н. э.)

§ 1. Рим и Италия (753–265 гг. до н. э.)

Литература в собственном смысле слова появляется в Риме в III–II вв. до н. э., когда под его властью оказались наиболее старые и развитые области греческой культуры, греческие города Кампании, юга Италии и Сицилии, а затем и собственно Греция, Македония и Малая Азия. Впрочем, диалог двух культур был бы невозможен, если бы римляне не пришли к нему, не имея собственной, весьма значительной культурной традицией.

Основой этой традиции была развитая религиозная система, имевшая очень древний религиозный пласт, сутью которой были вера в numen и genius[1], домашняя религия с ее культами ларов, манов и пенатов[2], а также — культы леса, деревьев и животных. Эта древнейшая религия была необычайно устойчивой и существовала даже во времена

---

[1] *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 6–3.

[2] Там же. С. 9.

Империи I–II вв. н. э., когда в Рим уже пришла новая религия, христианство[3].

Главные божества римлян появились очень рано, и уже в начале царского периода (VIII–VI в. до н. э.) мы видим знаменитую триаду, Юпитер, Марс и Квирин, а при этрусских царях к ним добавилась этрусская триада, Тиния, Уни, Менрва.

Судя по всему, римский пантеон включал в себя около сотни основных богов и множество мелких (камиллы, лемуры, нимфы, фавны, камены и др.)[4]. В этническом отношении их состав был весьма разнообразен. Основу пантеона составлял древний индоевропейский пантеон (Юпитер, Марс, Юнона, Солнце) и древние боги Лация (di indigetes, Веста, Конс, Диана, Церера, Палес, Робиго). Мы также видим большое количество италийских (Квирин, Фортуна, Минерва) и греческих (Венера, Геракл, Аполлон, Меркурий, Диоскуры) божеств, причем, последние появились в Риме и Лации уже в V в. до н. э., а, возможно, еще и ранее[5]. Согласно традиции, некоторые культы (Геркулеса, Диоскуров) существовали в Риме уже во времена царей, тогда как другие были учреждены во времена ранней республики (храм Меркурия был воздвигнут в 495 г., Аполлона — в 433 г.). Греческое влияние шло отовсюду, из Кампании, Великой Греции и Этрурии, пантеон которой подвергся сильной эллинизации.

---

[3] Там же. С. 6–9, 49–50.

[4] Там же. С. 215 слл.

[5] Там же. С. 133.

В III в. до н. э., а возможно и ранее, у Невия (274–204 гг.) и Плавта (254–184 гг.), а затем и у Квинта Энния (239–169 гг.), большинство греческих богов уже сливаются с римскими: Зевс с Юпитером, Марс с Аресом, Веста с Гестией, Нептун с Посейдоном, Плутон с Аидом, Диана с Артемидой, Минерва с Афиной Палладой, Венера с Афродитой, Церера с Деметрой, Прозерпина с Персефоной, Меркурий с Гермесом, Уран с Кроном[6]. Некоторые важнейшие греческие божества (Аполлон, Геракл, Диоскуры) так и не нашли римского аналога, как не нашли своих греческих аналогов и некоторые древнейшие боги Рима (Янус, Квирин, Добрая Богиня), что, впрочем, никак не отразилось на их популярности. Наконец, некоторые пары божеств (Диана-Артемида, Марс-Арес, Гера-Юнона и др.) имели между собой немалые различия. Тем не менее, ко времени подчинения Римом Италии (70-е гг. III в. до н. э.) Пантеон был един. Это религиозное единство, вероятно, и было основой будущего политического, правового и культурного сотрудничества двух великих античных цивилизаций, греков и римлян.

В Риме очень рано возникла письменность. Древнейшие латинские надписи, сделанные греческими буквами, существовали уже в VIII–VI вв. до н. э., в IV в. появились надписи, сделанные латинскими буквами, а сам латинский алфавит образовался на основе греческого.

---

[6] Там же. С. 6–9, 49–50.

Столь же древнюю традицию имеет и римское право, делившееся на fas и ius и представленное вначале leges regiae («царскими законами») (Dion. Hal., II, 9–10; 12; 15; 25; 27; Plut. Rom., 22; Liv., I, 6), вопрос о которых является предметом дискуссии, а затем уже и вполне историчными Законами XII Таблиц и так называемыми «статутными» законами (statute laws) 450–300 гг. до н. э. (законы Валерия-Горация от 449 г., закон Канулея от 445 г., Лициния-Секстия от 376 г., Публилия Филона от 339 г. и Гортензия от 287 г., а также другими законами), формировавшими основу того, что часто именуют римской «конституцией»[7]. Начиная с III в. до н. э. растет число и значение сенатусконсультов и магистратских эдиктов (особенно преторских), которые образуют основу для знаменитого «преторского права»[8]. Хотя римское право стало, быть может, наиболее оригинальным творением римской цивилизации, греческое влияние было и здесь.

Огромную роль в развитии самых различных научных знаний сыграли жреческие коллегии, прежде всего, коллегии авгуров и понтификов[9], и если авгуры были главными предсказателями будущего (гадания по молниям, кометам, каменным дождям, полету птиц, встречам с дикими зверьми и т. п.), то коллегия понтификов отвечала за исполнение воли богов[10].

---

[7] *Cloud D.* The Constitution and Public Criminal Law // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 491–492.

[8] Ibid.

[9] Жреческие коллегии в Древнем Риме. М., 2001. С. 16–18.

[10] Там же.

Согласно традиции Цицерона, Ливия и Дионисия Галикарнасского (Liv., I, 2, 5; Plut. Numa, 9, Dion Hal., II, 73), Нума Помпилий передал великому понтифику руководство всеми жреческими коллегиями, жертвоприношениями, судебными разбирательствами, искупительными действиями и обетами богам, а также — надзор за календарем (Cic. De leg., II, 18, 29 — 23, 56) и общее руководство всей религиозной жизнью общества[11]. Часто функции коллегий трудно разделить, но, в целом, коллегия авгуров играла особую роль в составлении календаря, политике и праве[12], фециалы были специалистами в области международного права, коллегия гаруспиков играла роль в даче предсказаний, а в коллегии понтификов сосредотачивались знания в области права, естественных наук (как и в коллегии авгуров) и историографии.

Развитие историографии было очень тесно связано с коллегией понтификов. Уже в очень раннее время появился обычай составления календарных записей, а затем и списков присутственных дней, списков магистратов (консульские и другие фасты) и сообщений о триумфах (acta triumphalia). Постепенно списки расширялись, в них включали сообщения о войнах, эпидемиях, голоде, стихийных бедствиях. Видимо, очень рано (не позже V в. до н. э.), а вероятно, и раньше, так как уровень развития этрусского Рима VI в. был выше уровня V в. до н. э., эти записи уже существовали.

---

[11] Там же. С. 101–102.

[12] Там же. С. 13–18.

Есть и конкретные данные. Самое раннее упоминание о договоре, который был вырезан на бронзовой доске — это упоминание о договоре 493 г., заключенном Спурием Кассием с латинами (Liv., II, 33, 9). Существуют сведения о так называемых «холщовых книгах» (*libri lintei*), самое раннее упоминание о которых относится к 444 г. (Liv., IV, 7, 12). В 404 г., согласно Цицерону, произошло солнечное затмение (Cic. De re p., I, 25), что часто считают первым достоверным упоминанием о римском летописном своде[13], а около 320 г. до н. э. верховному понтифику было вменено в обязанность составлять ежегодные списки магистратов и вносить в них наиболее выдающиеся исторические события[14]. Около 130 г. до н. э. великий понтифик П. Муций Сцевола, занимавший эту должность в 130–115 гг. до н. э., опубликовал понтификальные записи в виде большого единого сочинения из 80 книг, дав им название «Великие анналы» (Annales maximi)[15]. Наконец, Ливий сообщает о том, что значительная часть документов и записей, касавшихся древнейшего периода, погибли в пожаре города в 390 г. во время нашествия галлов, и их пришлось восстанавливать, причем, сами римские писатели сомневались в полной достоверности этой реставрации (Liv., VI, 1, 2–3).

---

[13] *Бокщанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 24.

[14] Там же.

[15] Там же.

Специфичной была и созданная римлянами историческая мифология[16]. У римлян не было той разветвленной и красочной мифологии, которая обессмертила художественное творчество греков и легла в основу поэм Гомера, Гесиода и кикликов, драматургии Эсхила, Софокла и Эврипида, а затем и произведений эллинистической и римской эпох[17]. Римская мифология ушла в историческое повествование, создав образ великого народа, начавшего свою историю с маленькой общины на Тибре и завершившего этот путь властелином мира[18]. Главным героем мифа стал римский народ, а действующими лицами — реально существовавшие политики и полководцы республики[19]. «Римский миф» создавался долго: появившись, вероятно, в летописях V–IV вв. до н. э., он перешел в сочинения анналистов III в. до н. э. и нашел свое полное воплощение в трудах историков I в. н. э., Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, а затем и авторов II в. н. э., видное место среди которых занимает и Плутарх.

Создание историографии требовало и довольно значительного уровня развития литературы, а к IV в. до н. э. Рим уже создает свой фольклор, религиозные гимны (салиев и арвальских

---

[16] *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирина; отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1989–1993. Т. 3. М., 1993. С. 646–653.

[17] Там же. С. 608–610.

[18] Там же.

[19] Там же.

братьев)[20] и театрализованные представления (в 364 г. римляне заимствовали из Этрурии фесценнины или сатуры), ставшие основой сатиры и драмы. Зарождается индивидуальное творчество. В 280 г. знаменитый цензор 312–308 гг. Аппий Клавдий Цек произнес речь против царя Пирра, вероятно, ставшую первой римской письменной речью. Он также писал стихи и составил сборник изречений, став, вероятно, первым римлянином, претендовавшим на индивидуальное творчество.

Итак, римское общество V–III вв. до н. э. уже создало основу для культурного подъема и развития историографии, ораторского искусства и художественной литературы.

* * *

Римское завоевание Италии было довольно сложным процессом. Его часто представляют в виде непрерывных войн, между тем, как многие народы вступали в Римско-италийскую федерацию относительно мирным путем.

Уже во времена царского Рима (VIII–VI вв. до н. э.) небольшое государство площадью в 150 квадратных километров с границами, отстоящими от центра на 10–12 км, и населением в 10–12 тысяч человек,

---

[20] Салии — Dion. Hal., II, 70–71; Ovid. Fasti, III, 258–264; 370–400; арвальские братья — Acta Fratrum arvalium, quae supersunt (Rest. et illustravit G. Henzen. Berolinum, 1874).

превратилось в IV в. при так называемой «этрусской династии» в большой город с подконтрольной территорией в 850 квадратных километров и населением в 50–80 тысяч человек, имевшим гегемонию в Лации, развитую систему разделения властей и проведшим так называемую реформу Сервия Туллия с созданием территориальных триб (4 городских и 17 сельских), делением на 5 имущественных классов и тимократической системой.

Эти первые успехи были достигнуты относительно мирным путем. Предание сообщает не только о войнах Ромула (Liv., I, 14), Анка Марция (ibid., I, 38), и Тарквиния Гордого (ibid., I, 53–54), но и о синойкизмах и относительно мирных присоединениях или завоеваниях, когда завоеванные оказывали относительно слабое сопротивление (ibid., I, 11–14; 22–26; 33; 38; 45; 49). Серьезные проблемы начались только тогда, когда Рим стал объектом активного наступления этрусков. Последовали свержение Тарквиния Гордого, захват Рима царем Порсеной (508 г.) и потеря национальной независимости. Вероятно, именно тогда победы кампанских греков у Кум (524 г.) и Арриции (507 г.), а затем и последняя победа Гиерона Сиракузского (480 г.) спасли Рим от полного подчинения этрускам.

Даже несмотря на сохранение независимости, первая половина V в. до н. э. стала, быть может, самым тяжелым периодом истории республики, полным бесконечных войн с этрусками, эквами и вольсками и острой борьбой патрициев и плебеев с ее постоянными конфликтами вокруг аграрного,

долгового и политико-правового вопросов. Кроме того, выйдя из «этрусской зоны», Рим стал гораздо более слабым в экономическом отношении.

Положение изменила политико-правовая революция середины V в. до н. э., когда патриции и плебеи приходят к соглашению, итогом которого стали Законы XII Таблиц (451–450 гг. до н. э.), законы Валерия-Горация (449 г. до н. э.), закон Канулея о браках (445 г. до н. э.) и введение консулярного трибуната (444 г. до н. э.) и цензуры (443 г. до н. э.).

Затухание сословной борьбы привело к активному наступлению Рима. Вторая Вейентская война (438–425 гг. до н. э.) и победа над эквами и вольсками у Альгида (431 г. до н. э.) привели к перелому в борьбе с этими противниками. Одновременно Рим переживает рост экономики, постепенное решение аграрного и продовольственного вопросов и затухание борьбы патрициев и плебеев. Третья Вейентская война (406–396 гг. до н. э.) и взятие Вей, похоже, решили все основные проблемы Рима. В руках римлян оказались большая часть Лация и прилегающие к нему регионы, а также — значительная часть южной Этрурии. Территории, занятые римлянами, составили около 75 000 га, что надолго решило аграрный вопрос.

Римское наступление было остановлено галльским нашествием 390 г. до н. э. Разгром в битве на реке Аллия (18 июля 390 г.), семимесячная осада Капитолия и разорение Рима привели к активизации всех его противников (этрусков, эквов, вольсков и сабинян), восстанию внутри почти всегда верного

союзу с Римом Латинского союза и новому обострению борьбы патрициев и плебеев.

События 80–40-х гг. IV в. были фактическим повторением событий первой половины V в. до н. э. Непрерывные войны 80–60-х гг. с этрусками, эквами и вольсками, восстания латинских союзников и непрерывные набеги галлов (367, 361, 360, 357, 350–349 гг. до н. э.), когда они доходили почти до Рима, сопровождались обострением всех экономических, внутриполитических и социальных проблем. Ценой огромных усилий Рим снова вышел из кризиса.

К 40-м гг. IV в. Рим был сильнейшей державой Италии, полностью контролирующей Лациум, юг Этрурии и области вольсков, эквов, герников и аурунков. Римские цензы показывают рост числа римских граждан с 103 000 в 474 г. до 152 573 в 392 г., но сохранение того же уровня в 340 г.[21], что, вероятно, является показателем потерь этого периода.

Другим свидетельством трудностей этого времени является обострение борьбы патрициев и плебеев. После острого кризиса 80-х гг. последовали законы Лициния-Секстия (376–367 гг. до н. э.), объединившие все основные требования плебеев (аграрные, долговые и политические), ставшие переломом в борьбе сословий. Главным стал вопрос о власти, ликвидация военного трибуната

---

[21] См.: *Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985. С. 100, 190.

с консулярной властью и паритет высшей, т. е. консульской, власти между обоими сословиями.

Постепенно борьба затухает. В 50–30-е гг. IV в. до н. э. плебеи получают доступ ко всем магистратурам (цензура, претура, должность диктатора) и, наконец, по закону Огульниев (300 г. до н. э.), к жреческим должностям авгуров и понтификов. Законы Публилия Филона (339 г.) и Гортензия (287 г.) создали комиции как суверенный орган, а закон Петелия-Папирия (326 или 313 гг. до н. э.) ликвидировал долговое рабство, дав всем римским гражданам гарантии личной свободы.

Самнитские войны стали решающей схваткой за Италию. Первая Самнитская война (343–341 гг. до н. э.) была первым проникновением римлян в Кампанию, а Латинская война (340–338 гг.) стала самым большим восстанием латинских союзников и привела к роспуску Латинского союза, получению римского гражданства рядом ведущих городов (Тускул, Ариция, Пед, Номент, Ланувий и др.), выводу колоний в города Кампании (Капуя, Кумы, Суэссула, Фунди, Формии) и созданию фактически унитарного государства, число граждан которого выросло с 160 000 до 250 000 человек (ценз 332 г. до н. э.)[22].

Центральное место в борьбе за Италию занимают Вторая (327–304 гг. до н. э.) и Третья (298–290 гг.) Самнитские войны. После тяжелой войны в Самнии и Кампании (327–322 гг.) и поражения в Кавдинском ущелье (321 г.), римляне закрепились в Кампании

[22] Там же.

и Апулии, а после решительных сражений 316–313 гг. в Кампании, начали медленное наступление в Самнии (310–306 гг.), завершив войну взятием столицы самнитов Бовиана (305 г. до н. э.). Хотя формально стороны почти вернулись к положению, существовавшему до войны, мощь самнитов была сломлена.

Теперь началось мирное наступление римлян. В 304 г. до н. э. они заключили союз с пелигнами, марруцинами, френтанами и марсами, в 302 г. — с вестинами, в 299 г. — с пицентами, а продвижение в Лукании вызвало Третью Самнитскую войну (298–290 гг.). Первые годы (298–296 гг.) прошли с явным преимуществом римлян, когда два талантливых полководца, Кв. Фабий Руллиан и П. Деций Мус, поставили самнитов на грань полного разгрома. В 295 г. в Италии появились галлы, к которым присоединились самниты и этруски, а в самом большом сражении Самнитских войн, битве при Сентине (295 г.), войска коалиции были разгромлены. После нового большого поражения при Аквилонии (293 г.), самниты капитулировали (290 г. до н. э.).

Борьбу за Италию завершили две большие войны. В войне с галлами (284–283 гг. до н. э.) после победы у Вадимонского озера (283 г.) римляне заняли северную Италию и вышли к долине реки По. На юге шла не менее тяжелая война с греческими городами и их союзником Пирром Эпирским (280–272 гг.), когда после двух тяжелых поражений при Гераклее (280 г.) и Аускуле (279 г.), римляне победили союзных царю луканов и бруттиев, одержали

победу над Пирром при Беневенте (275 г.) и заставили его покинуть Италию, после чего заняли Тарент (270 г. до н. э.).

История покорения Италии Римом предстает перед нами как цепь непрерывных войн и завоеваний, причем это впечатление отчасти создают и сами римские писатели. Между тем, главное сопротивление римлянам оказали немногие, прежде всего, «пришлые» народы, которых особенно привлекали богатства Италии. Имевшая разнообразные климатические условия (от высокогорного климата до субтропиков), необычайно богатая зерновыми и бобовыми культурами, знаменитая своим виноградарством и оливководством, имевшая возможности для развития скотоводства (коровы, овцы, козы, свиньи) и выращивания домашней птицы и очень благоприятное региональное разделение, позволявшее решать самые различные экономические задачи, Италия была, вероятно, богатейшей страной тогдашней Европы и сама становилась объектом внешней экспансии.

Среди римских войн есть войны с местными народами. Весь V в. и первая половина IV в. до н. э. прошли в войнах с саббельским племенем эквов и более сильным оскским племенем вольсков. Вероятно, самым сильным противником Рима в Италии были самниты (войны 343–341, 328–304 и 298–290 гг.). Кроме того, несколько раз римлянам пришлось подавлять восстания латинов (499–496, 377–358 и 340–338 гг. до н. э.), хотя города Лация, в целом, были опорой римского могущества.

Вероятно, еще более тяжелыми были войны с этрусками (завоевание 507 г., войны 483–474, 437–425, 406–396, 389–388, 359–351, 311–309 гг. и отдельные столкновения во второй половине III в. до н. э.) и особенно с галлами (390, 367–349, 295, 283–282, 226–222, 200–196 гг. до н. э.), причем, именно эти войны в корне меняли общую ситуацию.

Наоборот, другие области (Кампания, Умбрия, Апулия, Венетия и даже союзники самнитов луканы и бруттии), не говоря, уже о латинах и сабинах, оказали Риму довольно слабое сопротивление, а племена центральной Италии «сдались без боя» в 304–299 гг. до н. э., когда Рим заключал договоры с пелигнами, френтанами, марруцинами, вестинами, пицентами и другими народами. Дело было не в их слабости, в римской армии они сражались очень успешно, а в этнической общности, экономическом сотрудничестве и культурном единстве населения Италии, равно как и в задачах общей обороны, и, вероятно, именно это делало Италийскую федерацию особенно прочной. Среди тех, кто поддержал Рим, были и греческие полисы, постоянно испытывавшие давление самнитов, луканов, бруттиев и других италийских племен. Именно обращение греческих и оскских городов Кампании стало поводом к Первой Самнитской войне, и даже после сложных событий 316–314 гг. (Liv., VIII, 26–29; IX, 25–28), они оставались союзниками Рима. Не столь единой была и позиция греческих городов в Пирровой войне (278–275 гг. до н. э.), однако последние, за исключением Тарента, не были последовательными

союзниками эпирского царя и прекратили сопротивление сразу после ухода Пирра.

Итогом политического развития V–III вв. до н. э. стала государственная система римской республики с ее сбалансированной системой властей, достаточно развитым комициальным устройством, разветвленной системой магистратур (от консулов до квесторов) и полновластием сената, состоящего из бывших магистратов и объединившего вокруг себя патрицианскую и плебейскую знать. Другим итогом стала Римско-италийская федерация, управляемая Римом и сочетавшая в себе принципы полиса, гегемониальной симмахии, федерации, конфедерации, союзного и унитарного государства.

Жители Италии после римского завоевания делились на три категории. Самой привилегированной были римские граждане, т. е. жители Рима, территории римских триб (всего 35), римских колоний и получивших римское право самоуправляемых муниципиев. К III в. до н. э. области римского гражданства включали в себя Лациум, часть Кампании, юг Этрурии и прилегающие к ним области. Латинские колонии (всего около 30), в числе которых были Аримин, Адрия, Венузия, Луцерия, Сора, Брундизий, были разбросаны по Италии как форпосты римского владычества, имели самоуправление и ограниченные права римских граждан, которые их жители получали в случае переселения в Рим. Наконец, народы, попавшие под власть Рима после Самнитских войн (самниты, сабины, луканы, умбры, этруски, апулийцы, племена центральной

Италии, греки), считались союзниками, обязанными поставлять Риму военные контингенты, платить подати и нести другие повинности.

Согласно Полибию, в 227 г. до н. э. перед лицом угрозы новой войны с галлами, римские власти отдали приказ провести по всей Италии перепись боеспособного населения. Римские граждане составляли 273 000 человек, жители латинских колоний — 85 000, союзники (без греческих городов) — 350 000 (из них 20 000 умбров, 54 000 этрусков, 77 000 самнитов, 66 000 апулийцев и мессапов, 33 000 луканов и 24 000 жителей Центральных Апеннин) (Polyb., II, 27). Общее население Италии составляло 2,5–3 млн человек, а число военнообязанных — около 800 000 человек (ibid.).

Это означало, что Рим мог выставить 150–200-тысячную армию, что численно превосходило армию любого противника.

§ 2. Великие завоевания (265–133 гг. до н. э.)

Самым тяжелым испытанием для Рима было столкновение с другой великой державой, Карфагеном, имевшим гораздо большую и более длительную имперскую традицию и владевшим огромной территорией в Северной Африке (совр. Тунис и северное побережье Алжира), южной Испанией и почти всей Сицилией. Торговый и военный флот Карфагена превосходил силы любой морской державы,

а огромные богатства карфагенян позволили им создать сильную наемную армию, в которой служили наемники из большинства стран Средиземноморья (испанцы, ливийцы, галлы, италики, греки). Материальные ресурсы Карфагенской державы намного превосходили ресурсы Рима.

Первая Пуническая война (264–241 гг. до н. э.) стала первым столкновением двух великих держав. Первые годы принесли успех римлянам. В 264 г. они взяли Мессану и сделали своим союзником Сиракузы (263 г.), а в 262 г. заняли второй крупнейший город Сицилии Акрагант и разбили в сражении большую карфагенскую армию. Карфагеняне отступали к своим твердыням, находившимся в западней части Сицилии, Лилибею и Дрепане.

Война переносилась на море, где безраздельно господствовали карфагеняне, и римляне в рекордный срок построили флот из сотен судов. После первой победы у Мил (260 г. до н. э.), они попытались завершить войну решительным ударом.

В 256 г. до н. э. огромный флот (130 судов, 100 000 гребцов и 40 000 солдат) взял курс на Африку. Как выяснилось, к такому же генеральному наступлению готовились и карфагеняне. В сражении у мыса Экном римляне встретили флот карфагенян (350 судов и 150 000 гребцов и солдат). Битва закончилась полной победой римлян (Polyb., I, 25-27), после которой в Африке высадилась армия Регула. Казалось, война уже выиграна.

Вскоре наступил поворот. Армия Регула была разбита. В 255 г. до н. э. римский флот, который вез

в Африку новую армию, попал в бурю у мыса Пахин, уничтожившую 284 корабля и 100 000 гребцов и солдат (ibid., I, 37). В 253 г. последовала новая катастрофа, и римляне потеряли 150 кораблей (ibid., I, 39). Война окончательно перенеслась в Сицилию.

Римляне взяли реванш, разбив карфагенскую армию у Панорма (250 г. до н. э.) и захватив всех ее боевых слонов (всего 140). 100-тысячная армия римлян и 240 кораблей осадили Лилибей и Дрепану. Затянувшаяся осада, поражение на море и «позиционная война», навязанная римлянам новым карфагенским командующим Гамилькаром Баркой, прибывшим в Сицилию в 247 г., свела на «нет» все преимущества, которые имел Рим. Исход этой войны, истощившей обе стороны, решила последняя победа римлян в сражении при Эгатских островах (242 г. до н. э.).

Рим одержал победу, карфагеняне оставили Сицилию, ставшую первой римской провинцией, и заплатили огромную контрибуцию в 3200 талантов (ibid., I, 62–63), но цена этой победы была невероятно велика: римляне потеряли 700 кораблей, а карфагеняне — 500 (ibid., I, 60–61), а римские цензы показывают спад с 292 334 человек в 265 г. до 241 212 человек в 241 г. до н. э. (Liv. Epit., 18–19), что означало потерю примерно пятой части граждан. Количество неграждан (союзников, вольноотпущенников и рабов) составлявших большую часть морских экипажей, было намного больше. Рим получил господство на море, но во Второй Пунической войне почти не было морских сражений, оба

флота, римский и карфагенский, фактически уничтожили друг друга.

Не оправившись от этой войны и перенеся новую тяжелую войну со галлами (226–222 гг. до н. э.), Рим вступил во Вторую Пуническую войну (218–201 гг.), ставшую «мировой войной» античности и самой большой и тяжелой войной, которую когда-либо вели римляне.

Ганнибал планировал объединение против Рима всего средиземноморского мира, фактически ведя войну на уничтожение или, в лучшем для Рима случае, на превращение его в слабое, зависимое «третьеразрядное» государство. Помимо собственно африканских владений Карфагена, где набирались основные контингенты карфагенской армии, он использовал не менее значительные ресурсы основанной Гамилькаром державы Баркидов в Испании, откуда он также мог черпать неограниченные ресурсы полезных ископаемых, включая золото и серебро. Карфагеняне рассчитывали на поддержку традиционного противника Рима, галлов, без которых их кампания не имела бы столь значительный эффект. Наконец, как это и случилось после Канн (216 г. до н. э.), Ганнибал намеревался расколоть Римско-италийский союз, прежде всего, племена и города юга Италии (самнитов, луканов, бруттиев и греческие города юга Италии, включая Тарент и Капую). Против римлян должна была восстать Сицилия, а после 215 г. у Ганнибала появился новый союзник в лице македонского царя Филиппа V. Маловероятно, что за плана-

ми Ганнибала стояла какая-либо иная цель, кроме уничтожения Рима.

После знаменитого похода в Италию и перехода через Альпы, Ганнибал одержал свои большие победы, при Тицине и Треббии (218 г. до н. э.), Тразименском озере (217 г.) и, наконец, грандиозную победу при Каннах (216 г.), стоившие Риму более 100 000 человек, что, вероятно, составило около трети его военных ресурсов. После Канн на сторону карфагенян перешли почти все южноиталийские союзники (самниты, луканы, апулийцы, бруттии, многие греческие города)[23]. Над Римом нависла смертельная опасность.

Рим противопоставил «стратегии сокрушения» Ганнибала подлинно «народную войну». Уже в 215 г. до н. э. у римлян было 14 легионов, в 214 г. их стало 20, в 213–212 гг. — 25 и, несмотря на огромные потери, которые римские войска несли вплоть до конца войны, армия поддерживалась на уровне 20–22 легионов до 204 г.[24] Оборону руководил римский сенат во главе с Кв. Фабием Максимом, М. Клавдием Марцеллом, Кв. Фульвием Флакком и другими военачальниками. Истекая кровью и неся большие потери, римские войска остановили казалось бы непобедимую армию Ганнибала, изматывали ее осадами, «позиционной войной» и малыми сражениями, а затем перешли в наступление.

---

[23] *Кораблев И. Ш.* (*Шифман И. Ш.*). Ганнибал. Л., 1976. С. 144.

[24] *Brunt P. A.* Italian manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxford, 1971. P. 348ff.

В 215–213 гг. до н. э. римляне остановили продвижение Ганнибала в Италии и перешли в наступление в Кампании и Самнии[25], а в 212–211 гг. после долгой осады, взяли Капую, которую Ганнибал рассчитывал превратить во «второй Рим»[26]. Теперь союзники Ганнибала снова начали переходить на сторону римлян.

Война охватывала все средиземноморское побережье. В ходе войны 217–213 гг. до н. э. посланный в Испанию проконсул П. Корнелий Сципион фактически вытеснил карфагенян из Испании. В 212 г., бросив на Пиринейский полуостров огромные силы, во главе которых стоял брат Ганнибала Газдрубал, карфагеняне разгромили силы Сципиона[27]. Погибшая армия выполнила свою задачу, подкрепления, столь необходимые Ганнибалу, направлялись для защиты державы Баркидов.

В 215 г. до н. э. восстала Сицилия, куда были переброшены большие силы карфагенян, а в Сиракузах взяла верх прокарфагенская партия. Начал войну и Филипп V, однако римляне сумели создать против него коалицию греческих государств и городов во главе с Этолийским союзом. Эта Первая Македонская война (215–205 гг.) продлилась достаточно долго, но уже не требовала особых усилий со стороны римлян[28]. Наоборот, Сицилия отвлекала

---

[25] *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. С. 163–170, 177–179, 180–185, 206–207.

[26] Там же. С. 174–176, 203–204.

[27] Там же.

[28] Там же. С. 173–176, 203–204, 249.

большие силы Рима. В 212–210 гг. после долгой осады, М. Клавдий Марцелл, наконец, взял Сиракузы, укрепленные знаменитым Архимедом, а к 210 г. весь остров был в руках римлян[29]. В 209 г. до н. э. Кв. Фабий Максим взял Тарент, заставив Ганнибала отступить на юг полуострова[30].

Решительное наступление началось в 210 г. до н. э. Новым командующим в Испании стал сын консула 218 г. П. Корнелий Сципион, начавший военные действия со взятия Нового Карфагена, после чего происходит массовый переход испанских племен на сторону римлян. Римляне одержали победу при Бэкуле (207 г.), однако Газдрубал все-таки совершил переход в Италию на помощь брату, но был разбит в тяжелом сражении на реке Метавр (207 г.). После новой победы при Илипе (206 г. до н. э.), остатки разгромленной карфагенской армии оставили Испанию.

В 204 г. до н. э. Сципион высадился в Африке, громя карфагенян и их ливийских и нумидийских союзников, а в 202 г. в битве при Заме римляне и их союзник, нумидийский царь Массинисса, разбили вернувшуюся из Италии армию Ганнибала.

Мир 201 г. до н. э. был фактической капитуляцией Карфагена. Он терял все свои владения за пределами Африки, выдавал военные корабли и слонов и платил 10 000 талантов контрибуции, а рядом с ним появилось сильное и агрессивное царство

---

[29] Там же. С. 189–203, 217–226, 253–255.

[30] Там же. С. 259–260.

Массиниссы и ряд независимых ливийских племен и городов.

Война превратила Рим в великую державу, ставшую сильнейшей державой Средиземноморья, причем, в отличие от Карфагена, римляне не были и не могли быть готовы к этой роли. «Наследием Ганнибала» стали не только глобальная война со всем миром, но и мировая гегемония. Теперь у Рима появились новые интересы в самых разных частях Средиземноморья, в Испании, Африке, Македонии, Греции и эллинистическом мире. В общем, на римлян легла общая ответственность за судьбу цивилизованного мира.

Цена победы была невероятно высока и, хотя Рим получил огромную добычу, она смогла, вероятно, лишь компенсировать расходы. Ливий оценивает сумму, внесенную Сципионом в эрарий Сатурна, в 134 000 фунтов серебра (13,4 млн денариев или 53,4 млн сестерциев) и примерно столько же должна была дать карфагенская контрибуция (Liv., XXX, 46). Гораздо труднее было восстановление людских потерь. Ценз 236/5 гг. до н. э. показал 270 213 человек, а ценз 194 г. — 143 703 человека[31]. Чтобы компенсировать эти чудовищные потери, власти резко снизили имущественный ценз 5 класса (с 11 до 2000 ассов), многие италики (жители латинских колоний, кампанцы и другие) получили римское гражданство в 204–179 гг., а римляне вывели 14 новых колоний. Только благодаря этим и другим мерам,

[31] *Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 31–32, 192–193.

в 70–60-е гг. до н. э. римляне снова вернулись к уровню 250–260 тысяч человек[32].

Итогом войны стала и серия новых успешных войн, сделавших Рим хозяином Средиземноморья. Римское наступление развивалось во всех направлениях. Вторая Македонская война (200–196 гг. до н. э.) завершилась разгромом македонской армии при Киноскефалах (197 г.) и декларацией «свободы Греции» 196 г., Сирийская война (193–188 гг.) — битвой при Магнезии (189 г.) и военно-политическим разгромом державы Селевкидов, претендовавшей на гегемонию в эллинистическом мире. После Третьей Македонской войны (171–168 гг.) Македония перестала существовать как единое государство, а греческий мир оказался под властью Рима. В зависимость от Рима попали Птолемеевский Египет, Пергам, Родос и другие государства Малой Азии. В Испании римляне закрепились в бывших владениях Карфагена, а в 90–70-е гг. II в. после тяжелых войн, установили контроль над Кельтиберией и Лузитанией. В 179 г. Тиберий Семпроний Гракх заключил договор с кельтиберами, соблюдавшийся до середины 50-х гг. II в. до н. э. Римские армии продвигались в Лигурии и Цизальпийской Галлии.

Римляне очень любили эпоху Сципиона Африканского. Блестящие победы при Киноскефалах, Магнезии и Пидне, мировое лидерство, восстановление экономики и состава граждан — казалось, все это давало надежду на лидерство и процветание.

---

[32] Там же.

70 К 50-м гг. II в. до н. э. под властью Рима были Италия, значительная часть Испании, Сицилия, Сардиния и Корсика, Македония и Греция, а независимые племена Испании, Карфаген, Нумидия, Пергам и другие государства Малой Азии, а отчасти и державы Птолемеев и Селевкидов, становились его вассалами. Это мировое лидерство признавалось цивилизованным миром. Вторая Пуническая война, Македонские и Сирийская войны дали римлянам неслыханные богатства, и только Третья Македонская война дала около 60 млн. денариев (240 млн. сестерциев) (Liv., XXIX, 52; XXX, 33; Plut. Aem., 32–33; 38). Не меньшие доходы стали приносить испанские рудники, и лишь в 206–197 гг. до н. э. римляне получили 130 000 фунтов серебра и 4000 фунтов золота[33].

На этом фоне создается крайне опасная ситуация. Огромные потери свободного крестьянского населения привели к массовым захватам рабов, которые были особенно велики в 70–60-х гг. II в. до н. э. По различным подсчетам в Италии было от 1 до 3 млн рабов[34]. Рабы работали в рудниках и на других тяжелых работах, в сельском хозяйстве, ремесле и обслуживании богатых римлян[35].

Новая картина Средиземноморского мира, разоренного тяжелыми войнами, показывает огромное

---

[33] *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. М., 2000. С. 196.

[34] *Кузищин В. И.* История Древнего Рима. 3-е изд. М., 1994. С. 102.

[35] *Nicolet C.* Economy and society… P. 684.

количество проблем, решить которые Риму не удалось. 50–30-е гг. II в. до н. э. отмечены усилением антиримских настроений, перешедших в открытые восстания. В 50-е гг. начались восстания в Испании, а после 151 г. во главе лузитан встал талантливый вождь Вириат. В 147–138 гг. он одержал ряд побед над римлянами, и восстание закончилось только после его убийства. В 154–134 гг. велась почти непрерывная война в Кельтиберии, когда центром повстанцев стал город Нуманция, взятая Сципионом Эмилианом лишь в 134–133 гг. до н. э.[36]

В 149–146 гг. до н. э. шла Третья Пуническая война, также потребовавшая огромных усилий. В 150 г. началось восстание Лже-Филиппа в Македонии, подавленное Кв. Цецилием Метеллом в 148 г., а на 147–146 гг. пришлась тяжелая Ахейская война, завершившаяся разгромом Ахейского союза и фактическим покорением Греции. В 136–132 гг. в Сицилии длилось восстание рабов, а в 133–129 гг. до н. э. в Пергаме прошло восстание Аристоника.

Римляне перешли к созданию провинций. Испанские провинции существовали и ранее, но значительно расширились в ходе войн 50–30-х гг. II в. до н. э. В 147 г. появилась провинция Македония, а после 146 г. наместнику Македонии подчинились многие греческие общины, главным образом, территории бывших Ахейского и Этолийского союзов, в 146 г. появилась провинция Африка, в 133 г. Пергам стал провинцией Азией, а в 121 г. возникла

---

[36] *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. С. 163–167.

провинция Нарбонская Галлия. Наверное, неудивительно, что войны 40–30-х гг. II в. до н. э. вызвали новый кризис, теперь уже охвативший Рим и Италию.

* * *

Конец III–II вв. до н. э. стали временем новой, ранее невиданной волны эллинизации. В Риме появилось большое число памятников искусства и предметов роскоши, римляне захватывают предметы роскоши, вазы, изделия из драгоценных металлов, привозят целые библиотеки, в триумфах несут бронзовые и мраморные изваяния, чеканные серебряные сосуды, изделия из меди, слоновые клыки, кистофоры, статуи, картины, образцы оружия (Liv., XXXI, 52; XXXVII, 59; XXXIX, 7; Plut. Aem., 32).

В Риме появилось множество греков: дипломатов, заложников, иммигрантов, либертов и рабов. Греками были почти все педагоги, врачи, музыканты. Греческий язык становится «вторым языком» римской знати. Эллинофильство охватило значительные слои аристократии, иногда вызывая насмешки образованных римлян и самих греков. Пик эллинофильства приходится на вторую половину II в. до н. э., после чего последовала ответная реакция.

Римляне пытаются создать свой римский эпос. Первым известным нам римским поэтом был Ливий Андроник (умер в конце III в. до н. э.), самым значительным делом которого стал перевод «Одиссеи»,

который римляне считали своим национальным эпосом.

Гней Невий (270–204 гг. до н. э.) создал поэму о Первой Пунической войне в 7 книгах, отразив в своем произведении первую большую войну, не похожую на те, которые ранее вел Рим, а главным сочинением Квинта Энния (239–169 гг.) была поэма «Анналы» в 18 книгах, в которой он описал историю Рима от Энея до начала Третьей Македонской войны. Римский эпос был создан, причиной его создания стали более активные связи с греческим миром и, вместе с тем, он был непосредственно связан с победой в Пунических войнах и блестящими успехами 200–168 гг. После этого наступила большая пауза, и только окончание затяжного кризиса 133–31 гг. до н. э. позволило создать «Энеиду» Вергилия, национальный эпос, в котором римляне воссоздали эпос Гомера.

Ливий Андроник, Невий и Энний сочиняли и другие произведения, трагедии, комедии и эпиграммы. Невий начал писать трагедии на римские темы, именуемые «претекстами» (первые претексты — «Ромул» и «Кластидий», посвящены победе М. Клавдия Марцелла над галлами в 222 г. до н. э.), а Энний был автором «Сатур» в шести книгах. Тем не менее, римский театр обрел свое лицо в творчестве Т. Макция Плавта (ок. 250–184 гг.), которому наша традиция приписывает примерно 130 комедий, из которых сохранилась 21. В их числе были такие знаменитые комедии как «Ослы», «Золотой горшок», «Амфитрион», «Хвастливый воин», «Пуниец» и др.

Плавт брал сюжеты из новоаттической комедии, герои носили греческие имена, действие происходило в Афинах, но римляне узнавали в них себя, свою жизнь и быт, а греческое влияние сочеталось с традиционной римской культурой. Усиление эллинизаторской волны видно в творчестве П. Теренция Афра (ок. 195–150 гг. до н. э.), автора таких комедий, как «Девушка о Андроса», «Свекровь», «Братья» и др., близкого к кругу Сципиона Старшего и имевшего успех в высших кругах римского общества.

В последней трети III в. до н. э. зародились и развились те жанры, которые имели гораздо большее будущее — красноречие и историография. Первое было только в начале пути, и Цицерон, посвятивший истории красноречия трактат «Брут», считал, что примерно с начала II в. до н. э., когда в Риме появились первые риторические школы, происходит переход от первой стадии, стадии «стихийного красноречия», основанного на общем владении речью и знании предмета, к профессиональному ораторскому искусству. Первыми, кто занялся техникой речи, были, вероятно, члены кружка Сципиона Эмилиана, а со времени Гракхов начинается резкий поворот в области ораторского искусства.

Конец III в. до н. э. был временем становления историографии, а первым римским историком стал Кв. Фабий Пиктор, представитель знатного рода Фабиев и участник войны с галлами (226–222 гг. до н. э.) и Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.). Продолжая традицию понтификальной хроники, Фабий начал изложение истории от Энея и Ромула до

своего времени. «Анналы» Фабия были написаны по-гречески, однако это было глубоко национальное произведение, посвященное истории Рима, и, вероятно, впервые сформулировавшее идею его особой миссии, сочетавшей волю богов, особые качества римского народа и государственную организацию Рима. Вскоре переведенное на латынь сочинение Фабия стало первым трудом, сформировавшим римскую историческую традицию и донесшим до нас огромные материалы римских летописей и понтификальных хроник. Это был переходный этап от хроники к историописанию, а авторы наиболее значительных трудов по ранней истории Рима, Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский и Плутарх, опирались именно на сочинение Фабия.

Труд Фабия начал серию исторических трудов, написанных в форме летописей (annales), авторы которых получили название «старших анналистов» (Л. Цинций Алимент и А. Постумий Альбин).

Самым значительным из них был М. Порций Катон (234–149 гг. до н. э.), один из крупнейших политических деятелей II в. до н. э. Активный участник Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.), начавший ее простым солдатом и закончивший военным трибуном 203 г., Катон стал эдилом в 199 г., претором 195 г., подавившим большое восстание кельтиберов, и цензором 184 г., после чего он в течение 80–50-х гг. II в. до н. э. был одним из руководителей римского сената, определявшим его политику и стал одним из инициаторов Третьей Пунической войны (149–146 гг. до н. э.).

Если политическая биография Катона отразила историю Рима времен великих завоеваний, то в его творчестве отразилось сложное идейное развитие римской общественной мысли. Активный противник эллинизации, он боролся с проникновением греческого и эллинистического влияния, будучи, вместе с тем, сторонником передовых методов в экономике. Ратуя за разрушение Карфагена, он спас от аналогичной судьбы Родос (168 г. до н. э.). Будучи «новым человеком» среди римской знати, он проявлял антиаристократические тенденции в политике, боролся против Сципиона Старшего, но высоко оценил молодого Сципиона Эмилиана.

Катон оставил богатое литературное наследие. Он произнес множество судебных и политических речей (80 речей, из которых Цицерону было известно 50), был автором трактата «О сельском хозяйстве», первого римского произведения по экономике и большого исторического труда «Начала» (Origines), состоящего из семи книг и построенного по иному принципу, чем труды анналистов.

Труд Катона был первым историческим трудом, написанным по-латыни, кроме того, автор частично отказался от летописно-событийного изложения истории, и, если первая книга содержит предание о царской эпохе, то книги 2 и 3 посвящены происхождению италийских городов и племен, 4 и 5 — Пуническим войнам, а 6–7 — войнам II в. до н. э.

Глава 2

Гражданские войны (133–31 гг. до н. э.)

Управленческие, экономические и политические проблемы оказались неразрешимыми. Покорив и объединив цивилизованный мир, римляне оказались перед лицом нового, вероятно, еще более опасного противника, варварских и полуварварских племен и государств, ранее составлявших периферию античного мира. Завоевание Испании не было завершено, а, победив Цизальпийскую и Нарбонскую Галлии, римляне вышли к огромному массиву галльских и германских племен. Разрушение Карфагена и образование провинции Африка столкнуло Рим с кочевыми и полукочевыми племенами Нумидии и Мавретании. На Балканском полуострове Риму противостояли местные племена фракийцев, мезов, скордисков и других народов, а в Малой Азии противниками Рима стали Понтийское царство Митридата VI Евпатора, Армения Тиграна II и Парфия. Предстояли новые большие войны.

События 40–30-х гг. II в. до н. э. показали, что положение в завоеванных областях находится на грани взрыва. В войнах в Испании, Македонии,

78 Пергаме и Галлии восставшие провинциалы были связаны с непокоренными собратьями. Из монолитной Римско-италийской федерации выросла огромная колониальная Империя, где на 1 млн римских граждан и 1,5 млн италиков приходились не менее 20–25 млн жителей провинций, значительная часть которых находились в рабском или полурабском состоянии[1]. Трудность удержания провинций состояла в том, что власти в Риме испытывали все бóльшие проблемы в связи с контролем над собственной администрацией и деловым миром и, как писал К. Николе, «ограбление мира римлянами стало основным процессом экономической жизни»[2].

Ценой победы были огромные потери и внутренние перемены, именуемые кризисом римского полиса, экономическим и политическим. Мы видим концентрацию собственности, разорение крестьянства, рост экономических диспропорций и переход к рабству как основе экономики, что вело к кризису, происходящему на фоне экономического роста. Экономика Рима I в. до н. э. успешно развивалась, но охвативший общество социально-политический кризис обострял все виды общественных противоречий. Это были противоречия между знатью и народом, аристократией и деловыми кругами, римлянами и союзниками, римлянами и провинциалами.

---

[1] Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб., 2014. С. 49.

[2] *Nicolet Cl.* Economy and society… P. 640.

Наступление врагов извне, социально-политический взрыв в римских провинциях и кризис в самой Италии угрожали самому существованию Римской державы, а с ней и римской цивилизации в целом, ставшей теперь цивилизацией общечеловеческой. При всей неприглядности римского господства, средиземноморский мир не имел иной альтернативы, и, кроме Рима, иной силы, способной взять руководство им на себя, не было. Опасность была гораздо большей, чем во времена Второй Пунической войны, когда Ганнибалу, объединившему вокруг себя весь «варварский» и эллинистический мир, противостояла внутренне единая Италийская федерация.

Первой попыткой выхода из кризиса стали реформы Гракхов. Аграрный закон Тиберия Гракха (133 г. до н. э.) ограничивал размеры владений на общественной земле 500 югерами (125 га), предполагая распределение излишков между неимущими гражданами участками по 30 югеров, и мог хотя бы частично возродить мелкую собственность и военный потенциал республики. Закон был принят, десятки тысяч людей (возможно, около 50 000) получили землю, но сопротивление сената, контролируемого консерваторами и богатыми посессорами, привело к кровавой развязке.

Программа Гая Гракха была попыткой решения наиболее важных проблем римского общества. Аграрный закон Гая продолжил аграрный закон Тиберия, хлебный закон решал проблемы снабжения городского населения, дополнительными мерами

стали масштабные колонизационные и строительные программы. Другой линией реформ стала реформа судебной власти в сторону создания независимого суда, усиления экономического и политического значения всадничества, а закон о провинции Азия отдал налоги с бывшего Пергамского царства в руки публиканов. Борьба между Гракхом и сенатом завершилась новой кровавой расправой, а «крайнее решение сената» подвело черту под попыткой реформ. Это была попытка выхода из кризиса, ее успех мог бы уберечь Рим от многих потрясений, а ее провал вел к углублению кризисной ситуации.

Рост числа граждан с 317 823 человек в 131 г. до 390 736 в 125 г. до н. э. спас Рим от разгрома в войнах конца II в. до н. э.[3] Эта новая фаза кризиса была связана с Югуртинской (111–105 гг.) и Кимврской (113–101 гг.) войнами. Первая война показала всю глубину коррупции и некомпетентности сенатского правительства и привела к поражению при Сутуле (110 г.) и возрождению движения популяров, и, хотя Кв. Цецилий Метелл разбил Югурту при Мутуле (109 г. до н. э.), окончательную победу все же одержал Гай Марий, «новый человек», ставший лидером антиоптиматской оппозиции.

Война с кимврами и тевтонами поставила Рим на грань полного разгрома. После серии неудач

---

[3] *Егоров А. Б.* Гракханские реформы, историографическая традиция и проблема оценки // Запад-Россия-Кавказ. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 29–47.

и поражений Папирия Карбона (113 г. до н. э.), Юния Милана (109 г.) и Г. Кассия Лонгина (107 г.), последовало страшное поражение при Араузионе (105 г.), которое современники сравнивали с битвой при Каннах. Эта война выдвинула Мария. Он стал консулом 104, 103, 102 и 101 гг. и за это время воссоздал армию и разгромил германцев при Аквах Секстиевых (102 г.) и Верцеллах (101 г. до н. э.), отразив это ужаснейшее вторжение, которое угрожало самому существованию Рима.

«Народный полководец» стал центром консолидации антиоптиматских сил (часть аристократии и «новые люди», публиканы, деловой мир и большая часть всадничества), опиравшихся на массовую поддержку. Союзники Мария, популяры Апулей Сатурнин и Главция, попытались частично возобновить программу Гракхов (аграрный, хлебный и судебный законы), однако события 100 г. покончили и с популярами, и с «принципатом Мария». После затишья 90-х гг. начался еще бóльший кризис. Провал реформ Ливия Друза привел к грандиозной Союзнической войне (91–88 гг. до н. э.), в которой столкнулись «две Италии». На стороне римлян были богатые урбанизированные земледельческие области Италии (Лаций, Кампания, юг Этрурии, латинские колонии), а на стороне повстанцев — более бедные, горные скотоводческие регионы, не защищенные римским правом. Привилегированные союзники и местные элиты поддержали римлян, а армии союзников пополнялись за счет простых солдат, крестьян и рабов.

Бессмысленная бойня привела Рим на грань уничтожения[4]. Линия фронта проходила в 100–150 километров от Рима, а воюющие армии насчитывали 100–150 тысяч человек каждая[5]. 90 г. до н. э. стал годом поражений римлян в Кампании, Самнии и центральной Италии, и только в конце года римляне пошли на компромисс, приняв законы Л. Юлия Цезаря (90 г.) и Плавтия-Папирия (89 г.). Это не остановило войну, более того, оптиматы и другие консервативные силы воспользовались этими законами для жестокого подавления восстания. В войне погибло около 300 000 человек (Vell., II, 15, 4), а материальный ущерб превысил ущерб от войны с Ганнибалом. «Союзнический вопрос» решен не был, примерно половина союзников (самниты, луканы и др.) гражданства не получили, а «новые граждане» были зачислены в 8 или 10 новых триб (App. B. C., I, 53).

В 88 г. до н. э. Союзническая война перешла в гражданскую, а чуть ранее началась Первая Митридатова война (89–85 гг.). Наступление Митридата развивалось стремительно: очень скоро царь захватил Малую Азию (88 г.) и развернул наступление в Греции и Македонии. Выдвинувшийся в Союзнической войне Л. Корнелий Сулла стал лидером оптиматов и консулом 88 г. до н. э., а оптиматский сенат поручил ему командование в войне с Митридатом.

---

[4] Подробнее см.: *Gabba E.* Rome and Italy: The Social War // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 104–128; см. также: *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. С. 71–74.

[5] *Brunt P.* Italian manpower… P. 342.

Над Римом нависла угроза военной диктатуры, к которой шли обе стороны.

Борьба Мария и Суллы за командование в Митридатовой войне и нерешенность союзнического вопроса привели к военному перевороту Суллы в 88 г. до н. э., после чего он отправился на войну с Митридатом. В 87 г. до н. э. после нового переворота, завершившегося осадой Рима, в столицу вошли армии марианских лидеров (Мария, Цинны и Карбона), устроивших расправу над политическими противниками.

Началась марианская диктатура. Консулами 86 г. до н. э. стали Марий и Цинна, а после смерти Мария в январе 86 г. фактическим диктатором становится Цинна, также бывший консулом 86, 85 и 84 гг. Относительно гибкая политика Цинны позволила консолидировать общество, и ценз 86 г. до н. э. дал небольшое приращение до 463 000 человек[6]. Тем не менее, главной задачей Цинны стала подготовка к войне с Суллой.

В это время Сулла успешно воевал с Митридатом. После долгой осады Афин и их взятия (осень 87 — весна 86 гг. до н. э.), он одержал две большие победы при Херонее и Орхомене (86 г.). В августе 85 г. до н. э. был заключен Дарданский мир, после чего Сулла начал подготовку к вторжению в Италию.

Гражданская война 83–82 гг. д. н. э. закончилась победой Суллы и его полководцев (Метелла Пия, Помпея, Красса и др.). По своей разрушительности

---

[6] *Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 20.

она мало уступала Союзнической войне: погибли 150 000 человек, а многие области (Лаций, Кампания, Самний, Этрурия) были разорены. Кровавая бойня 80-х гг. стоила Риму полмиллиона жизней и поставила его на грань катастрофы. Ее завершением стали сулланские репрессии, разорительная военная колонизация и консервативные реформы. На всем протяжении своей предыдущей истории (даже включая Пунические войны) Рим никогда не был столь близок к полному краху.

Проскрипции Суллы покончили с любой оппозицией, уничтожив множество людей, «невиновных» перед режимом, и стали грандиозным перераспределением власти и собственности, когда основные богатства Рима оказались в руках Суллы и его окружения (Красс, Помпей, Лукуллы, Гортензий и др.). После победы Суллы, в Италии началось расселение 120 000 солдат 23 или 27 легионов диктатора (в основном, в Этрурии, Лации и Кампании), сопровождаемое жестокими репрессиями, конфискациями и захватами земель в Италии. Многие города разрушались, другие наказывались выводом колоний, срытием стен, укреплений и цитаделей (App. B. C., I, 96).

Серия консервативных реформ диктатора вернули общество к догракханскому времени. Теперь во главе стоял сильный сулланский сенат (400–450 человек)[7], под контролем которого оказались

[7] Говоря о сулланских реформах, надо упомянуть два исследования на русском языке: *Короленков А. В.*, *Смыков Е. В.* Сулла. М., 2007; *Ерёмин А. В.* Диктатура Суллы (социально-правовые основания сулланского режима). Автореф. дисс. ...

все магистратуры (консульство, претура и даже народный трибунат), а комиции не могли принимать решения, не одобренные сенатом, что делало невозможными какие-либо преобразования.

В этом, казалось бы сильном государстве, назревал его полный и, вероятно, достаточно быстрый крах. Население Италии, задавленное гражданской войной, репрессиями и карательными санкциями, было готово в восстанию, а все области огромной державы были на грани социального взрыва или вторжения внешнего врага. В Испании уже в 80 г. началось восстание Сертория, объединившее уцелевших марианцев и провинциальное восстание, а начавшееся в 78 г. до н. э. восстание Лепида показало, что серторианцы могли рассчитывать на серьезную поддержку в Италии. В Азии назревала новая война с Митридатом, а уже с 79 г. до н. э. шли войны на Балканах.

Отставка Суллы (79 г. до н. э.), видимо, вызванная пониманием скорого краха и желанием переложить ответственность на других, стала низшей точкой падения, однако сулланские военачальники (Метелл Пий, Помпей, братья Лукуллы, Красс, Сервилий Исаврийский и др.) оказались на высоте положения и остановили процесс казалось бы неминуемого распада.

Первым успехом нового правительства оказалось подавление восстания Лепида в Италии (78 г. до н. э.),

---

канд. ист. наук. СПб., 2003. Когда наша книга уже была написана, вышла в свет новая монография А. В. Короленкова (*Короленков А. В.* Первая гражданская война в Риме. СПб., 2020) с фактически исчерпывающей библиографией вопроса.

после чего главной войной стала Серторианская война (80–72 гг. до н. э.). Военное напряжение в 70-е гг. достигло 34–45 легионов. Это было меньше, чем в 80-е гг., но больше, чем во времена Второй Пунической войны[8], и в этой ситуации сулланские военачальники сумели избежать внешнеполитического разгрома и добились победы.

В 78–77 гг. до н. э. Серторий был особенно близок к победе. Испания была в его руках, возникала угроза, что он займет всю Ближнюю Испанию, отрежет армию Метелла, находящуюся в Дальней Испании, и перенесет военные действия в Италию. Уже в 77 г. здесь сражались 12 легионов Метелла и Помпея. Состоялись тяжелейшие сражения 76–75 гг. до н. э., при Валенсии, Сукроне и Сегунтии, когда обе стороны фактически потерпели поражение. Правительственные армии отступали к Пиринеям, а Серторий, потеряв регулярные войска, отступал вглубь страны, все больше опираясь на местные племена.

В это же время наступил перелом в других войнах. В Малой Азии добился больших успехов Публий Сервилий, а в 79–73 гг. до н. э. Аппий Клавдий, а затем Г. Скрибоний Курион вели тяжелую войну на Балканах. Новое обострение происходит в 74 г. В этом году началась Третья Митридатова война (74–62 гг.), и тогда же, в 74 (или 73) г. до н. э., в Италии началось грандиозное восстание Спартака, соединившее в себе

[8] *Brunt P.* Italian manpower… P. 420.

восстание рабов и фактически новое движение союзников[9].

Тем не менее, постсулланское правительство выходило из кризиса. В 73 г. до н. э. Метелл и Помпей перешли в наступление в Испании, а в 72 г. Серторий стал жертвой своего окружения. В 71 г. война закончилась разгромом Перперны Вентона, руководителя заговора, ставшего преемником Сертория. В 73 г. Луций Лукулл разбил главные силы Митридата при Кизике и вторгся в Понт, в 72 г. до н. э. царь снова потерпел поражение при Кабире, а чуть позже одна за другой пали понтийские твердыни (Амис, Гераклея, Синопа и др.).

Наконец, быть может, ставшее самой опасной угрозой для Италии и Рима восстание Спартака также завершилось победой римлян. В 73–72 гг. до н. э. армии гладиаторов, пользовавшиеся широкой поддержкой жителей Италии, принимавших участие в Союзнической и гражданской войнах, прошли всю Италию, с юга на север, громя встречавшиеся им римские армии. В 72 г. были разбиты армии консулов Л. Геллия и Гн. Корнелия Лентула, и войска повстанцев подошли к Альпам. Вероятно, под давлением своей армии Спартак, стремившийся выйти из Италии, принял решение повернуть на Рим. План был не столь уж нереален, срочно собранная армия Красса (10 легионов) была последней армией республики, и в случае победы, Спартак мог рассчитывать на полный разгром Рима. Последовали

---

[9] См.: *Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 143–188.

новый поход через Италию с севера на юг, тяжелые бои, неудачная переправа в Сицилию, марш к Брундизию, занятому армией Марка Лукулла, одержавшего полную победу во Фракии и на Дунае, и решительное сражение в Лукании. К 71 г. Помпей, Красс и Марк Лукулл закончили три большие войны, а в война с Митридатом наметился перелом.

Эти успехи были вызваны не только выдающимися качествами римских полководцев и их армий, но и новой политикой, отказом от сулланского террора и тотального ограбления провинций и осознанием необходимости всеобщего согласия, которое (и только оно) могло спасти римское общество от полного уничтожения в ходе гражданских и внешних войн. Символом этого мира стало консульство Помпея и Красса в 70 г. до н. э., когда совместными усилиями популяров, реформистски настроенных сулланских военачальников и других сил при всеобщей поддержке общества произошла отмена сулланских законов. Закон Лициния-Помпея восстановил власть народных трибунов, закон Аврелия Котты установил трехсословные суды, а ценз 70 г. фактически дал права гражданства жителям Италии (910 000 граждан, т. е. 2,7–3,5 млн человек вместе с семьями).

60-е гг. до н. э. отмечены относительным спадом напряженности. Летом 69–68 гг. Лукулл фактически одержал победу над Тиграном II, царем Армении, бывшего главным союзником Митридата. В 67 г. была проведена операция Помпея против пиратов. В 66–62 гг. грандиозный поход Помпея

изменил карту восточных владений Рима, добавив к провинции Азия провинции Вифинию-Понт и Сирию и сделав малоазийские царства вассалами Рима. Поход дал огромные доходы, которые могли вывести державу из финансового кризиса. Это был своеобразный «принципат Помпея», когда знаменитый полководец стал не только олицетворением побед, но и гарантом и символом политики компромисса 70 г.

Компромисс 70 г. до н. э. не решил всех проблем Римской державы. Сулланская олигархия, оставаясь «партией власти», мечтала о новой сулланской реставрации, а разнообразная и разрозненная оппозиция постепенно начинает консолидироваться, превращаясь во «вторую партию». В этой ситуации происходит выдвижение Юлия Цезаря. Последний оставшийся в живых лидер марианской партии, он в 60-х гг. проходит весь cursus honorum, неизменно побеждая на выборах. Именно с ним, блестящим оратором и талантливым политиком, большинство населения Рима и Италии связывают надежды на выход из кризиса.

Летом 59 г. до н. э. оформляется союз Цезаря, Помпея и Красса, именуемый в литературе «первым триумвиратом» и объединивший все артиоптиматские и антисенатские силы. Став консулом 59 г., Цезарь начал программу преобразований, которые должны были привести к полному крушению сулланской системы и началу строительства нового общества: аграрный закон, утверждение распоряжений Помпея на востоке и lex Iulia repetundarum,

первый закон, регламентирующий систему провинциального управления.

50-е гг. I в. до н. э. отмечены двумя процессами, завоеванием Галлии Цезарем и политическим противостоянием в Риме между оптиматской «партией власти» и более многочисленной и разрозненной оппозицией.

Галльские войны Цезаря (58–51 гг. до н. э.) были, наверное, самой большой военной победой Рима в его истории и ликвидацией угрозы с севера, которая, начиная с 390 г. до н. э., была причиной римских кризисов. Обстановка в Галлии в 60-е гг. I в. до н. э. активизация германцев, усиление ряда галльских племенных союзов (гельветы, бельги, венеты) и возможный социальный «взрыв» в «цивилизованной» части Галлии могли поставить под угрозу само существование Рима.

Успехи Цезаря потрясли всех. В 58 г. до н. э. он разгромил гельветов и германцев Ариовиста, в 57 г. победил бельгов, а в 56 г. в кампаниях в современных Нормандии, Аквитании и области венетов фактически подчинил оставшуюся часть Галлии. Уже в первые годы создается армия и «личная партия» знаменитого полководца, после чего он уже реально смог противостоять постсулланской олигархии.

В 58 г. до н. э. в Риме преобладали сторонники триумвирата, но в 57 г. борьба за возвращение Цицерона сплотила различные группировки оптиматов. Ответом были знаменитые Лукские соглашения (весна 56 г.), за которыми последовали консульство Помпея и Красса в 55 г. и раздел провинций.

Помпей получил все испанские провинции сроком на 5 лет, Красс на то же время получал Сирию и право войны с Парфией, а полномочия Цезаря в Галлии были продлены на тот же срок. На короткое время триумвиры стали «партией власти», и Рим, казалось бы впервые получил шанс реальной стабилизации.

Цезарь расширил географию своих походов. В 55 г. до н. э. он снова разгромил вторгшихся в Галлию германцев (узипетов и тенктеров), после чего германские вторжения в Галлию прекратились, а затем осуществил разведывательный поход в Британию. В 54 г. ему удалось повторить поход с более значительными силами и фактически подчинить южную часть Британии. Смерть Юлии, дочери Цезаря и жены Помпея, разрушили личный союз двух полководцев, а последовавший в 53 г. поход Красса на Парфию и разгром его 40-тысячной армии привел к краху триумвирата.

Цезарь оказывается в сложнейшей ситуации. В Риме создается союз между Помпеем и его окружением (Сципион, Афраний, Петрей, Скрибоний Либон и др.) и оптиматами (Бибул, Домиций Агенобарб, Лентул Спинтер и др.), идейным вдохновителем которого становится М. Порций Катон, правнук Катона Цензора. Эти силы уверенно шли к власти, создавая перспективу новой сулланской «реставрации», которую Рим мог уже и не выдержать.

Одновременно начинается грандиозное восстание в Галлии. В 53 г. до н. э. оно охватило область бельгов, а в 52 г. началось главное восстание всех галльских племен, живших между Луарой

и Гаронной, во главе с Верцингеториксом, угрожавшее полным разгромом римской армии и наступлением на римские провинции. В последний раз решался исход борьбы Рима и Галлии. После тяжелых боев и осад Цезарь блокировал Верцингеторикса в Алезии и в большом сражении разгромил подошедшее на помощь галльское ополчение. 51 г. ушел на подавление последних очагов восстания.

Пока Цезарь и его армия вели тяжелейшую борьбу с галлами, помпеянцы устанавливали свою диктатуру. Предвыборная анархия и гибель Клодия (18 января 52 г. до н. э.) стали поводом для третьего консульства Помпея (52 г.), а в 51–50 гг. помпеянцы пытались лишить Цезаря его полномочий в Галлии, сохраняя при этом все полномочия Помпея.

Гражданская война 49–45 гг. до н. э. началась о помпеянского переворота. 7–8 января 49 г. сенат под давлением Помпея и оптиматов провел «крайнее решение (*senatusconsultum ultimum*) против Цезаря и распределил все армии и провинции между представителями помпеянского руководства. Тем не менее, в январе-марте 49 г. Цезарь без боя занял Италию, не встретив никакого сопротивления, когда население Италии и италийские города принимали его армию с распростертыми объятиями, а набранные помпеянцами войска (110 когорт) либо расходились по домам, либо переходили на его сторону. Именно в Италии Цезарь в крупных масштабах применил «политику милосердия» (*clementia*), отпуская всех попавших в его руки пленных, включая высшее руководство. После сдачи Корфиния (февраль 49 г.)

и 30 когорт Домиция Агенобарба, Помпей с большим трудом смог эвакуировать в Грецию половину своей армии.

Впрочем, именно теперь война перешла в новую фазу. Создав сильные армии в Испании, Греции и Африке и имея огромный флот, Помпей рассчитывал обрушить на Италию всю мощь провинциальных армий и удушить ее блокадой. К этой войне были привлечены огромные контингенты жителей провинций (особенно в Испании и Греции), войска вассальных царей и даже полузависимые и независимые правители (царь Нумидии Юба, Фарнак Понтийский и египетский царь Птолемей XIII). Более того, помпеянское командование пыталось заключить союз даже с парфянами. По сути дела, это было повторение плана Ганнибала с той разницей, что война шла не против внешнего врага, а против собственного народа, поддержавшего Цезаря.

Цезарь прорвал блокаду. Основные военные действия 49 г. до н. э. развернулись в Испании, а летом 49 г. под Илердой Цезарь заставил сдаться без боя главные силы испанской армии Помпея (5 легионов и auxilia) под командованием Афрания и Петрея, после чего сдались и два легиона М. Теренция Варрона в Дальней Испании. Еще раньше цезарианцы заняли Сицилию и Сардинию. Реализовывался фактически «бескровный» вариант войны. Впрочем, его нарушили помпеянцы, и когда нумидийский царь Юба разгромил переправившуюся в Африку армию Куриона (2 легиона), все пленные были перебиты или проданы в рабство.

Решающей стала кампания 48 г. до н. э. в Греции, где столкнулись армии Цезаря и Помпея. После трудной переправы своих войск и долгой позиционной войны под Диррахием (май-июнь 48 г.), едва не закончившейся поражением Цезаря, 9 августа 48 г. Помпей был разбит в знаменитой битве при Фарсале, которая стала переломом в ходе войны. После победы стали сдаваться греческие и малоазийские города и вассальные цари, а вскоре распался и помпеянский флот. В октябре 48 г. Помпей был убит в Александрии по приказу Птолемея XIII и его окружения, после чего в город прибыл Цезарь, рассчитывавший захватить Помпея и добиться мира. Убийство Помпея вызвало войну, последовала долгая оборона Александрии (октябрь 48 — март 47 гг.), когда небольшой, 3-тысячный отряд Цезаря оборонялся от 20-тысячной египетской армии Птолемея, подход подкреплений и победа у Нила (26 марта 47 г.), роман Цезаря с Клеопатрой и ее воцарение в Египте.

За время отсутствия Цезаря положение в огромной римской державе значительно ухудшилось. В Малой Азии начал наступление сын Митридата Фарнак, начались мятежи в Испании, обострилось положение в Иллирике, а в самом Риме усилились волнения должников. Главным было, однако то, что под прикрытием нумидийского царя Юбы в Африке создавалась новая сильная армия помпеянцев (8 легионов) во главе с новым тестем Помпея Метеллом Сципионом.

Цезарь действовал быстро. 2 августа 47 г. до н. э. при Зеле была разбита армия Фарнака, прибытие

Цезаря в Рим успокоило начавшиеся волнения войск и горожан, а обстановка в Испании и Иллирике была урегулирована легатами Цезаря. В декабре 47 г. он начал постепенную переправу своей армии в Африку и после трудной войны, одержал блестящую победу при Тапсе (4 апреля 46 г.). Погибли лидеры оптиматов (Сципион, Катон, Афраний, Петрей и др.), погиб и Юба. Последним событием гражданской воины была война в Испании, где сыновья Помпея и Лабиен собрали сильную армию. В марте 45 г. эта армия помпеянцев была разгромлена в битве при Мунде (17 марта 45 г.), которую Цезарь считал самым трудным из своих сражений.

Глобальные преобразования Цезаря наметили пути выхода из кризиса, В августе 45 г. до н. э. после четырех триумфов (галльский, александрийский, понтийский и африканский) он внес в казну денежные средства, ставшие стартовым капиталом» будущего подъема. Добыча составила 1,5 млрд сестерциев, из которых около 600 млн пошли в казну (Vell., II, 56, 2). Остальные средства пошли на перераспределение собственности. В новом государстве было много богатых людей, но время олигархов, бывших богаче, чем государство, и полностью контролировавших казну, стало уходить в прошлое. Огромные средства были переданы сотням тысяч солдат и офицеров Цезаря. Теперь у государства был значительный стабилизационный фонд, а раздачи создали мощный «средний класс». Солдаты становились зажиточными крестьянами и горожанами, а офицеры — всадниками и муниципальной элитой.

Усиление государственных финансов, перераспределение собственности и поддержка «среднего класса» и беднейшей части населения становились основой будущего «экономического чуда» Империи.

Важнейшим фактором консолидации общества стала «политика милосердия». Она началась в 49 г. до н. э. и продолжалась на протяжении всей войны, а в 46 г. всем сдавшимся помпеянцам была объявлена амнистия. Более того, они сохраняли даже свои ранги и места в сенате.

Значительную роль играли стабилизационные реформы. Сенат был увеличен до 900 человек (Dio, 43, 47), что, естественно, дало большинство сторонникам Цезаря. Цензура отменялась, пополнение шло за счет новых квесторов, число которых выросло до 40. Запрещались многие коллегии, под видом которых создавались «политические клубы» типа отрядов Клодия, принимались законы против роскоши, а закон об оскорблении величия (lex maiestatis) квалифицировал преступления против государства. Цезарь создавал сильное государство с сильной, боеспособной армией, четкой структурой государственного управления, стабильной финансовой системой и обществом «среднего класса», а «политика милосердия» должна была залечить раны гражданской войны.

Впервые за всю историю Рима и даже за всю историю Средиземноморья создавалась система внешней безопасности. Завоевание Галлии избавило Рим от столь опасной для него угрозы с севера и создало основу безопасности западных

провинций (Галлии и Испании) и собственно Италии, завоевание Нумидии обеспечило безопасность римских владений в Африке, а победа над Фарнаком упрочила положение в Малой Азии. В случае успеха планируемого Цезарем наступления на Дунае, в Парфии и на Рейне Империя стала бы полностью неуязвима, а будущие варварские нашествия стали бы невозможны.

Римляне осваивали свою Империю. Только официальная колонизация (проводимая государством) составляла около 80 000 человек, значительную часть которых составляли ветераны (Suet. Iul., 42). Наряду с этим существовала огромная «стихийная» колонизация. Создавалось беспрецедентное, принципиально новое качество, когда население огромной державы получало безопасность передвижения, торговли и переселения. Мир в провинциях и на границах должен был неизбежно вызвать бурный экономический рост. Новые колонии выводились в Галлию, Испанию, Африку и Иллирик, а lex Iulia municipalis на века стал основой городской жизни и муниципальной организации Империи.

Еще более важным стало массовое предоставление гражданских прав самим жителям провинций. В 49 г. их получили жители Цизальпийской Галлии, затем началось предоставление гражданства жителям Испании, Нарбонской Галлии и Сицилии. Бесправные провинциалы становились римскими гражданами, что означало их освобождение от смертной казни, жестоких телесных и порочащих наказаний, порабощения и тотального грабежа, а появление

в провинциях большого числа граждан, включая целые общины, города и регионы, в корне меняло отношения их с Римом и его властями. Новые отношения регулировались законами Цезаря (lex repetundarum, lex maiestatis, lex municipalis), а в перспективе был расцвет провинциального, регионального и даже городского и сельского самоуправления.

Огромный античный мир получал перспективы небывалого ранее долгого и плодотворного развития. В 44 г. это еще не ощущалось, и общество скорее видело негативные последствия гражданской войны, однако положение стремительно менялось. Империи не удалось осуществить все планы Цезаря, но она получила огромный запас прочности, которого хватило на два века небывалого процветания и еще на два века сопротивления беспрецедентному по силе внешнему давлению и процессам внутреннего распада для того, чтобы стать эталоном для будущих цивилизаций. Как и Александр Великий (Плутарх великолепно уловил сходство их исторической роли) Цезарь основал новую цивилизацию, значительно более прочную. Империя не смогла реализовать его программу, но то, что она сделала, было почти невероятным.

* * *

Первым «срывом» этого развития был заговор марта 44 г. до н. э., и последовавшая полоса гражданских войн 44–31 гг. до н. э. Разногласия между

цезарианскими лидерами, общая растерянность сторонников Цезаря и всего общества, активность республиканских лидеров и ораторский дар Цицерона, казалось, поставили реформы Цезаря на грань полного провала. Впрочем, огромное большинство населения Рима, Италии, а затем и провинций поддержали «дело Цезаря» и обеспечили его победу. Уже 19 марта 44 г. огромное население Рима показало свои приверженность новой политике, и, после торжественных похорон, бросилось громить дома заговорщиков, которые теперь уже не решались появляться в столице.

Заговорщики и их сторонники смогли провести через сенат решения, обеспечивавшие им власть в провинциях, и столкнуть цезарианских лидеров между собой. В октябре 44 г. до н. э. Брут начал создавать свою армию в Греции, а в конце года Кассий принял командование над армиями Стея Мурка, Марция Криспа и Авла Аллиена и смог уничтожить цезарианскую армию Долабеллы. К началу 43 г. восточные провинции (от Азии до Сирии), а также — Греция и Македония, были в руках руководителей заговора.

События в Италии были еще более драматичны. Сложные отношения внутри цезарианской партии и поддержка сенатом ставшего наместником Цизальпийской Галлии Децима Брута привели к кровавому исходу. В конце 44 г. до н. э. Марк Антоний осадил Децима Брута в Мутине, но уже в январе 43 г. на помощь Бруту двинулась сильная правительственная армия (8 легионов) во главе с консулами А. Гирцием и Г. Вибием Пансой и Октавианом

в ранге пропретора. Эта, так называемая Мутинская война, закончилась двумя тяжелыми битвами при Мутине (14 и 21 апреля 43 г.), разгромом Антония и гибелью консулов.

Противники Цезаря в сенате торжествовали победу. Брут и Кассий были объявлены наместниками Македонии и Сирии, Антоний стал «врагом отечества», а Октавиан и другие цезарианские командующие (М. Эмилий Лепид, Л. Мунаций Планк и Азиний Поллион) были обязаны подчиниться Децию Бруту. Это был пик нового переворота, но Мутинские сражения, стоившие жизни 20–25 тысяч солдат Цезаря, стали кровавым холодным душем, отрезвившим сторонников Цезаря. Свое слово сказали простые люди, офицеры и солдаты Цезаря, жители Рима и городов Италии, а позже и жители провинций.

Армия Октавиана не подчинилась приказу сената, отказалась служить убийце Цезаря и сделала командующим Октавиана, который, при поддержке армии и рядовых избирателей объявил себя консулом (август 43 г. до н. э.), на сторону Антония перешли стоявшие в Галлии и Испании легионы М. Эмилия Лепида, Мунация Планка, Азиния Поллиона и других командиров. Армия Децима Брута распалась без единого сражения, а сам глава заговора был казнен по приказу Антония.

«Партия Цезаря» вернула власть 27 ноября 41 г. до н. э. с образованием второго триумвирата[10]. Ан-

---

[10] *Чеканова Н. В.* Система триумвирата в политической жизни Рима при переходе от республики к империи. Автореф.

тоний, Октавиан и Лепид стали триумвирами для устройства государственных дел (rei publicae constituendae) сроком на 5 лет. Последовали жестокие репрессии, напомнившие репрессии Суллы и конфискации, и поборы для содержания огромной армии, которая должна была противостоять заговорщикам.

В сентябре-октябре 42 г. до н. э. армии Антония и Октавиана (110 000 человек) встретились с армиями Брута и Кассия (80 000 пехоты и 12 000 конницы) в битве при Филиппах[11]. Это была самая большая битва гражданских войн. Первое сражение (сентябрь 42 г.) закончилось «вничью», однако роковой потерей для республиканцев была гибель Кассия. Во втором сражении (октябрь 42 г.) триумвиры одержали полную победу, а Брут покончил с собой. В этих битвах пало около 50 000 человек[12]. Война подвела черту под республикой, завершив самый тяжелый период новой гражданской войны.

Впрочем, войны не кончились. Активизировался захвативший Сицилию Секст Помпей, силы которого выросли за счет ушедшего к нему флота Брута и Кассия (200 кораблей) (App. B. C., V, 2). Помпей и командовавшие этим флотом Домиций Агенобарб и Стей Мурк создали сложную ситуацию в Риме и других городах, а по всей Италии начались волнения, не имевшие конкретных лозунгов,

---

дисс... канд. ист. наук. Л., 1988. С. 110–157; *ее же*. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 374–457.

[11] *Brunt P.* Italian manpower... P. 531.

[12] Ibid.

но направленные против режима триумвиров с его войнами, грабежами и голодом. Это движение выросло в настоящую войну, названную Перузийской (41–40 гг. до н. э.), последнюю большую войну в Италии, приведшую к паритету сил Антония и Октавиана.

Совершенно по-иному, чем это планировал Цезарь, развивался «сценарий» Парфянской войны. Она началась в конце 41 или начале 40 г. до н. э. с массированного вторжения парфян, которые возглавили царевич Пакор, полководец парфян Франнипат и посланный к ним Брутом и Кассием сын Лабиена Квинт. Разбив легата Сирии Децидия Саксу, парфяне заняли Сирию, Финикию и Иудею, а армия Лабиена вторглась в Малую Азию. Рим оказался под угрозой потери восточных провинций.

Положение в Риме и Италии и вторжение парфян заставили наследников Цезаря подумать о мире, и в начале октября 40 г. до н. э. Антоний и Октавиан впервые заключили так называемый Брундизийский договор 40 г., дополненный новым, более паритетным разделом провинций и Мизенским соглашением 39 г. с Секстом Помпеем и амнистией проскриптам. Начался путь к миру, впрочем, оказавшийся весьма трудным.

Парфянская война расширялась. В 39 г. до н. э. П. Вентидий Басс начал ответное наступление. Лабиен был разбит у подножья Тавра, а в Сирии была разгромлена армия парфянского полководца Франнипата. Наконец, в 38 г. в битве у горы Гиндар Вентидий разбил главные силы парфян под

командованием царевича Пакора. Римские владения были свободны.

Впрочем, главный поход самого Антония (36 г. до н. э.) кончился неудачей. Огромная армия Антония (16 легионов или около 60 000 пехоты), 10 000 галльской конницы и 30 000 союзной пехоты и конницы) вторглась в Парфию через Армению (Liv. Epit., 130; Vell., II, 82, 1; Plut. Ant., 37). Его противник Фраат IV мобилизовал все возможные силы, выставив 50-тысячную армию. После неудачной осады Фраасп, Антоний был вынужден отступить, неся большие потери, и только летом 36 г. он добрался до Армении, потеряв около 40 % армии[13].

Не кончились и гражданские войны. В 36 г. до н. э. армии Октавиана и Лепида высадились в Сицилии. В морском сражении у Мил флот Агриппы одержал первую победу, а в решающей битве у Навлоха (сентябрь 36 г.), в которой каждая сторона имела примерно по 300 кораблей[14], Помпей был разгромлен, бежал в Малую Азию, поднял мятеж против Антония и погиб в 35 г.

В 31 г. до н. э. началась последняя война. В ней снова столкнулись две огромные армии. Антоний собрал 19 легионов (70–75 тысяч пехоты), 12 000 конницы и 500 кораблей, Октавиан — 10 000 пехоты, 12 000 конницы и 400 кораблей[15]. 2 сентября 31 г.

---

[13] Liv. Epit., 130; Vell., II, 82, 1; Plut. Ant., 37.

[14] App. B. C., V, 98–121; Dio, 49, 1–10; Vell., II, 79; Liv. Epit., 129.

[15] Plut. Ant., 56–57; 61.

у мыса Акций встретились флоты Антония и Октавиана. Антоний потерпел поражение, около 300 кораблей сдались, эскадры Антония и Клеопатры ушли в Египет, после чего без боя сдалась армия Канидия Красса. Поход на Египет (30 г.) закончился полной победой Октавиана и самоубийством Антония и Клеопатры.

Гражданские войны 44–31 гг. до н. э. добавили новые сотни тысяч жертв. В Мутинской воине (43 г.) погибли, вероятно, 20–25 тысяч человек, в Филиппийской (42 г.) — около 50 000, немало жертв принесли Перузийская (41–40 гг.) и Парфянская (41–36 гг.) войны. Потери в войнах 36–31 гг. до н. э. были меньше, но и они вели к огромным материальным затратам. В этих войнах погибли те армии, с которыми Цезарь планировал покорение Парфии, германцев и дунайских племен.

Армии увеличились до невероятных размеров. В 43–42 гг. до н. э. их численность достигла 66 легионов[16]. Потери этого времени были огромны, и уже в 41–40 гг. происходит первая большая демобилизация, охватившая около 50 000 человек[17]. В 39–36 гг., по причине создания огромных флотов, силы сторон выросли до 75–83 легионов, но в 38 г. их стало 54[18]. В Актийской войне армии снова увеличились до огромной численности в 60–70 легионов, но в 30–28 гг. Октавиан демобилизовал около

---

[16] *Brunt P.* Italian manpower… P. 350.

[17] Ibid. P. 342.

[18] Ibid.

половины армии (примерно 150 000 человек), оставив 25 (или, возможно, меньше) легионов. Иметь большую армию и вести новые войны Империя не могла и не хотела, а среди демобилизованных, несомненно, было немало инвалидов, больных и раненых людей. Общество не могло и не хотело воевать, и, возможно, что даже в конце правления Августа армия Империи была слабее, чем армия Цезаря.

Гражданские войны 133–31 гг. до н. э. стали определяющим периодом римской истории. Перед Римской державой встала трагическая альтернатива, на одной стороне которой было создание гигантской сверхдержавы, а на другой — гибель и распад цивилизации, не только римской, но и всей цивилизации Средиземноморья. На протяжении всего этого времени внутренняя смута сопровождалась сильнейшим внешним давлением, и речь шла не только о существовании великой державы, но и о существовании Италии и Рима.

После знаменитой «эпохи Сципиона», продолжавшейся между окончанием Второй Пунической войны (201 г. до н. э.) и началом войн 50-х гг. Рим, во многом вынужденно, стал мировым лидером, под властью которого оказались Италия, значительная часть Испании, Сицилия, Сардиния, Корсика, Македония и Греция а многие еще независимые племена Испании, Карфаген, Нумидия, Пергам, а отчасти даже Империи Селевкидов и Птолемеев, равно как и различные государства Малой Азии, которые оказались в той или иной степени вассальной или какой-либо иной зависимости.

В 50–30-е гг. II в. до н. э. произошел первый «взрыв», приведший к началу тяжелого общего кризиса. Бесконечные испанские войны 50–30-х гг., Третья Пуническая война (149–146 гг.), восстания Лже-Филиппа в Македонии (150 г.), Ахейская война (147–146 гг.), Сицилийское восстание рабов (136–132 гг.), восстание Аристоника в Пергаме (133–129 гг.) и другие войны этого времени ввергли Рим, в тяжелейший системный кризис, выходом из которого могли бы стать реформы Гракхов (133–121 гг. до н. э.), однако этот исторический шанс был упущен.

Следующим «ударом» стала трудная Югуртинская война (111–105 гг. до н. э.), а затем нашествие кимвров и тевтонов (113–101 гг.), отмеченное серией неудач 113–107 гг., тяжелейшим поражением при Араузионе (105 г.) и трудными победами при Аквах Секстиевых (102 г.) и Верцеллах (101 г.), угрожавшей существованию Рима и до крайности обострившее внутренние противоречия, назревавшие уже в догракханский период.

Новый кризис самый сильный из всех, кризис Союзнической войны (91–88 гг. до н. э.), смуты 88–84 гг., гражданской войны 83–82 гг. и Первой Митридатовой войны (89–85 гг.) стоил Риму полмиллиона человеческих жизней и завершился фактически оккупационным режимом Суллы с его неограниченной властью сулланской «партии» и управляемым ей сенатом, жесточайшими репрессиями, развалом экономики и финансов, насильственной колонизацией и «сулланской конституцией», которые уже прямо подвели Рим и весь цивилизованный мир

Средиземноморья к полному краху, который казался неизбежным.

Это положение во многом усилили войны 70-х гг. I в. до н. э., особенно Серторианская война (80–72 гг.) и восстание Спартака (73–71 гг.). Временами Рим оказывался на волосок от гибели, однако победы Помпея и Лукулла, успехи Метелла Пия и Сервилия Исаврийского, успешное окончание Третьей Митридатовой войны (74–63 гг.) отодвинули Рим и его Империю от роковой черты. Держава продолжала существовать, но 70–60-е гг. могли стать последним затишьем перед полным крахом. После «национального примирения» 70 г., ставшего символом выхода из этого кризиса, в Риме началась «постсулланская реставрация», а положение на границах, особенно северной, становилось все более тревожным. Как и в 20-е гг. II в. и 90-е гг. I в., это «затишье» могло стать лишь паузой перед новым, теперь уже последним кризисом Империи.

Рим спасла «революция Цезаря». Вначале это был полный разрыв с сулланским режимом в 60-е гг. до н. э., когда Цезарь начал «реабилитацию» Мария и фактически объявил преступным режим Суллы, получив поддержку подавляющего большинства жителей Рима и Италии и помешав процессу новой сулланской реставрации, которая в середине 60-х гг. была вполне реальна. Консульство Цезаря (59 г.) было новой «мирной революцией» против постсулланской реставрации и началом конструктивных реформ, продолженных во времена диктатуры.

Галльские войны 58–51 гг. до н. э. часто считают большой агрессией Рима, прервавшей перспективный галльский путь развития и способствовавшей созданию силы, позволившей Цезарю свергнуть республику и установить единоличную власть в Риме, однако блестящие победы при Бибракте (58 г.) и Вензотионе (58 г.), на реках Аксона и Самбра (57 г.), успехи 56 г., разгром узипетов и тенктеров (55. г.), британские походы 55–54 гг., подавление восстания 53 г. и великие битвы Великого Галльского восстания 52 г. спасли Рим и Галлию от крайне опасной перспективы «великого переселения народов», которое могло бы иметь необратимые последствия[19]. Галльские войны стали «войной за существование Рима и его Империи, после которой исчез единственный внешний противник, способный их уничтожить.

Второй войной «за существование» была гражданская война 49–45 гг. до н. э. Помпеянский переворот 49 г. создал паралич управления огромной державой, а план Помпея вел к распаду Империи. Альтернативой победе Цезаря была не республика оптиматов, Катона и Цицерона, и даже не диктатура Помпея, а распад Империи и ее раздел между независимыми (Парфия, Нумидия, Фарнак Понтийский, Птолемеевский Египет), и вассальными царями, местными племенами и другими объединениями, находящимися в состоянии разрухи и постоянной

[19] *Моммзен Т.* История Рима. 3-е изд. СПб., 1995. Т. 3. С. 175–176.

войны. В 49 г. Цезарь без сопротивления занял Италию и вынудил сдаться без боя главные силы армии Помпея в Испании, в 48 г. одержал решающую победу при Фарсале, а в 47–46 гг. разбил главных внешних противников (Птолемея XIII, Фарнака и Юбу) претендовавших на захват различных частей Империи. После победы при Мунде (45 г.) война закончилась, и уже ничто не угрожало существованию и целостности Римской Империи.

Мирные планы, реформы и преобразования Цезаря (перемены в экономике, политика clementia, создание нового сената и новой системы управления, обширная колонизация и массовое предоставление гражданства жителям провинций) дали перспективу будущего развития и огромный «запас прочности», которого хватило на два века. Цезарь основал новую цивилизацию, и фраза Т. Моммзена о «единственном императоре» едва ли является преувеличением[20].

Если бы мирные и военные планы Цезаря были реализованы, история могла бы пойти по иному руслу. План похода 44 г. до н. э. и последующих лет должен был привести к разгрому оставшихся «главных противников Рима, Парфии, дунайских племен и германцев. План был реален, и мог бы сделать Империю неуязвимой извне и изнутри. Силы были огромны (16 легионов на Балканах, 9 — на востоке и 7 на рейнской границе). Вероятно, после первого сокрушительного удара на Балканах, лучшие силы

[20] Там же. С. 387.

дунайской армии должны были быть переброшены на восток, чтобы нанести поражение Парфии, после чего становилось возможным наступление в Германии с Рейна и Дуная, похожее на наступление Тиберия в 4–6 гг. н. э. Это была бы последняя большая война, и Октавиан должен был стать «императором мира».

Заговор 44 г. до н. э. сорвал этот план, временами казалось, что активные действия заговорщиков и их сторонников, разногласия между цезарианскими лидерами и общая растерянность поставили, «дело Цезаря» на грань полного провала. Сложное политическое развитие событий в Италии привело к Мутинской войне (43 г.), ставшей реальной победой заговорщиков и их сторонников в сенате и стоившей жизни 25 000 человек. Впрочем, свое слово сказали простые люди, жители Рима и Италии и солдаты и офицеры Цезаря. При их поддержке «партия Цезаря» вернула себе власть, и после образования Второго триумвирата (27 ноября 43 г.) этот вопрос был решен окончательно.

Две битвы при Филиппах (сентябрь-октябрь 42 г. до н. э.), в которых столкнулись две 100-тысячные армии Антония и Октавиана и Брута и Кассия, и погибли около 50 000 человек, подвели черту и под республикой, и под планами Цезаря. За ними последовали Перузийская (41–40 гг.) и Сицилийская (38–36 гг.) войны, а затем и тяжелая Парфянская война (41–36 гг.), которая пошла совсем по-иному, чем планировал Цезарь. Последняя война между Октавианом и Антонием расколола Империю на

Запад и Восток и стоила огромных материальных издержек. В отличие от помпеянского правительства 49–45 гг., заговорщики уже не могли уничтожить Империю, но великая держава была «тяжело ранена»[21].

Главной причиной того, что планы Цезаря не удались в полной мере, были именно эти войны 44–31 гг. до н. э. Общие потери в 200–250 тысяч человек, содержание огромных армий в 60–70 легионов и еще более огромных флотов (от 500 до 1000 кораблей), вынужденные массовые демобилизации (около 50 000 в 42 г. и 150 000 в 30–29 гг.) заставили Империю надолго отказаться от наступательных планов. Тяжелыми были экономические, политические и правовые последствия: разорение Италии в ходе Мутинской, Перузийской и Сицилийской войн, еще более тяжелое разорение Греции и Македонии, ставших ареной войн 44–42 и 31 гг. и восточных провинций, бывших тылом армий Брута и Кассия (44–42 гг.) и Антония и Клеопатры, а также пострадавших от Парфянской войны 41–36 гг. Итогом этого кризиса были общая дестабилизация, замедление темпов экономического развития, тяжелое финансовое положение, надолго затянувшееся распространение гражданских прав в восточных провинциях и срыв ряда мероприятий Цезаря в Малой Азии, Сирии и Иудее.

Восстановить армию Империя смогла только к 14–12 гг. до н. э., а наступление растянулось до

---

[21] Там же.

4–5 гг. н. э. и закончилось Паннонским восстанием (6–9 гг. н. э.) и битвой в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Победа была неполной даже после походов Германика (14–17 гг. н. э.). Эти войны, как и войны 60-х и 90-х гг. I в. н. э., а затем и войны Траяна проходили уже, главным образом, на территории «варварского мира» и недавно завоеванных регионов (Британия, Фракия, Армения), но потери, людские и материальные, были велики.

Едва ли не главной жертвой кризиса стала «политика милосердия». Август делал все возможное, чтобы общество забыло о гражданских войнах и терроре, но после смерти Германика (19 г. н. э.), начались репрессии Тиберия, Калигулы и Нерона, а за процессами об оскорблении величия последовали реальные заговоры (попытка переворота Сеяна в 31 г. н. э., едва не приведшее к гражданской войне правление Калигулы, сложные повороты времен Клавдия и, наконец, общий кризис 60-х гг. и гражданская война 68–69 гг. н. э.). Тацит, бывший одним из главных идеологов принципата Траяна, ставит эту проблему в центр своего повествования, и в этом был глубокий смысл, ибо это было главное моральное поражение принципата, не менее опасное, чем поражения на фронтах войны.

Это моральное поражение создавало «миф о республике», уничтоженной Цезарем и Августом. Программа спасения цивилизованного мира становилась «тиранией» и «узурпацией власти». Наверное именно во времена Юлиев-Клавдиев в кругах оппозиции закрепляется созданный оптиматской

и постсулланской пропагандой образ Цезаря как ловкого манипулятора, правдами и неправдами «пробравшегося» к вершинам власти, развязавшего агрессивную войну в Галлии, а затем и гражданскую войну, целью которой был захват власти и установление «тирании». Этот режим был «укреплен» другим «жестоким» и «лицемерным» «тираном» Августом, также «развязавшим» гражданские войны, в которых он уничтожил всех своих противников. Образ этого «тоталитарного режима», державшегося на репрессиях и всеобщем страхе, вполне «подтверждался» образами Тиберия, Калигулы и Нерона, «законными преемниками» основателей Империи. Эту пропагандистскую войну Цезарь, возможно, даже проиграл, а Август получил репутацию «лицемера», выдающего свою монархию за «восстановленную республику». Впрочем, главным было то, что Империя существовала, и римляне, испытывавшие ностальгию по Помпею, Катону и Цицерону, предпочитали жить в Империи Цезаря и Августа.

Пока что Октавиан праздновал победу. Сразу после его победы при Акции (2 сентября 31 г. до н. э.) началась волна молебствий и торжеств. После возвращения с Востока, 13–15 августа 29 г. он отпраздновал три триумфа (актийский, александрийский и паннонский) и, хотя в программе были традиционные гладиаторские бои, навмахия, вероятно, имитирующая сражение при Акции, и травли зверей, на празднике преобладала мирная символика. Рим и весь огромный «римский мир», разоренный

войнами, праздновал окончание гражданских (а во многом и внешних) войн и готовился к долгой мирной созидательной жизни.

* * *

Эпоха гражданских войн стала временем небывалого культурного подъема, сочетавшего в себе две весьма противоречивые тенденции, разрушение многих традиционных представлений и, вместе с тем (особенно это было характерно для последнего периода), выход на новый, необычайно высокий уровень развития. Этот взлет породила не столько сама война, сколько ее окончание и осознание римлянами той пропасти, на грани которой они стояли, и того, что из этого кризиса все-таки удалось выйти.

Сразу после победы, следуя программе Цезаря, Август провел грандиозную программу религиозной реставрации, по собственному заявлению, восстановив и построив 82 храма (R. g., 20, 4). Среди них были храмы Юпитера Капитолийского, Юпитера Феретра, Юпитера Гремящего на Капитолии, Юпитера Либера на Авентине, храмов Квирина, Минервы, Юноны Регины, Марса Мстителя, Великой Матери Богов, Ларов и Пенатов (R. g., 21; Suet. Aug., 29, 1–3). Эта программа является косвенным свидетельством той степени упадка римской религии, который происходит в эпоху гражданских войн, и, вместе с тем, бережного сохранения религиозной традиции. Разруха, запустение храмов,

их разрушение и забвение старых обрядов, пренебрежение к богам (deos neglegere), небывалый рост суеверий, как и всегда, были признаком, сопутствующим любой гражданской войне.

Гражданские войны стали не только временем огромных жертв, репрессий, восстаний рабов и провинциалов, временем невероятной коррупции и экономических диспропорций, эпохи республики «нищих и миллионеров»[22], но и временем иррационализма, безверия и распада, когда духовная жизнь огромной державы, также как и ее экономическое и политическое единство, оказалась на грани гибели. Рушились связи человека и общества, общегосударственные связи, в противовес которым росли сословная и классовая сплоченность. I в. до н. э. отмечен эмансипацией знати, обострением всех социальных противоречий, корпоративности армии, всадничества и различных частей римского народа. Известной реакцией на это стал рост микросообществ, как аристократических гетерий и кружков, так и коллегий простых людей, создававшихся по профессиональному, религиозному и иным признакам. Август и его преемники сумели использовать коллегии в интересах укрепления государства и общественного единства, однако во времена гражданских войн (достаточно вспомнить заговор Катилины и коллегии Клодия) они работали против. Радикальные движения плебса и ответная,

---

[22] Определение Т. Моммзена (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. С. 352).

столь же радикальная реакция знати вызывали кровавые расправы, подобные расправам над Гракхами (133 и 121 гг. до н. э.), Сатурнином (100 г.), Сульпицием (88 г.) и мятежу 87 г. (столкновение Цинны и Октавия), а общая обстановка 70–50-х гг. до н. э. и движения Клодия, Целия Руфа (48 г.) и Долабеллы (47 г.) показывали, что более традиционная классовая борьба в столице и городах Италии и провинций, была немногим менее опасна, чем сами гражданские войны, с которыми она была тесно связана. Только Цезарю и Августу удалось остановить эти опасные процессы, что было крайне трудно.

Распадались семьи, росли число разводов и проституция, усиливался конфликт поколений, а Л. Анней Флор называет гражданскую войну 49–45 гг. до н. э. bellum plus quam civile («война более, чем гражданская»), намекая на то, что она не только создавала клановую сплоченность (это хорошо видно на примерах «партий» Гракхов, Мария, Цезаря, Антония и Октавиана с одной стороны, и (наверное, еще более) в «партиях» Суллы, Помпея и Брута и Кассия — с другой), но и очень частые ситуации, когда члены одних и тех же родов и семей, дальние и близкие родственники воевали в разных лагерях[23]. Саллюстий заканчивает «Заговор Катилины» жуткой картиной узнавания погибших родственников и друзей, возможно, видя в этом главный «итог» заговора (Sall. Cat., 61).

---

[23] *Jal P.* La guerre civile à Rome. Paris, 1963. P. 391–433.

Не менее жутким является описание политических репрессий 87 г. (App. B. C., I, 73–74; Plut. Mar., 43; Suet. Iul., 5; Vell., II, 22–29), сулланского террора и проскрипций 81–80 гг. (App. B. C., I, 95–96; Vell., II, 28) и репрессий Второго триумвирата (App. B. C., IV, 6; 12–30; 35–51; Vell., II, 66; Dio, 47, 1–17; Plut. Ant., 19–20; Brut., 27; Flor, IV, 6, 1–6; Suet. Aug., 13). Сводный список Аппиана (App. B. C., IV, 12–50) дает ярчайшую картину предательства ближайших родственников, включая жен, детей и близких к хозяевам либертов (Ibid., IV, 16–20), равно как и уравновешивающий их перечень примеров родителей, жен, детей, братьев, рабов и либертов, спасающих проскриптов ценой собственной жизни или гибнущих вместе с ними (Ibid., IV, 15; 37–51).

П. Жаль отмечает небывалый ранее рост пессимизма, охватившего римское общество, всеобщее смятение, мысли о «злом жребии», усиление эсхатологических настроений и желание бежать от мира и людей[24]. Наши источники, как правило, рисуют глобальные картины кризиса, рассматривая судьбы государства, политических партий и их лидеров и больших социальных групп, но они показывают и то, что эта трагедия складывалась из трагедии отдельных народов, городов, общин, деревень, отдельных семей и людей. Эта эпоха была отмечена хищениями, грабежами и жестокостями в провинциях, как во времена собственно гражданских войн, так и во времена относительного «мира».

[24] Ibid. P. 394–414.

118 Такие факты иногда «проскальзывают» среди сообщений историков (Саллюстий, Аппиан, Плутарх, Флор, Веллей Патеркул), а еще более — в речах и письмах Цицерона. Большая трагедия гражданской войны, складывалась из множества мелких, преодолеть которые было особенно трудно.

Римские писатели сетуют по поводу женской эмансипации. Женщина действительно (часто вынужденно) получала большую экономическую, правовую и бытовую свободу, все чаще встречаются браки, когда жена не переходит под власть мужа[25], и, если мы часто даже не знаем имена жен ведущих римских политиков и principes V–III вв. до н. э., то II–I вв. до н. э. дают нам немало образованных, независимых, сильных женщин высшего света, как матрон, становившихся фактическими главами семей (мать Гракхов Корнелия или мать Цезаря Аврелия), так и светских львиц типа Клодии, участницы заговора Катилины Семпронии, матери Брута Сервилии или знаменитой Фульвии, жены Клодия, Куриона и Марка Антония. Трагедия была не в эмансипации, а в том, что, хотя женщины не служили в армии, не заседали в сенате и, казалось бы, не играли никакой роли в «официальной политике», они были такими же участницами и жертвами гражданской войны, как и их отцы, братья, мужья, сыновья или внуки.

В этой духовной катастрофе, не менее ужасающей, чем катастрофа в экономике, политике и со-

---

[25] *Crook J. A.* The Development of Roman Private Law // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 531–563.

циальной жизни, Рим сумел выстоять, и, вероятно, основными факторами выживания стали религия, мораль и культура. Народные массы упорно придерживались древних культов, а религиозная реставрация, задуманная Цезарем и реализованная Августом, была вызвана общей потребностью всех общественных слоев. Многие верования «народной религии» вызывали сомнения и скепсис у образованных римлян, однако до откровенного атеизма дело не дошло, и большинство римских философов (за крайне редким исключением) предпочитали переосмысливать религию на новой философской основе. Появляется противопоставление *religio* (осознанной веры образованного человека) и *superstitio* (суеверий простых людей), веривших в чудеса, оракулы, приметы и тому подобное, однако, при всем их различии, эти мировоззрения сосуществовали, и, как отмечает Е. В. Державицкий, философия, которую «сначала изгоняли, затем согласились терпеть, как неизбежное зло, стала теперь опорой римской религии»[26]. Римские философы были государственниками и считали религию необходимой с точки зрения поддержания существования государства и общества.

Цицерон, Варрон, а позже Вергилий, Гораций и Овидий разъясняли римлянам суть их религии и призывали верить в богов, считая это залогом

---

[26] *Державицкий Е. В.* Цицерон о природе богов // Марк Туллий Цицерон. О природе богов / Пер. с лат. С. Блажеевского. СПб., 2002. С. 15.

120 выживания общества и отвращения гнева высших сил (Cic. Pro Q. Rosc., 16; Pro Font., 12–13; 16; 20; Pro Cluent., 68; Cat., I, 13; III, 8–10; Pro Mil., 30; In Vat., 6; 13; 15; Verr., V, 1, 2–3; De domo, 13–14; 40; 42; 54; De har. resp., 5; 9; 10; III, 5, 6; De leg., II, 8, 24; Hor. Odes., III, 2; IV, 6; Verg. Georg., II, 490)[27].

Политика в области религии была гибкой: принимая меры против нетрадиционных культов и особенно против неверия и откровенного нарушения религиозных норм, римляне поддерживали религию в целом; большинство верований народов Империи, включая греческий и фракийский культы Диониса, малоазийский культ Великой Матери, культ Изиды и иудейский культ Яхве, относились к числу «дозволенных» (licita), а единство Империи поддерживалось общим толерантным отношением к ее верованиям, что также стало основой политики Цезаря.

Римляне были очень хорошо знакомы с греческой философией, и, видимо, уже в середине II в. до н. э. в Рим проникают учение Платона и теории Карнеада и Клитомаха, возглавлявших в то время Новую Академию. В I в. до н. э. в Риме появляются и представители основных учений эллинистической эпохи, стоицизма, эпикурейства и учения киников.

Свидетельством этого является трактат Цицерона «О природе богов». В первой из книг он приводит мнения греческих философов VI–IV вв. до н. э.

---

[27] *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 22–106.

от Фалеса Милетского, Анаксимена, Анаксимандра и Пифагора до Платона, Аристотеля и Феофраста, переходя затем к изложению мнений основных философских школ своего времени, эпикурейцев (Cic. De nat. deorum., I, 17, 44 — 19, 49), стоиков (II, 29, 73 — 30, 77) и последователей Новой Академии. Наиболее популярным среди римской элиты становится учение стоиков, исходившее из доктрины единого разума и единого божества, Юпитера, отца богов и людей, управителя и устроителя миропорядка, чтимого всеми народами. Мир стоиков — это единая «республика» богов и людей, которая являет собой связь между земным и небесным, а добродетель основана на любви к людям.

Как отмечает Е. М. Штаерман, идея человека, стоящего «по ту сторону добра и зла» была чужда римлянам[28], а в центре их мировоззрения оставался Рим, подчиняющий народы к их же благу, служение Риму, совпадающее со служением человечеству и вселенской общности людей и богов, история Рима как эталона, общей пользы, как выражения общих коллективных связей римского гражданства, римские добродетели, позволяющие человеку исполнить свой долг перед общиной на том месте, в той роли, которая выпала ему на долю (т. е. соблюдение все того же геометрического равенства), повиновение установленным нормам и законам, культивирование iustitia»[29]. Вероятно, эта прочность

[28] Там же. С. 45.

[29] Там же. С. 46.

 традиционных и консервативных ценностей в сочетании с национальной и религиозной толерантностью и была одной из причин выживания Рима в трагических событиях I в. до н. э. Разрушение происходило, но римляне не допустили создания «идеологии разрушения».

После диктатуры Суллы, а особенно во времена Цезаря, вырабатывается стойкая неприязнь римлян к гражданской войне. Угнетенные классы, рабы, провинциалы, простые крестьяне строили планы «всеобщей справедливости» и «светлого будущего», которые были характерны для провинциальных и рабских восстаний (от Аристоника до Спартака), однако постепенно общество, от Рима до отдаленных провинций, начинает понимать, что единственным «светлым будущим» является мир, мирное развитие и процветание экономики и культуры. После тяжелейшего кризиса 133–78 гг. до н. э. начинает постепенно нарастать общее понимание, что гражданские войны, кризисы и конфликты приведут общество к гибели.

Ответом на этот запрос стала «политика милосердия» Цезаря, насколько это было возможно, продолженная Августом. Она начала проявляться уже в войнах 70-х гг. до н. э., но в полной мере проявилась в ходе гражданской войны 49–45 гг. и, как мы увидим далее, именно отход от нее стал, видимо, главной причиной всех неудач Империи. Тем не менее, неприятие гражданской войны нарастало. Эти войны давали реальную власть, богатство и другие выгоды, в них проявлялись таланты военачальников,

профессионализм офицерского корпуса и героизм солдат и центурионов, но в них не было «героев», «подвигов» и «победителей». Блестящие победы Цезаря при Илерде (49 г. до н. э.) и Фарсале (48 г.) не праздновались никак, не было этого и в отношении судьбоносных сражений при Мутине (43 г.) и Филиппах (42 г.), и даже Сулла праздновал только победу над Митридатом, а попытки выдать *bellum civile* за *bellum externum* вызывали общественное раздражение. Участие в гражданской войне в лучшем случае, считалось печальной необходимостью, а в худшем — предметом стыда и причастностью к общему позору. Служивший в армии Брута и Кассия Гораций раскаивался не в том, что воевал против Октавиана, а в том, что воевал вообще (Hor. Epist., II, 2; 46–48; I, 20, 3; Odes., II, 30).

Возникала и новая реальность. «Правовая революция» Цезаря, основанная на все большем вовлечении провинций и римских вассалов в имперскую политику, должна была в перспективе создать единую всемирную Империю с единым гражданством, когда любая война становилась *bellum civile*. Рим не выполнил эту программу, но огромное «мирное пространство», невиданное ранее, теперь стало политической реальностью.

Культура и просвещение стали важнейшим механизмом создания этого единства, и римляне это прекрасно понимали. Время строительства Империи, едва не ставшее ее концом, было и временем создания римской культуры, «нормативным» этапом ее формирования.

Плутарх жил двумя веками позже Гракхов и родился спустя 30 лет после смерти Августа, однако большая часть его «Сравнительных биографий» посвящена именно этой эпохе, и знаменитый историк и писатель создает цепь жизнеописаний от Гракхов до Юлия Цезаря, Брута и Антония, ставших стержнем его произведения. Вероятно, именно в этом времени Плутарх видел корень проблем своей собственной эпохи, а расцветом созданной в эпоху Цезаря и Августа Империи и ее культуры стал «золотой век» Антонинов, в который жил сам автор.

* * *

В конце II — I вв. до н. э. началась новая волна эллинизации, по интенсивности превосходящая эллинизацию III–II вв. до н. э. В Риме появляется все большее и большее число греков: учителей, секретарей, советников. Молодые аристократы все больше и больше ездят в Афины или в другие центры греческой образованности, а большинство из них хорошо знают греческий язык. Римляне уже не копируют греческий образ жизни, литературу и искусство, но создают свою глубоко оригинальную культуру. Культурный подъем затронул все: красноречие и философию, историографию и политическую историю, филологию и поэзию, науку и научную прозу.

Особое влияние на развитие римской культуры оказали философия Панэтия (180–100 гг. до н. э.), творчество Полибия (200–120 гг. до н. э.) и грече-

ское ораторское искусство. Панэтий и Полибий, входившие в окружение Сципиона Эмилиана, во многом принадлежат прежней эпохе. Панэтий прожил в Риме 20 лет, а в 129 г. до н. э. стал главой стоической школы в Афинах. Вероятно, именно он перенес акцент в область этики, несколько отступив от изучения онтологии и гносеологии, и попытался соединить стоическую идею человека как члена общины с римским идеалом *vir bonus*[30].

Традиция Панэтия была поддержана как стоиками (Посидоний), так и мыслителями, не принадлежащими к стоицизму (Цицерон, Сенека), а во времена Антонинов, после Эпиктета, это учение становится одной из основ идеологии Римской Империи. Плутарх также не был стоиком, но это учение оказало на него сильнейшее влияние.

Полибий (200–120 гг. до н. э.) был тесно связан с Римом после того, как стал одним из ахейских заложников после битвы при Пидне в 168 г. до н. э., а его «История» в 40 книгах, в которой он описал события 264–146 гг. до н. э.[31], была первым большим трудом греческого историка, посвященным Риму и главным источником для соответствующих частей фундаментальных исторических трудов Тита Ливия, Диодора и, возможно, Николая Дамасского, а его продолжателем стал Посидоний, чья традиция

---

[30] Там же. С. 41.

[31] *Тыжов А. Я.* Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; под ред. А. Я. Тыжова. Т. 1. СПб., 1994. С. 5–33.

была особенно важна для Плутарха, Аппиана и Диона Кассия.

Полибий оказал огромное влияние на римскую историографию, а его суждения о целях и задачах историописания, движущих силах исторического процесса и причинно-следственных связях, подобно труду Фукидида для истории Греции, внесли научный элемент в римскую историографию, тогда как его учение о формах государственного строя и о «смешанном строе» стали теоретическим обоснованием римской теории государства и права. Римские исторические труды еще оставались хрониками, Полибий (как Геродот и Фукидид в V в. до н. э.) внес в них концепцию, исторический анализ и теорию истории[32].

И все же главным направлением гуманитарной культуры Рима стало ораторское искусство. Причиной его небывалого подъема была активизация политической жизни, рост публичности политики и развитие судебной системы, когда римскому политику приходилось все больше и больше выступать в народном собрании, сенате, перед армией или в суде.

Цицерон считает, что именно в это время произошел переход от «стихийного» красноречия к профессиональному, когда Рим принял разработанную еще во времена эллинизма риторику, развивавшую технику ораторских выступлений. На рубеже II–I вв. до н. э. получает «второе дыхание» полемика

[32] Там же.

между азианизмом, ориентированным на более пышные и вычурные полные ораторских украшений образцы эллинистического красноречия, процветающего в Малой Азии, и аттикизмом, бравшим за образец лаконизм и четкость речи греческой ораторской прозы V–IV вв. до н. э. (Лисий, Демосфен, Исократ, Эсхин и др. ораторы).

Ставший едва ли не единственным источником по истории красноречия, Цицерон считает началом культурного переворота эпоху Гракхов, а ее самыми значительными представителями обоих Гракхов (особенно Гая) и консула 120 г. Г. Папирия Карбона (Cic. Brut, 27, 103–133; 125–127). Им предшествовали члены кружка Сципиона Эмилиана (сам Сципион, Л. Фурий Фил, Маний Манилий), тогда как сами Гракхи существовали на фоне других, менее значительных мастеров ораторского искусства, Г. Фанния, Д. Юния Брута, Кв. Фабия Максима, М. Ливия Друза и его брата Гая (ibid., 38, 107–109) и лидеров популяров (М. Фульвий Флакк, П. Деций, Г. Скрибоний Курион, П. Рутилий Руф, Кв. Элий Туберон и др.).

В эпоху Югуртинской войны появляются новые известные ораторы: Г. Меммий, Сп. Торий. Г. Сервий Гальба, П. Лициний Нерва и другие. Этот ряд заканчивается консулом 109 г. Кв. Цецилием Метеллом Нумидийским и консулом 102 г. Кв. Лутацием Катулом. Хорошими ораторами Цицерон считает Сатурнина, Главцию и Гнея Папирия Карбона, активных участников политической борьбы этого времени.

Вторым этапом развития красноречия стали 90-е гг. I в. до н. э., а самыми выдающимися ораторами Цицерон считает консула 95 г. Л. Лициния Красса и консула 99 г. Марка Антония, деда знаменитого триумвира. Согласно Цицерону, Красс был представителем «ученого» красноречия, основанного на глубоком знании истории, философии, права и других областей гуманитарного знания, тогда как Антоний больше воздействовал силой речи и ее эмоциональной манерой. К этому кругу принадлежали Г. Юлий Цезарь Страбон, брат консула 90 г. Л. Юлия Цезаря, трибун 88 г. П. Сульпиций Руф и три брата Котты, особенно, консул 75 г. Г. Аврелий Котта (Cic. Brut., 37, 139–144; 164). По утверждению Цицерона, в это время дела в основном вели шестеро адвокатов, Красс, Антоний, Цезарь Страбон, Г. Аврелий Котта, П. Сульпиций Руф и консул 91 г. Л. Марций Филипп (ibid., 57, 207). Вся эта блестящая плеяда ораторов (кроме Марция Филиппа) стала жертвой гражданских войн 80-х гг. до н. э. и террора (главным образом, марианского).

Цицерон упоминает и некоторых ораторов более молодого поколения, консулов 87 г. Гнея Октавия, Лукреция Офеллу, консула 72 г. и цензора 70 г. Л. Геллия, претора 74 г. П. Корнелия Цетега, Т. Анния, а также — трибуна 89 г. Квинта Вария и П. Антистия Вета (ibid., 37, 173–174; 48, 171; 49, 179). Несколько способных ораторов вышли из окружения Суллы: консулы 76 и 75 гг. Гней и Луций Октавии и консул 78 г. Кв. Лутаций Катул, лидер сулланского сената (ibid., 62, 222–225).

Последний, самый большой всплеск ораторского искусства пришелся на 70–40-е гг. I в. до н. э., а его самыми выдающимися представителями были Цицерон, Юлий Цезарь и Кв. Гортензий Гортал. Будучи политическими противниками и имея множество творческих разногласий, два знаменитых деятеля культуры относились друг к другу с величайшим уважением во всем, что касалось творческой деятельности.

Как и ранее, великие ораторы существовали на фоне других, менее значительных, но, несомненно, очень ярких. Цицерон упоминает отца триумвира, консула 97 г. П. Лициния Красса, противника Суллы Г. Флавия Фимбрию, консула 72 г. Гн. Корнелия Лентула, П. Лициния Мурену, Г. Марция Цензорина и Л. Фурия. Талантливым оратором был историк Сизенна, выдающимся мастером слова был и другой историк, трибун-популяр 70-х гг. до н. э. Г. Лициний Макр. Среди ораторов 60–50-х гг. Цицерон упоминает консула 67 г. Г. Кальпурния Пизона, консула 62 г. Д. Юния Силана, П. Автрония и многих других. Немало способных ораторов было среди политиков-оптиматов 50-х гг.: консул 60 г. Кв. Цецилий Метелл Целер, консул 57 г. Кв. Цецилий Метелл Непот, консул 51 г. Г. Клавдий Марцелл, Т. Манлий Торкват-младший (Cic. Brut., 70, 245; 247; 71, 248–251). Среди ораторов упоминаются консул 59 г., противник Цезаря М. Кальпурний Бибул, консул 57 г. Л. Корнелий Лентул Спинтер, консул 54 г. Аппий Клавдий Пульхр, консул 56 г. Гн. Корнелий Лентул Марцеллин и консул 49 г. П. Корнелий Лентул Крус (ibid., 77, 267–268).

130 Среди талантливых ораторов младшего поколения Цицерон называет М. Калидия-младшего, поэта Лициния Кальва и сына триумвира, П. Лициния Красса (ibid., 79, 273–281; 292).

Цицерон сообщает о незаурядных способностях Помпея (ibid., 68, 239). По неясным причинам, в перечне Цицерона нет упоминаний об ораторских способностях Лукулла, М. Лициния Красса и Катона, о чем сообщает Плутарх (Plut. Luc., 1; Crass, 3; Cato, 4–8). Много хороших ораторов дала цезарианская партия: Антоний, Азиний Поллион, Авл Гирций, Вибий Панса, Г. Оппий, возможно, Кв. Фуфий Кален.

Трактат Цицерона «Брут», посвященный истории красноречия с древнейших времен до своего времени, показывает, что огромное большинство римских политиков I в. до н. э., были хорошими ораторами или, по крайней мере, имели основательную ораторскую подготовку. Цицерон приводит сотни имен, среди которых было несколько десятков выдающихся мастеров красноречия, а на их фоне выделяются уже по-настоящему великие ораторы (Гай Гракх, Л. Лициний Красс, М. Антоний, Кв. Гортензий, Цицерон и Цезарь). Расцвет жанра был обеспечен не только десятками особо выдающихся ораторов, но и сотнями более «посредственных», которые составляли их «фон».

За самим Цицероном (106–43 гг. до н. э.) утвердилась слава величайшего оратора Рима не только своего времени, но и всей предыдущей и последующей истории, а его творчество стало целой литературой, которая приобрела «нормативный» характер

для всей будущей культуры Рима. Таковым он был и для будущих поколений римлян и, хотели они того или нет, они часто видели историю гражданских войн глазами Цицерона, и, быть может, единственным писателем, который может оспаривать у него эту роль, является Плутарх, который во многом следовал за своим великим предшественником.

От Цицерона дошли 58 речей (всего их известно вдвое больше) и семь трактатов по ораторскому искусству. Первые ораторские успехи Цицерона относятся еще к 80-м гг. до н. э. В блестящей речи «За Секста Росция» (80 г.) он защитил молодого человека, ставшего жертвой сулланских репрессий. В 70 г. он произнес свои знаменитые «Веррины» (шесть речей против Гая Верреса), бывшего наместником Сицилии в 73–71 гг. В 63 г. последовали ставшие еще более знаменитыми четыре речи против Катилины, три речи против аграрного закона и речь «За Рабирия». 50-е гг. отмечены блестящими речами против Клодия (речи в сенате и народном собрании по возвращении (57 г.), «Об ответах гаруспиков» (56 г.), «О своем доме», «За Сестия» (56 г.), «За Милона» (52 г.)). Наконец, в 44–43 гг. он произнес четырнадцать Филиппик против Марка Антония. Эти речи стали, быть может, самой яркой демонстрацией ораторского искусства как в плане содержания, так и в плане создания «золотой латыни», ее лексики, фонетики и синтаксиса.

Кроме речей, перу Цицерона принадлежит серия трактатов об ораторском искусстве. Главным из них является трактат «Об ораторе» (55 г. до н. э.),

посвященный систематизации ораторского искусства. Автор рассматривает практически все связанные с ним вопросы: цели красноречия, его место среди различных отраслей знания (право, политика, философия, история), построение речи, жанры речей и их структура, словесное выражение, произнесение, фигуры украшения речи и другие вопросы, например, роль юмора. В трактате «Брут» (46 г.) он излагает историю красноречия и дает ценнейшие сведения о знаменитых ораторах и политиках Рима, Гае Гракхе, Луции Крассе, Марке Антонии, Сульпиции Руфе, Гортензии, Юлии Цезаре.

Взгляды Цицерона на ораторское искусство слишком многогранны, чтобы давать им какую-либо общую характеристику, но, наверное, главной идеей является синтез теории и практики, сочетание глубокой эрудиции, знания теории и постоянной практической деятельности. Эти же принципы развиваются в трактате «Оратор» (46 г.), а четыре «малых» трактата посвящены более частным вопросам — «О нахождении материала» (86 г.), «О наилучшем виде ораторов» (46 г.), «Подразделения речи» (46 г.), «Топика» (44 г.).

Цицерон стал первым римским теоретиком государства и права. Его перу принадлежат три трактата: «О государстве» в 6 книгах (55 г.), «О законах» в 3 книгах (52 г.) и «Об обязанностях» в 3 книгах (44 г.). В первом он дает определение понятий государства и права, причин и целей их появления, изложение проблем государства и права, соотношение νόμος и φύσις, гражданского (ius civile)

и общечеловеческого (ius gentium) права. Трактат «О законах» содержит общий обзор римской политической системы (комиций, сената и магистратов), а трактат «Об обязанностях» (44 г.) посвящен отношениям гражданина и государства, а также — изложению общих принципов нравственного существования.

«Цицеронианство» было особым феноменом. Политическая теория Цицерона создавала модель «свободной республики» и наполняла теорию «смешанного строя» Полибия конкретным римским содержанием, когда сочетание монархии, аристократии и умеренной демократии отражало римскую «триаду» (магистратская власть, сенат и народ). Этот строй был идеализированным строем республики. Цицерон предлагал и ряд преобразований, рассматривая господство оптиматов не как господство знати, но как наличие широкого круга «благонамеренных» представителей всадничества, деловых кругов, средних и даже низших слоев населения и призывая сторонников республики найти себе такую же социальную базу, которую нашли их противники, популяры, т. е. привести к власти всех талантливых, благонамеренных людей, чьи дарования и энергию можно было использовать для защиты системы (Cic. Pro Sest., 45, 56–59; 106).

К этим идеям Цицерона примыкают еще две, идея «согласия сословий» concordia ordinum, основанное на согласии сената и всаднического сословия, нобилитета и делового мира, верхней и нижней частей римской политической элиты. Второй — это

образ princeps civitatis, сильного военно-политического лидера, стоявшего на страже существующего порядка[33].

На протяжении всей своей жизни (во всяком случае, со времен речи «О власти Гнея Помпея» (67 г.) он искал подобного политика и полководца. Вначале он видел его в Помпее, затем были попытки заигрывать с Цезарем, а в 44–43 гг. Цицерон пытался выступить в этом качестве сам (или, возможно, видел в этой роли Брута или Кассия)[34].

Парадоксом было то, что реальная республика Суллы, Помпея или Брута оказалась другой. Это была республика непрекращающейся гражданской смуты, массовой нищеты, насилия, электоральных скандалов, богатства олигархов и нищеты и бесправия рабов, провинциалов, союзников и большей части самих римских граждан. За пределами «идеальной республики» Цицерона оставались огромные массы жителей провинций и даже италиков, которых учитывал в своей политике Цезарь. Идеальная модель Цицерона была пригодна для

---

[33] Литература на тему о взглядах Цицерона на принципат очень велика. Отметим, например, два отечественных исследования: *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 210–221; *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 147–155 (с подробным обзором историографии). См. также *Rawson E.* The Interpretation of Cicero's «De legibus» // ANRW. 1973. Tl. I. Bd. 4. P. 334–356.; *Turpin J.* Cicéron, De legibus I-II et la religion romaine: une interprétation philosophique à la veille du principat // ANRW. 1986. Tl. II. Bd. 16/3. P. 1877–1908.

[34] *Грималь П.* Цицерон. М., 1991. С. 486–496.

республики III в. до н. э., но уже непригодна для республики II в. до н. э. и совсем невозможна для огромной державы I в. до н. э. Многие конструктивные идеи Цицерона были реализованы скорее Цезарем и Августом, чем более близкими к нему Помпеем, Катоном и Брутом. Цицерон остался создателем римской культуры, сделав для нее то, что сделал Цезарь для римского государства, но этот конфликт самого крупного политика и самого крупного деятеля культуры обернулся трагедией для общества.

Бесспорной является другая роль Цицерона — роль просветителя, причем, он выступил в этом качестве не только в области теории государства, права и истории, но и в области философии и религии, и здесь особое значение имели его фундаментальные труды, «О пределах добра и зла», «О природе богов», «Тускуланские беседы» и более конкретные — «Тимей», «Парадоксы стоиков», «Учение Академиков» и др.

Наконец, важнейшей частью литературного наследия Цицерона является его огромная переписка, 774 письма самого Цицерона и 90 писем его корреспондентов. Сборник писем делится на 37 книг, 16 из них — письма к Титу Помпонию Аттику, 16 — к близким (Ad Familiares), среди которых было около 100 корреспондентов (крупные политические лидеры, политики более низшего ранга, представители всаднических кругов, деловой мир, друзья и члены семьи).

Цицерон стал главной фигурой римского «ренессанса» великой культуры Греции VI–IV вв. до н. э.

и одним из создателей «нормативной» римской культуры I в. до н. э. — II в. н. э. Он был одним из тех, кто стал символом духовной жизни Рима и знаменем любого возрождения античности.

Именно по этой причине политические оценки Цицерона постоянно довлели над последующими поколениями, что создавало известный парадокс. В экономическом, политическом и культурном отношениях новая Империя была значительно выше, чем республика I в. до н. э., однако для Цицерона конец этой республики был гибелью «свободы» (libertas), государства и римской державы. Именно от Цицерона, впрочем, опиравшегося на очень влиятельную традицию, идут оценки многих политических деятелей республики.

Признавая добрые намерения и высокие дарования Гракхов, он считал их виновниками гражданской войны и полагал, что расправа над ними была справедливым наказанием со стороны сената и его лидеров[35]. От Цицерона общество унаследовало негативное отношение к Марию и Сулле и, при этом, уважение к первому, как к победителю германцев, а ко второму — как к победителю Митридата[36]. Цицерон же частично оправдывал диктатуру Суллы как хотя и не удавшуюся, но все же попытку «установить порядок». В наследство от знаменитого оратора остались и уважительное отношение к Метеллу

---

[35] *Béranger J.* Les jugements de Cicéron sur les Gracques // ANRW. 1972. Tl. I. Bd. 1. P. 762–763.

[36] *Грималь П.* Цицерон. С. 66, 76–88, 234–235.

Пию, Лукуллам, Лутацию Катулу и особенно — к Помпею и, наоборот, негативное отношение к популярам, особенно к Клодию, а также — к Цезарю и особенно к Антонию, и, наоборот, глубокое уважение к Помпею, Катону и Бруту и сознание того, что вместе с ними гибнет республика и весь римский мир. Цезарь превращался в ловкого демагога и интригана, развязавшего гражданскую войну, в которой погибли лучшие люди государства во главе с Помпеем и Катоном, и заменившего «свободную республику» жестокой тиранией. Этот «миф о республике» еще не раз сыграет свою роль в будущей истории Рима, и считаться с ним пришлось практически всем.

Речи, трактаты и письма Цицерона дают нам, быть может, большую часть информации о Риме I в. до н. э. и, даже пытаясь его опровергнуть, современные историки смотрят на эти события его глазами и используют его информацию. Заметим, что Цезарь всегда относился к Цицерону особенно бережно, стараясь всячески уберечь его от опасностей гражданской войны и, вольно или невольно, оказал ему огромную услугу. Занятый политической и судебной деятельностью Цицерон не мог заниматься творчеством, и его главные труды приходятся на два очень небольших периода. В 55–51 гг. (время господства триумвирата) Цицерон написал свои трактаты «О государстве», «О законах» и «Об ораторе», а в 46–44 гг. (время диктатуры Цезаря) — все философские сочинения[37]. Впрочем, Цицерон, считавший

[37] Там же. С. 366–419, 502–504.

своим главным занятием политику, едва ли был ему за это признателен.

Квинт Гортензий Гортал (114–50 гг. до н. э.) был, вероятно, единственным великим оратором, которого Цицерон ставил наравне с собой, уделив ему огромное место в «Бруте» (Cic. Brut., 64, 228; 87, 301 — 89, 304; 92, 317; 93, 321 — 96, 329). Долгое время Гортензий был оппонентом Цицерона: в 81 г. он выступал обвинителем Л. Квинкция, в 70 г. защищал Верреса, а в 67–66 гг. выступал против законов Габиния и Манилия, дававших неограниченные полномочия Помпею, горячим сторонником которых был Цицерон.

Их позиции сближаются после заговора Катилины (63 г.), когда Гортензий решительно поддержал Цицерона. В 62 г. они защищали Л. Лициния Мурену и П. Корнелия Суллу. В 57 г. Гортензий боролся за возвращение Цицерона из изгнания, в 55 г. был противником законов Лициния-Помпея, а в 52 г., вместе с Цицероном защищал Милона. В 45 г. Цицерон написал диалог «Гортензий», посвященный проблемам философии и ораторского искусства. Согласно Цицерону, Гортензий был сторонником традиционного римского красноречия и считал, что у греков надо брать только технические приемы, не заимствуя их философских и политических концепций.

Сам Юлий Цезарь по праву входил в эту группу великих ораторов, и Цицерон посвящает ему много места как оратору, отмечая его тщательность в области употребления слов и правильность латинской речи, профессионализм, тщательность подготовки и «величественность и благородство формы» (Cic.

Brut., 72, 252; 74, 253; 75, 261), а речи в «Записках» полностью подтверждают это впечатление (Caes. B. G., I, 14; 31; 35–36; 40; 44; VII, 20; B. C., I, 7; 32; II, 31–32). Некоторые его речи сохранились во фрагментах: речь против Корнелия Долабеллы (77 г.), речь за предложение Плавтия о возвращении трибуната (70 г.), речи на похоронах тети Юлии и жены Корнелии (68 г.), речи «За вифинцев», «Против Г. Меммия и Л. Домиция» (58 г.) речь в защиту своих деяний во время консульства (58 г.), речь перед воинами (45 г.) и, вероятно, многие другие[38].

Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) был человеком, чье значение сопоставимо со значением Цицерона, и то, что Цицерон сделал в области красноречия, философии и теории государства и права, этики и политической теории, Варрон сделал в области языкознания, филологии, антикварных изысканий, а отчасти и естественных наук. Легат Помпея в Испании (с 55 г.), он был вынужден сдаться Цезарю (49 г.) и получил важное назначение в период диктатуры. Когда Цезарь открыл в Риме две большие публичные библиотеки, греческую и латинскую, он поручил их комплектование Варрону (Suet. Iul., 44, 2). В 43 г. Варрон попал в проскрипционные списки триумвиров, но уцелел и продолжал свою работу.

Перу Варрона принадлежат 74 сочинения объемом в 620 книг[39]. Его основными сочинениями были

---

[38] См.: C. Iulii Caesaris Commentarii. Cum supplementis A. Hirtii et aliorum / Ed. F. Oehler. Lipsiae, 1871. P. 420–460.

[39] *Бокщанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. С. 26.

140 огромные труды «О латинском языке» (25 книг), «Древности дел человеческих и божественных» (41 книга), «О жизни римского народа», «О происхождении римского народа» и «Портреты» в 15 книгах, содержащие собрание 700 портретов выдающихся греков и римлян, снабженных небольшими биографическими справками. Авл Геллий, эрудит и антиквар II в. н. э., считал Варрона специалистом во всех областях знания, а Цицерон писал, что Варрон открыл римлянам хронологию, порядок богослужения и обязанности жрецов, объяснил государственный строй и военную организацию, истолковал названия и причины человеческих деяний, осветил литературу, язык, философию и поэзию (Cic. De Acad., I, 39)[40]. Это было начало традиции Плиния Старшего и Сенеки, к которой принадлежали и «Моралии» Плутарха.

Вероятно, Цезарь и Август особенно ценили культурную деятельность, и то, что они делали в области экономики, политики, обороны и права, преодолевая хаос гражданских войн и вызванных ими разрушений, Цицерон, Варрон и поэты эпохи Августа, а, в сущности, и сам Цезарь, делали в области религии, идеологии и культуры. Политическая «эпоха Цезаря» соответствовала культурной «эпохе Цицерона» и, при всех сложностях их отношений, они двигались в одном направлении.

Другой линией развития культуры стала историография. В 149 г. до н. э. умер М. Порций Катон, а уже

[40] Там же. С. 26–27.

во времена Гракхов появляются так называемые «средние анналисты». Особым авторитетом пользовался консул 137 г. Л. Кальпурний Пизон, писавший всеобщую историю, начиная от Энея и Ромула (Gell., N. A., XI, 4; XV, 29, 2) и, согласно Ливию, продолживший ее до Второй Пунической войны. Как и другие «средние анналисты», Пизон писал полатыни, что отличало их от грекоязычных «старших анналистов».

Л. Кассий Гемина начал свой труд с Гомера и Гесиода, пытаясь включить историю Рима в общеисторический контекст (Gell., N. A., XVII, 29, 3), а Л. Целий Антипатр, вероятно, первым начал изложение не с Ромула, а с галльского нашествия 390 г. Семпроний Азеллион (род. около 160 г.), возможно, был первым, кто написал труд о современных ему событиях, скорее всего, начиная с Пунических войн и заканчивая Союзнической войной 91–88 гг. до н. э.

Перемены, происшедшие в эпоху «средних анналистов», живших во времена от Гракхов до Суллы, были продолжены «младшими анналистами», современниками событий 70–40-х гг. I в. до н. э., и именно теперь, после 70 г., начинается расцвет всех жанров историографии, традиционной анналистики, биографии, автобиографии и жанра мемуаров.

Двух «младших анналистов», вероятно, можно считать представителями традиционного жанра. Это — претор 78 г. Кв. Клавдий Квадригарий, автор большого исторического труда «Анналы» в 23 книгах, который, вероятно, начал с галльского нашествия 390 г. и закончил своим временем (последнее

событие — взятие Афин Суллой в 86 г.), и Валерий Анциат, автор огромного труда от основания Рима до, вероятно, 90-х гг. I в. до н. э.

Популяры также начали писать свои труды. Г. Лициний Макр, народный трибун 75 г., претор 68 г. и один из лидеров популяров в 70-е гг. I в. до н. э. написал небольшой обзор истории Рима, уделив основное внимание борьбе патрициев и плебеев, а в речи Макра, приведенной Саллюстием, проводится яркая параллель между борьбой сословий в V–IV вв. до н. э. и действиями популяров в 70 г. до н. э.

Л. Корнелий Сизенна родился в 118 г., в 78 г. стал претором, в 70 г. защищал Верреса, а в 67 г. был легатом Помпея в войне с пиратами, после чего был направлен к Цецилию Метеллу на Крит. Его сочинение «История» в 12 книгах охватывало трагический период 91–82 гг. и проводило линию на оправдание действий Суллы (Sall. Iug., 95; Cic. De leg., I, 7; Brut., 238). Впрочем, Цицерон скорее порицает его за излишнее увлечение литературной стороной изложения.

Самым значительным из этих авторов был Гай Саллюстий Крисп (86–35 гг. до н. э.)[41]. Уроженец небольшого города Амитерна, он был народным трибуном 52 г. до н. э. и обвинителем Милона, а в 50 г. был исключен из сената.

В 49 г. Саллюстий присоединился к Цезарю, который вернул ему статус сенатора. В 46 г., будучи претором, он ведал снабжением армии Цезаря

---

[41] Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. С. 374–377.

в Африке, а после победы при Тапсе стал первым наместником Нумидии. Впрочем, по возвращении в Рим его ожидал суд по делу о вымогательствах, от которого его избавил лично Цезарь (Dio, 42, 9, 2), однако политическая карьера закончилась. Саллюстий удалился в построенную им великолепную усадьбу, находящуюся между Квириналом и Пинцием, а затем, после убийства Цезаря, купил его виллу в Тибуре. Оставшуюся жизнь он посвятил литературному творчеству, когда одно за другим появляются его сочинения «Заговор Катилины» (41 г.), «Югуртинская война» (39–36 гг.) и «Истории», написанные в конце жизни и оставшиеся незаконченными. Последний труд был посвящен периоду 78–66 гг., и, если Сизенна описал кризис 80-х гг., то Саллюстий, как бы продолжая его, посвятил свое сочинение периоду трудных побед 70-х гг. Перу Саллюстия, возможно, принадлежат два письма к Цезарю (первое написано в 50 г., накануне гражданской войны; второе — в 48 г.)[42].

Саллюстий — одна из самых спорных фигур в историографии Нового и Новейшего времени[43].

---

[42] Многие ученые сомневаются в аутентичности «Писем к Саллюстию»: *Dihle R.* Zu den Epistolae ad Caesarem senem // MH. 1954. Vol. 11. P. 126–130; *Skard E.* Zur sprachlichen Entwicklung des Sallust // SO. 1964. Vol. 39. Issue 1. P. 13–37; *Syme R.* Sallust. Berkeley, 1964; другие ее признают: *Seel O.* Sallust. Von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae. Leipzig, 1930. S. 5–32.

[43] Вероятно, можно отметить различие между тенденциями фундаментального сборника под ред. В. Пешля (Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970) и монографией

144 Одни исследователи (Эд. Шварц, Г. Герстенберг, Р. Сайм и др.) видели в нем чисто партийного писателя, скорее публициста, чем историка, и обращали внимание на его скандальную политическую карьеру[44], тогда как для других он, наоборот, серьезный объективный историк, сопоставимый с Фукидидом[45], а его великолепный стиль, психологические характеристики и яркие описания, равно как и знаменитая «кратостъ Саллюстия» (Sallustiana brevitas) делают его крупнейшим представителем своего жанра[46]. Наконец, многие, частично признавая критику Саллюстия, считают, что объективный исследователь все-таки возобладал над политически ангажированным популяром, а художественный талант скорее дополняет его изложение, нежели препятствует достоверному изложению фактов[47].

Р. Сайма (*Syme R.* Sallust) и других работ, которые продолжают эти традиции: *Paananen U.* Sallust's politico-social terminology. Helsinki, 1972.

[44] *Schwartz Ed.* Die Berichte Ueber die Catilinarische Verschwoerung // Hermes. 1897. Bd. 32. H. 3. S. 554–608; *Syme R.* Sallust.

[45] *Patzer H.* Sallust und Thucydides // Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970. S. 102–120; *Fritz K. von.* Sallust und das Verhalten der römischen Nobilität zur Zeit der Kriege gegen Jugurtha (112–105 v. Chr.) // Ibid. S. 188, 203–205; *Seel O.* Sallust. Von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae. S. 5–33, 74–84.

[46] *Schur W.* Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934; *Perrochat P.* Les modèles grecs de Salluste. Paris, 1949.

[47] *Büchner K.* Sallust // Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. S. 327, 364–367; *Paananen U.* Sallust's politico-social terminology. P. 110–111.

Саллюстий ненавидит правящий нобилитет и дает ему и его представителям беспощадные характеристики, считая, что именно злоупотребления властью, жестокость, насилия, некомпетентность, любовь к роскоши и корыстолюбие римской верхушки стали причиной военных поражений, развала армии, обострения социальных противоречий и политической борьбы и в конце-концов привели к позорной Югуртинской войне (111–105 гг.) и глобальной угрозе заговора Катилины, в котором автор видит уродливое проявление правления этой знати (Sall. Cat., 12; 16–18; 20; Iug., 15–16; 31; 42; Hist. Fr. I, 55). К сожалению, отсутствие текста «Историй», са́мого зрелого сочинения Саллюстия, не позволяет понять его позицию до конца, но, вероятно, имеющаяся у нас картина этого времени, когда Рим все же отстоял право на существование, восходит именно к нему.

В знаменитом историке часто видят популяра, но при всем его сочувствии народным массам, он не видит в них здорового начала, считая их лидеров столь же эгоистичными и коррумпированными, как и их противники (Sall. Cat., 37–39; Iug., 40; 131).

Единственная сила, которая противостоит этой порочной системе — это талантливые сильные личности. На одной стороне мы видим «антигероев» типа Катилины, Кальпурния Пизона, Эмилия Скавра или Луция Опимия и внешних врагов, как Югурта и Митридат, на другой — Цезаря, Мария, Гая Меммия и, вместе с тем, Метелла Нумидийского и отчасти даже Суллу и, прежде всего, Катона (Sall. Cat.,

54; Iug., 30; 43; 95). Впрочем, даже они едва ли могли вывести общество из кризиса.

Позитивная программа содержится только в двух письмах к Цезарю. Авторство Саллюстия часто отвергается[48], но в идейном плане они вполне соответствуют взглядам знаменитого историка. В письме от 50 г. до н. э. Саллюстий очень четко показывает суть того переворота, который осуществила factio Помпея, Катона, Бибула, Домиция Агенобарба и их сторонников (Epist., II, 3–4), и призывает Цезаря положить ему конец. Во втором письме от 46 г. (оно считается первым) содержится более позитивная программа преобразований, сочетающая многие черты программы Цезаря (расширение рамок римского гражданства, усиление обороноспособности Италии и провинций, увеличение сената, «политика милосердия») с более консервативными требованиями ужесточения контроля над нравами, уравнения собственности и свертывания денежных отношений (Epist., I, 4, 6; 8, 4; II, 6–9), когда Саллюстий пытался бороться с «делом Суллы» его же методами. Впрочем, если учесть, что все исторические сочинения Саллюстия были написаны после гибели Цезаря (44 г.), в деятельности которого он (при всех сложностях своей карьеры) видел несомненное конструктивное начало, и приходятся

---

[48] *Dihle R.* Zu den Epistolae ad Caesarem senem. P. 126–130; сторонники аутентичности: *Skard E.* Zur sprachlichen Entwicklung des Sallust; *Hellegouarc'h J.* Démocratie et principát dans les Lettres de Salluste à César // RBPh. 1970. T. 44. P. 71–72.

на период гражданских войн 44–31 гг. до н. э., можно увидеть, что общество начало стремительно утрачивать тот оптимизм, который принесла победа Цезаря, и на первое место снова выходит трагедия гражданской войны, которую Саллюстий донес до потомков, быть может, даже ярче, чем Цицерон. Знаменитый оратор сожалел о гибели свободной республики. Саллюстий едва ли переживал по поводу конца ненавистной ему «республики» олигархов, но, похоже, не видел, что могло бы прийти ей на смену. Пока что он обнаружил только борьбу за власть и, вероятно, был первым, кто попытался (быть может, не веря в это сам) сделать то, что делали другие авторы на протяжении I–II вв. н. э., то есть, соединить Империю и республику, «цезаризм» и «катонизм». В отличие от Цицерона, Саллюстий был идеологом новой системы, вероятно, не очень веря в то, что ее можно построить.

Итак, в творчестве «средних» и «младших» анналистов, также как и в творчестве Цицерона, отразилась идейно-политическая борьба эпохи гражданских войн. Она же отразилась и в появлении новых жанров, мемуаров, биографий и автобиографий. Мемуары писали многие политики того времени, М. Эмилий Скавр, Кв. Лутаций Катул, П. Рутилий Руф и Сулла. Скавр написал собственную биографию в трех книгах, Катул оставил сочинение «о консульстве и делах своих», где описал события Кимврской войны. П. Рутилий Руф составил автобиографию в пяти книгах и историческую монографию на греческом языке, видимо, начав с событий II в. до н. э.

148 К сожалению, все эти труды известны лишь по небольшим фрагментам.

Сулла написал огромный труд в 22 книгах, закончив его незадолго до своей смерти. Мемуары были посвящены Л. Лицинию Лукуллу и изданы вольноотпущенником диктатора Корнелием Эпикадом (Plut. Sulla, 38) Ими много пользовался Плутарх и, вероятно, диктатор делал акцент на Митридатовой войне и перелагал ответственность за развязывание гражданской войны на противников, доказывая, что его победа была предопределена волей богов. По мнению А. В. Короленкова и Е. В. Смыкова, «в этих мемуарах Сулла нанес, пожалуй, самое страшное поражение своим недругам»[49]. Описывая войны Рима, начиная с Югуртинской и Кимврской диктатор создавал свою версию времени 115–82 гг. до н. э., и вполне вероятно, что она должна была стать (и стала) господствующей версией событий этого ключевого для истории Рима периода.

Вершиной мемуарного жанра стали два сочинения Цезаря, «Записки о галльской войне» в 7 книгах (8-ю написал Гирций) и «Записки о гражданском войне» в 3 книгах. «Галльские войны» стали погодным изложением событий войны от 58 по 52 гг. (от кампании против гельветов до подавления восстания Верцингеторикса), а «Записки о гражданской войне» содержат изложение событий 49–48 гг. до битвы при Фарсале и прибытия Цезаря в Александрию и начала этой войны.

---

[49] *Короленков А. В., Смыков Е. В.* Сулла. С. 348.

Мемуарам Цезаря посвящена огромная литература, разбирающая эти произведения вплоть до мельчайших деталей[50], и, хотя уровень гиперкритического отношения к ним всегда был намного выше «среднего», найти «большую» или «малую» ложь так и не удалось, хотя бы по той причине, что желающих найти ее было слишком много, и, в отличие от ситуации Суллы, в момент их написания были живы многие участники и очевидцы.

С Галльской войной было проще: в глазах римлян успешная завоевательная война избавила Рим от вековой угрозы и едва ли вообще нуждалась в каком-либо «оправдании», причем, эту идею гораздо более полно выразил Цицерон (Cic. De prov. cons., 8, 19; 13, 31–32; 14, 34). Идея Цезаря несколько иная: он четко показывает, что опасность «исторического врага» основана не на исторических событиях (или не только на них), но и на вполне конкретной реальной обстановке 60–50-х гг., когда Галлии угрожало германское нашествие и наступление других племен (гельветов, бельгов, венетов и других), а раздираемое социальной и политической борьбой галльское общество могло не выдержать этого наступления и само превратилось в угрозу для Рима (Caes. B. G., I, 1–7; II, 31–33; III, 1; IV, 1; 3; 16; VIII, 1; 2; 5). Только высочайшие боевые качества римской армии, мужество и профессионализм ее

[50] См. напр.: *Collins J.* Caesar as Political Propagandist // ANRW. 1972. Tl. I. Bd. 1. P. 922–966; *Kroymann J.* Caesar und das Corpus Caesarianum in der neueren Forschung: Gesamtbibliographie 1945–1970 // ANRW. 1973. Tl. I. Bd. 3. S. 457–487.

солдат; офицеров и военачальников, железная дисциплина и связь между полководцем и армией, вера в непобедимость ее солдат, офицеров и военачальников, и высокая воинская этика, равно как и теснейшая связь между полководцем и армией и крайне щепетильное отношение самого Цезаря к своим потерям смогли остановить и ликвидировать эту угрозу. Цезарь описывает не завоевательную или «превентивную» войну, но войну, которая могла бы превратиться (и уже превращалась) в новое нашествие галлов и германцев. Это была своего рода «идеальная война», когда римская армия встретила и отразила наступление опасного противника, сама перешла в наступление и довела войну до победного конца. Поклонники Цезаря восхищались его победами, противники обвиняли его в агрессии, хотя многие из них не считали, что это порок, между тем, как сам он показывает ее как единственный возможный выход из создавшегося положения, которое возникло в ходе долгого противостояния, длившегося более трех столетий. Вероятно, не случайно, что Цезарь подчеркивает поддержку его действиям со стороны галлов, которые все больше и больше делали выбор в пользу Рима (Caes., B. G., I, 17; 28; 30–31; 33; IV, 6; VIII, 11; 13; 23–24), а история Галлии I–III вв. н. э. показывает, что именно этот выбор сулил не гибель, а процветание. Завоеватель Галлии так и не смог избавиться от обвинений в откровенной агрессии, ее лицемерном прикрытии и в том, что он использовал войну для осуществления своих личных целей, но реальность, чем дальше, тем

больше, говорила о другом. В порыве откровенности Цицерон объявил Цезаря спасителем Рима от вековой угрозы. Плутарх видел в нем великого завоевателя и создателя Империи (Plut. Caes., 17), но для авторов IV в. н. э., уже переживших новые вторжения германцев, он стал защитником Рима и Галлии от вторжения варваров (Eutr., VI, 17).

Гораздо труднее было оправдать гражданскую войну, bellum civile, считавшуюся позорной и порочной, когда любая пролитая кровь граждан становилась тягчайшим преступлением[51]. В «Записках о гражданской войне» Цезарь пытается показать, что войну развязал противник (Caes., B. C., I, 1–6), и делает акцент на бескровности кампаний 49–48 гг., а политика clementia становится центральной идеей произведения (ibid., I, 18; 23–24; 76–78; 84–85; III, 99). По справедливому замечанию Дж. Коллинза[52], он действительно хотел показать свое дело как дело мира (ibid., I, 5, 5) постоянно подчеркивая готовность прекратить войну в любой момент (ibid., I, 1; 3–4; 5, 24; 25–26; III, 10; 18–19). Это дело мира оказалось поддержано населением огромной державы. Италийские города и общины, племена Испании и Африки, греческие полисы, азиатские и восточные народы принимают сторону Цезаря, которому противостоит лишь кучка властолюбивых олигархов и иноземных врагов Рима. Важнейшей

---

[51] *Jal P.* La guerre civile à Rome. P. 391–433; *Collins J.* Caesar as Political Propagandist. S. 960–962.

[52] Ibid.

 идеей «Записок о гражданской войне» является то, что и здесь Цезарь и его сторонники защищают Рим, римские интересы, римское право и римское государство. Эта мысль еще более проводится в сочинениях продолжателей Цезаря, «Александрийской войне», «Африканской войне» и «Испанской войне», а защитниками «дела» помпеянцев и олигархов становятся многочисленные когорты испанцев, жители Массилии, набранные в Греции, Македонии, Фракии, Малой Азии, Сирии контингенты вассальных царей (Дейотара, Ариобарзана Каппадокийского, Антиоха Коммагенского и других), равно как и набранные в Египте, Малой Азии, Либурнии, Иллирии, Сирии и Египте команды кораблей (Caes., B. C., I, 39; III, 4; 7). Наконец, после 47 г. главными противниками Цезаря становятся египетская армия Птолемея XIII и его полководцев, нумидийский царь Юба, и, остатки помпеянского воинства, местные повстанцы, независимые и полузависимые племена Испании и беглые рабы и колоны, сражавшиеся при Мунде (B. Alex., III, 110; B. Afr., 1; 20; 35; B. Hisp., 7; 30).

Впрочем, и жители провинций (от Испании до Сирии и Иудеи) постепенно переходят на сторону Цезаря, также следующего политике милосердия (Caes., B. C., I, 30; 60; II, 19; 21; III, 6; 11; 55; 80–81; 102; B. Alex., 26). Все сказанное выше звучит как пропаганда, но опровергнуть эту картину не удалось ни одному из критиков. Выход из кризиса был найден, и этот путь оказался необычайно труден. Положение в духовной жизни общества было не легче, чем в реальной политике, но все-таки той

системе «экономики ограбления», которая началась о середине II в. до н. э., а затем усилилась после победы Суллы, когда эта система превратилась в систему тотального уничтожения, была найдена альтернатива, и этой альтернативой стал путь созидания.

Литературные качества труда делают мемуары Цезаря одним из лучших произведений римской литературы. Как писатель и оратор, Цезарь стал крупнейшим представителем аттикизма с его четкой правильной речью, кратостью, ясностью, простотой и определенностью изложения, временами создающей поразительные эффекты.

Как и Цицерон, Цезарь создал целую литературу. Кроме «Записок» и речей, известны его письма, а в 55 г. он пишет трактат «Об аналогиях», вызвавший восторженный отзыв Цицерона (Cic. Brut., 72, 253), где рассмотрены вопросы исторической лингвистики и языкознания, образования слов, склонения существительных и спряжения глаголов, также стремясь создать практическое руководство о том, как правильно говорить по-латыни. Его перу принадлежат трактаты «Антикатон» и «О звездах», юношеская поэма «Похвала Геркулесу» и написанная в 46 г. до н. э. поэма «Путь» о походе в Испанию. Известны его драма «Эдип», сборник крылатых изречений, литературно-критические сочинения, а данные об авторах, которых читал Цезарь, показывают его глубочайшим знатоком греческой и римской литературы[53].

---

[53] См.: *Дуров В. С.* Юлий Цезарь: Человек и писатель. Л., 1991.

Хотя господствующим остается анналистический жанр, новые жанры (биография, мемуары и историческая монография) успешно завоевывали своего читателя, и вскоре биография стала оттеснять политику на второй план.

Корнелий Непот (109–32 гг. до н. э.), написал «Хронику» в трех книгах, начиная от мифических времен и заканчивая своим временем. Другое его сочинение — это биографии политиков и полководцев[54], в число которых вошли и жизнеописания деятелей культуры (ораторов, историков и грамматиков). Сохранились 20 биографий греческих политиков (от Мильтиада до Тимолеонта), к которому примыкают биографии персидского полководца Датама, а также — Гамилькара и Ганнибала, и, в самом конце, Катона Старшего и друга Цицерона, Тита Помпония Аттика. Многие из греческих персонажей (Фемистокл, Аристид, Кимон, Лисандр, Алкивиад, Дион, Пелопид, Агесилай, Тимолеонт и др.) позже станут героями Плутарха, которых он будет сопоставлять с римлянами. Возможно, особенно интересна биография Аттика, представленная Непотом, как биография «человека мира», державшегося в стороне от политики и часто игравшего роль посредника, но не участвовавшего в гражданской войне и ладившего со всеми лидерами, от Мария

---

[54] Русский перевод о подробными комментариями и историческими очерками см.: *Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о знаменитых историках / Пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. М., 1992.

и Суллы до Антония и Августа, вызывая уважение у них всех (Nep. Att., 1; 3–6; 8–10; 16).

Создавшаяся всемирная Империя начинает создавать всемирную историю. Расцвет жанра приходится на время Августа, но ее начало относится уже ко времени Цезаря. Посидоний из Апамеи (135–51 гг. до н. э.), ученик Панэтия, написал большой труд в 52 книгах, продолжавший труд Полибия и содержащий описание событий с 145/4 до середины 80-х гг. до н. э. «История» Посидония дошла до нас в небольших фрагментах, но современники читали ее целиком. Труд Посидония считался лучшим источником по истории кризиса этого периода, и, вероятно, многие его оценки были заимствованы Плутархом.

Диодор Сицилийский (80–29 гг. до н. э.) был уже современником Цезаря. Продолжая традицию Полибия и Посидония, он написал сочинение под названием «Историческая библиотека» в 40 книгах. Труд Диодора был посвящен всемирной истории, начиная от первых людей и древнейшей истории Востока (от Нина и Озириса, которого Диодор считает великим человеком) и заканчивая походами Цезаря в Британию. Главной целью Диодора было уже стремление показать единство человечества, и эта тема стала активно развиваться в последующей литературе.

Важные перемены происходят и в других жанрах. Начался расцвет римской поэзии. Писать стихи становится модным, а стихи и поэмы писали Варрон, Корнелий Непот, Цезарь и многие другие.

В период второй половины I в. до н. э. — II в. н. э. появляется множество поэтов, любителей поэзии, а иногда и просто графоманов, без которых, однако, не было бы и великих поэтов.

Вероятно, первым значительным поэтическим кружком стал кружок поэтов-неотериков, особенностью которых было усвоение стиля александрийской поэзии с ее малыми произведениями, малоизвестными сюжетами, изысканной ученостью и тщательной отделкой формы. В этот круг входили Г. Лициний Кальв, Г. Валерий Катулл, Фурий Бибакул и др.

Переворот в творчестве связан с именем Г. Валерия Катулла (87–54 гг. до н. э.). Большинство его стихов выдержаны в духе александрийской поэзии, но другие стихи, особенно — небольшой цикл стихов к Лесбии, стали внезапным прорывом в римской поэзии. Если для александрийской поэзии любовная лирика была «легким жанром», то для Катулла эта тема стала сердцевиной его творчества. Роман с Лесбией описан в мельчайших деталях, а любовь становится самой жизнью и, как подлинный гимн великому чувству, поэзия Катулла стоит у истоков традиции, давшей человечеству Овидия, Петрарку и сонеты Шекспира. Катулл продолжил традицию поэтов VII–VI вв. до н. э. превратившую лирику из поэзии, исполняемой под лиру, в тот жанр великой поэзии, который позже будет продолжен в шедеврах мировой поэзии от Данте Алигьери, Ф. Петрарки и У. Шекспира до Дж. Г. Байрона и А. С. Пушкина.

Другой выдающийся поэт, Тит Лукреций Кар (95–55 гг. до н. э.), автор поэмы «О природе вещей»,

дал толкование окружающего мира, жизни и смерти, явлений природы и человеческой жизни с эпикурейских позиций. Если стихи Катулла — это гимн чувству, то поэма Лукреция — это подлинный гимн разуму. Лукреций — материалист, и, вслед за Эпикуром, ставит своей задачей избавить людей от страха смерти, страха перед богами и явлениями природы и дать естественнонаучное объяснение жизни материального мира и человеческого общества.

Поэзия Катулла, Лукреция и их современников была началом великого поэтического расцвета, давшего мировой культуре Вергилия, Горация и Овидия, а позже — Лукана, Марциала и Ювенала.

Со времен Цезаря начался расцвет научной прозы. Около 100 г. до н. э. приходит в упадок перипатетическая школа Аристотеля и Феофраста, а в 86 г. Сулла нанес смертельный удар по платоновской Академии, вырубив академический сад и уничтожив библиотеку. В 40-е гг. I в. до н. э. наследие великих философов стали спасать, и школа перипатетиков получает «второе дыхание» после находки многих сочинений Аристотеля и появления таких ученых, как Андроник, Апелликон и Тираннион. «Учение академиков» Цицерона принесло платонизм в Рим, а другие труды знаменитого оратора познакомили римлян со всеми философскими учениями. Все более популярным становится стоицизм, сторонниками которого были Катон и его круг, после Лукреция Кара растет популярность эпикурейства, распространяется неопифагорейское учение. После Цицерона начинается расцвет правоведения, а уже

при Августе появляются первые юристы-профессионалы, Антистий Лабеон и Атей Капитон.

В грамматике наряду с Варроном, Цицероном и Цезарем, можно отметить Элия Стилона, Стаберия Эрота и Антония Гнифона, а римские ученые продолжили начавшийся еще в III в. до н. э. спор двух лингвистических школ, аномалиотов и аналогистов. В естественнонаучной литературе центральной фигурой был Варрон, после появления трудов которого начинается создание других произведений научной прозы. Походы Лукулла, Помпея и Цезаря, а затем — войны Цезаря и Августа, существенно расширили географические знания римлян, и уже очень скоро появится «География» Страбона. Реформа календаря стимулировала интерес к астрономии, а показателем высочайшего развития техники и теоретической основой будущей градостроительной деятельности стал труд М. Витрувия Поллиона «Об архитектуре» в 10 книгах. Возможно, это был М. Витрувий Поллион Мамурра, начальник инженерной службы Цезаря.

Итак, I в. до н. э., и особенно 70–40-е гг. был эпохой небывалого культурного расцвета, кульминацией которого стала эпоха Цезаря. Это было время Цицерона, Варрона и Цезаря, Гортензия Гортала и Саллюстия, Диодора и Корнелия Непота, Валерия Катулла и Лукреция Кара. Тогда же проходит молодость Вергилия, Горация и Тита Ливия и многих других, чье творчество пришлось на эпоху Августа. Начинается создание «нормативной культуры» римского мира, сохранившейся до начала III в. н. э.

Судьба этой великой культуры была очень сложной. Она зародилась в конце II в. до н. э. во времена Сципиона Эмилиана и Гракхов и едва не погибла во время кризиса 91–78 гг. до н. э., когда Союзническая война (91–88 гг.), кризис 80-х гг., гражданская война 83–82 гг. и диктатура Суллы едва не уничтожили римскую цивилизацию, римскую экономику и римское государство. Она выжила в ходе войн 70-х гг., и именно тогда начинается ее подъем, пиком которого стала эпоха Цезаря (50–40-е гг.), а затем, после бурных событий 44–31 гг. до н. э., великая Империя Цезаря и Августа создает великую культуру Цицерона и Вергилия.

Государство создало фундамент этой культуры, и волей-неволей должно было взять на себя руководстве последней, делая это скорее «изнутри», чем «извне». Вместе с тем, культура не хотела подчиняться, болезненно реагируя на попытки установления этого контроля. Стороны не хотели признать, насколько они нужны друг другу, а потому культурная среда часто становилась источником оппозиции. Цезарь не успел решить сложнейшую проблему культуры и власти, но примечательно, что Цицерон погиб только после убийства Цезаря, и Цезарь ясно понимал (а он не мог не знать о сочувствии Цицерона заговорщикам), что, приговаривая к смерти его, они выносят смертный приговор самим себе. Августу, похоже, удалось решить эту проблему, хотя и у него были свои сложности, тогда как многие его преемники были гораздо менее успешны.

Глава 3

Империя и ее культура (I–II вв. н. э.)

Октавиан уделил проблеме власти особое внимание. В 27–23 гг. до н. э. он провел реформы, заложившие основы системы принципата[1]. 13 января 27 г. он заявил об отказе от всех чрезвычайных полномочий, «восстановлении республики» и передаче власти сенату и народу. После отказа Октавиан получил проконсульский империй над тремя регионами, Галлией (Лугдунская Галлия, Аквитания и Бельгика), Испанией (Тарраконская Испания

---

[1] Литература о принципате Августа воистину необъятна. Следует отметить наличие очень значительных обзоров в исследованиях Н. А. Машкина и И. П. Портнягиной (*Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949; *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989). Самым основательным обзором о принципате Августа, вероятно, является обзор и список литературы в монографии Я. Ю. Межерицкого (*Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа; обзор источников — с. 15–51, список историографии — с. 901–986). Небольшие экскурсы, есть также в наших монографиях: *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 3–15; *Егоров А. Б.* Рим: от республики к империи. СПб., 2017. С. 97–105.

и Лузитания) и Сирией, к которым добавлялся Египет. Управляя семью стратегически важными провинциями, где стояла большая часть войск, он становился верховным главнокомандующим армией Империи. Все новые провинции (Паннония, Мезия, Реция, Норик, Иудея и др.) становились императорскими, и к концу правления в руках Августа было в общей сложности 17 провинций. Эти провинции управлялись назначенными Августом легатами консулярного и преторского ранга или префектами и прокураторами. 12 провинций (Азия, Вифиния-Понт, Македония, Иллирик, Ахайя, Кипр, Кирена, Бетика, Африка, Нарбонская Галлия, Нумидия и Сицилия), как и ранее, были сенатскими и управлялись проконсулами и пропреторами.

Проконсульский империй делал Октавиана Августа (он получил это почетное имя 16 января 27 г.) верховным главнокомандующим армией и главой провинциального управления. В 23 г. до н. э. этот империй стал высшим (maius) по отношению к другим и перестал сниматься внутри городской черты Рима (померия). Разделение провинций имело глубокий смысл: сенатские провинции были наиболее старыми, защищенными и романизированными регионами, тогда как самые угрожаемые и недавно завоеванные территории (и 24 из 25 легионов) находились под прямым контролем императора. Империй был временным, он давался на 10 лет и продлевался в 18, 13, 8 гг. до н. э. и в 3 и 13 гг. н. э.[2]

[2] Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. С. 93.

Это была очень гибкая форма той диктаторской власти, которая была у Цезаря.

Основой гражданской власти императора становилась трибунская власть (tribunicia potestas). В 36 г. до н. э. он получил трибунскую неприкосновенность (sacrosanctitas), в 30 г. — ius auxilii, а в 23 г. — всю полноту власти, включая право вето[3]. Император стал пожизненным главой трибунской коллегии с правом абсолютной кассации любого решения магистратов и сената, и именно из трибунской власти следовала любимая Августом идея «первого гражданина» (princeps) «восстановленной республики»[4].

Основа власти была создана, и теперь Август получал только дополнительные, хотя и важные права[5]. В 22 г. он получил приоритет при созыве сената (ius primae relationis — Dio, 53, 32)[6], а в 19 или

---

[3] *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht. Tl. 2. Bd. 2. Der Prinzipat. Leipzig, 1887 (N. D. Darmstadt, 1963). S. 872; *Premerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937. S. 266ff.; *Wickert L.* Princeps (civitatis) // RE. 1954. Bd. 22. Sp. 1998–2296; *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1–2. СПб., 1900–1902. Т. 1. С. 132–133; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 398–399.

[4] *Grant M.* The Augustan «Constitution» // G&R. 1949. Vol. 18. No. 54. P. 108, 110–111; *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. С. 132–134; *Михайловский Ф. А.* Трибунская власть в политической системе Августа (несколько точек зрения) // Античная гражданская община. М., 1984. С. 94–95.

[5] *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. С. 338–341.

[6] Об ius primae relationis см.: *Talbert R.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 165–166; *Гримм Э. Д.* Исследования

18 гг. — особые полномочия, которые Дион Кассий называет προστασία τῶν κοινῶν, а латинские авторы — cura legum et morum. Вероятно, это и есть то право, которое обозначено в «Законе о власти Веспасиана», как право императора «делать все из дел общественных и частных, божеских и человеческих», что он сочтет нужным (Dess., 244)[7]. Это право как бы связывало, дополняло и подтверждало все его права, заполняя все возможные лакуны. К этому добавлялось право сидеть между двумя консулами (с 19 г.), что делало Августа пожизненным почетным членом коллегии[8], и право рекомендовать кандидатов на магистратские должности (ius commendationis).

Кроме того, со времен гражданских войн Август входил во все жреческие коллегии Рима (понтифики, авгуры, арвальские братья, фециалы, салии), а в 12 г. до н. э. стал верховным понтификом, что делало его официальным главой римской религиозной организации. Наконец, апофеозом политической деятельности Августа стало предоставление ему во 2 г. до н. э. титула «отца отечества»(pater patriae)[9].

по истории развития римской императорской власти. Т. I. С. 130.

[7] *Егоров А. В.* Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1982. С. 150–158.

[8] См.: *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. С. 95.

[9] Там же. С. 97; *Межерицкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 294–295.

Помимо официальных полномочий, огромную роль во власти Августа играли факторы экстралегального характера, auctoritas, т. е. огромный политический и моральный авторитет первого принцепса[10], и принимающий различные формы религиозный культ, ставший не столько культом личности правителя, сколько культом персонифицированного в нем государства[11]. Впрочем, у Августа было, вероятно, то главное, что он не мог передать своим преемникам — его качество истинного наследника Цезаря, прекратившего гражданские войны, создавшего pax Romana и систему внутренней и внешней безопасности, взявшего на себя са-

---

[10] *Heinze R.* Auctoritas // Hermes. 1925. Bd. 60. S. 348–366; *Premerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. S. 240–267; *Timpe D.* Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962. S. 13–15; *Magdelain A.* Auctoritas principis. Paris, 1947 (2-ed 1967); *Béranger J.* Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Basel, 1953. P. 127; *Wickert L.* Princeps (civitatis). Sp. 2289–2290; *Hellegouarc'h J.* Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République (Publications de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de l'Université de Lille, XI), Paris, 1963. P. 295; *Grant M.* From Imperium to Auctoritas. A Historical Study of the Aes Coinage in the Roman Empire 49 B. C. — 14 A. D. Cambridge, 1946. P. 102.

[11] См.: *Межерицкий Я. Ю.* О культе Августа — принцепса и императора // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 629–681: *Егоров А. Б.*, *Пантелеев А. Д.* Рец. на кн.: «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2017. Вып. 17. № 2. С. 265–266.

мые трудные участки государственного управления и способного вывести общество из любого кризиса.

Наряду с властью Августа сохранилась почти нетронутая, хотя во многом и лишенная реального содержания политическая система республики. Со сцены сходили комиции, которые уже не представляли ни огромное (около 4–5-миллионное) имеющее права римского гражданства население Империи, ни более, чем миллионное население самого города Рима[12]. Магистратуры республики (консульство, претура, эдилитет, народный трибунат, квестура), полностью сохранившиеся при принципате, все больше и больше превращались в чисто городскую власть, сохраняя, при этом, другое качество — показатель статуса должностных лиц и сенаторов,

Напротив, сенат оставался реально работавшим и управлявшим органом власти, сочетавшим объединение римской правящей элиты, постепенно становящейся италийской и имперской, но сохранявшей традиции республики, и функции реально правящего парламента, решавшего принципиальные вопросы жизни Империи, а сам принцепс был не только высшим магистратом, но и «первым сенатором» и фактическим председателем сената, тогда как сенаторы были и аристократией новой Империи, и людьми, занимавшими высшие посты, и ее управленческой элитой. Как и при Цезаре, Август был главой государства и верховным

---

[12] *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 153.

главнокомандующим, а сенаторы — его генералитетом, руководителями гражданского управления и офицерским корпусом.

В 29 г. до н. э. Август и Агриппа провели первый сенатский ценз, сократив численность сенаторов с 1000 до 800, в основном, за счет нелояльных и незнатных сенаторов. Второй ценз 18 г. до н. э., проведенный по уникальной «рейтинговой» системе, довел общее число сенаторов до 600, после чего численность уже почти не менялась, а цензы 12/11 гг. до н. э. и 4 и 12 гг. н. э. стали более или менее формальными переаттестациями. Пополнение сената происходило как традиционным путем принятия в сенат новых квесторов, так и посредством императорского adlectio т. е. личной рекомендации императора[13]. В сенате сохранилась прежняя иерархия времен республики (квестории, трибуниции, эдилиции, претории и консуляры), она же была критерием для назначения на посты как в сенатских (проконсулы и пропреторы, и комиссии кураторов), так и в императорских (легаты легионов, наместники императорских провинций) структурах.

Сенатская политика Августа стала системой грандиозного социально-политического компромисса, ставшего итогом осмысления гражданских войн. Принцепс пытался сохранить позиции римской аристократии хотя бы в высших эшелонах, а из консулов 30 г. до н. э. — 14 г. н. э. половина принадлежала

---

[13] Про adlectio см.: *Talbert R.* The Senate of Imperial Rome. P. 15–16.

к республиканской знати. В 29 г. до н. э. был принят закон Сения, увеличивший число патрициев, а многие многие знатные семьи (Валерии Мессалы, Помпеи, Юнии Силаны, Домиции Агенобарбы, Клавдии Нероны, Ливии Друзы, Антонии, Квинктилии Вары, Корнелии Суллы, Сульпиции Гальбы и другие) состояли в родстве с семьей принцепса, тогда как сенат (от преторов до квесторов) представлял собой верхушку италийского общества.

Происходит корректировка политических установок. В отличие от идеи растворения Италии и Рима в огромной Империи, Август постоянно подчеркивал римский, италийский и республиканский характер последней, а сенат и сенатский управленческий аппарат оставались основой управленческой системы. Внесенатский аппарат только зарождался: появились всаднические префекты (префект Египта, префекты претория, префекты анноны и вигилов), сенатский префект города, префекты и прокураторы.

Тема принципата — действительно необъятна и существующие в историографии теории действительно необычайно разнообразны. Весьма условно их можно, разделить на несколько основных групп. Это — теории монархии, сближающие его о существующими историческими типами монархий (восточные и эллинистические монархии, абсолютные монархии XVI–XVIII вв.) с соответствующими монархическими традициями, конституциями и идеологией (Ш. Монтескьё, П. Корнель, И. В. Гёте) и теории «фасада», согласно которым принципат был монархией, автократическим или диктаторским режимом,

 прикрывавшимся республиканской или квазиреспубликанской идеологией (Ф. М. Вольтер, Эд. Гиббон, Р. Хейнце, В. Эренберг, Л. Р. Тэйлор, А. Джоунз, А. фон Премерштейн, Э. Д. Гримм, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин, С. Л. Утченко и др.). Если до Великой французской революции исследователи скорее видели в нем позитивное начало и прообраз будущих монархий Европы от Империи Карла Великого до монархий XVI–XVIII вв., то в XIX–XX вв. и особенно после Второй Мировой войны принципат часто (хотя и не всегда) оказывался прообразом ненавистных реакционных монархий и всякого рода «квазидемократических», диктаторских, авторитарных и тоталитарных режимов, стоявших на пути исторического развития, причем, немалую роль сыграли и попытки самих этих режимов «быть похожими» на Римскую Империю, имея ее в качестве прообраза. Цезарь и Август становились либо образцами для подражания, каковыми они были в самой Империи, либо приобретали «образ врага», становясь «воплощением» монархии, деспотизма, тирании и авторитарного режима.

Вместе с тем, начиная с «теории диархии» Т. Моммзена, а затем и с 5-го тома его «Истории Рима, вышедшего в 1885 г., создавалась другая группа теорий, когда в принципате видели либо «диархию» или «двоевластие» императора и сената, либо тот или иной вариант «конституционной» монархии (М. Хэммонд, Х. Кастрициус, К. Левенштейн) «соглашение неравных сил» и «восстановленную республику» (И. П. Портнягина, Я. Ю. Межерицкий, Й. Блейкен,

Ф. Виакер, А. Л. Смышляев), либо, наконец, уникальную политическую систему, не подходящую под какую-либо правовую дефиницию. (М. М. Ростовцев, В. Кункель, Э. Мейер, Л. Виккерт, Ж. Беранже). Сторонники этой группы теорий, при всей сложности проведения четких граней между ними, исходят из восприятия принципата, и, прежде всего, принципата Августа, как пути выхода из кризиса I в. до н. э. Авторы этих исследований, как правило, отмечают, что в экономическом, политическом, торговом и культурном отношений Империя стояла на значительно более высоком уровне, чем республика I в. до н. э.

Тема императора и сената — одна из ключевых тем истории Империи, а различные концепции предполагают различные взгляды на роль сената. Так, «теория диархии» Т. Моммзена и его последователей (О. Карлова, П. Виллемс, Б. Низе и др.), исходит из представления о сенате как высшей власти в государстве (Г. Ферреро, Э. Мейер) или идеи «сенатской монархии» (М. Хэммонд). Наоборот, сторонники «чистой монархии» отводят сенату либо роль полностью подчиненного императору «республиканского» или даже оппозиционного органа власти, либо органа, являющегося частью «республиканского фасада», скрывающего реальную сущность абсолютной власти императора. (Ш. Боссюэ, Ш. Монтескьё, Ф. Шампаньи, В. Эренберг, Э. Корнеманн, В. Кольбе, Ф. Марш, Р. Хейнце, Л. Р. Тэйлор, К. Ханнел, А. Джоунз и др.). «Теория взаимодействия» (А. Шастаньоль, П. Брант, В. Экк, А. Джоунз, П. Ламбрехтс, Б. Левик,

Г. Пфлаум, Р. Сайм и др.), согласно которой сенат был реальным партнером императора по управлению, была вероятно, наиболее полно выражена в исследовании Р. Тальберта. Наконец, согласно мнению многих ученых, сенат и сенаторы не имели реальной власти, но оставались важнейшим носителем республиканской идеологии и системы ценностей, без которых принципат не мог существовать (Э. Мейер, Ж. Беранже, Д. Тимпе, Л. Виккерт и др.)[14].

---

[14] Вероятно, здесь можно перечислить только самые значительные исследования о принципате и отношениях императора и сената. *Mommsen Th.* Römische Staatsrecht. Tl. 2. Bd. 2. Der Prinzipat. Leipzig, 1887 (N. D. Darmstadt, 1963); *Karlowa O.* Römische Rechtsgeschichte. Bd. 1–2. Leipzig, 1885–1901; *Виллемс П. Г.* Римское государственное право / Пер. с фр.; под ред. П. Н. Бодянского. Киев, 1888–1890. Вып. 1–2; *Низе Б.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910; *Meyer Ed.* Kaiser Augustus // Kleine Schriften. Halle, 1910; *Mispoulet J.-B.* Les institutions politiques des Romains. Paris, 1882–1883. Vol. 1–2; *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Bd. 2. Tl. 1–5. Leipzig, 1891–1904. Bd. 1. S. 120–140; *Syme R.* The Roman Revolution. Oxford, 1939; *Magdelain A.* Auctoritas principis; *Hammond M.* The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian period. Harvard University Press; London: Milford, 1933 (2-ed. 1968); *Kolbe W.* Augustus. Darmstadt, 1985; *Hannel K.* Kaiser Augustus // Das Altertum. 1950. Bd. 105. S. 237ff.; *Jones A. H. M.* Augustus. London, 1976; *Béranger J.* Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine. Geneve, 1973; *Earl D. C.* The Age of Augustus. London, 1968; *Wickert L.* Princeps (civitatis). Sp. 1198–2296; *Badami C.* Le principat d'Auguste. Toulouse; Paris, 2012; *Bleicken J.* Augustus: eine Biographie, Berlin, 1998, 1. Neuauflage mit Nachwort von U. Walter, Reinbek, 2010; *Bringman K.* Augustus. Darmstadt, 2012; *Clark M. D.* Augustus, First Roman Emperor: Power, Propaganda

Не вдаваясь в детали этого спора, отметим, что созданная Августом система была, в сущности тем, что можно было создать на основе планов Цезаря после войн 44–31 гг. до н. э. От многих из этих планов пришлось отказаться, другие процессы замедлились, но это была эффективная система, сочетавшая новую монархическую сущность

---

and the Politics of Survival. Exeter, UK: Bristol Phoenix Press, 2010; *Southern P.* Augustus. London; New York, 1998; *Crook J. A.* Political History, 30 B. C. to A. D. 14 // CAH. 2-ed. Cambridge, 1996. Vol. 10. P. 70–112; *idem.* Augustus, power, authority, achievement // Ibid. P. 113–146; *Galinsky K.* Augustus: Introduction to the Life of an Emperor. Cambridge; New York, 2012; *Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992 (4-ed. 2009); *Pabst A.* Kaiser Augustus: Neugestalter Roms. Stuttgart, 2014; *Richardson J. S.* Augustan Rome 44 B. C. to A. D. 14: the Restoration of the Republic and The Establishment of the Empire. Edinburgh, 2012. Самый полный обзор в отечественной историографии, который используется и здесь — это обзор Я. Ю. Межерицкого.

Можно отметить и специальные исследования, посвященные отношениям императора и сената: *Eck W.* Sozialstruktur des römischen Senatorenstandes der hohen Kaiserzeit und statistische Methode // Chiron. 1973. Bd. 3. S. 375–394; *idem.* Beförderungskriterien innerhalb der senatorischen Laufbahn, dargestellt an der Zeit von 69 bis 138 n. Chr. // ANRW. 1974. Tl. II. Bd. 1. P. 158–228; наконец, фундаментальное обобщающее исследование Р. Тальберта (*Talbert R.* The Senate of Imperial Rome). Отметим и отечественные исследования: *Машкин Н. А.* Принципат Августа; *Портнягина И. П.* Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата; *Межерицкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа (гл. 1, § 2); *его же.* «Восстановленная республика» императора Августа. С. 58–115, 749–841.

и республиканские традиции и сумевшая в течение двух веков (I–II вв. н. э.) обеспечивать жизнедеятельность огромной Империи, ее небывалое процветание и «римский мир». Наследник Цезаря пытался в точности выполнять его программу, но после гражданских войн 44–31 гг. до н. э., ему пришлось иметь дело с державой, ослабленной этими тяжелейшими войнами.

* * *

Новая власть преобразовывала Империю. Рим при Августе значительно вырос, а население столицы увеличилось со 150–300 тысяч до 1–1,5 млн человек, половину которых, вероятно, составляли вольноотпущенники и иммигранты[15]. Эпоха Августа стала временем небывалого городского строительства, и именно теперь в Риме началась настоящая «городская революция». Строятся многоэтажные и многоквартирные дома, а в римский обиход входит понятие insula. Жилищное строительство сопровождается строительством огромного количества хозяйственных помещений, торговых построек, доков Остии, складов, лавок и так называемых «таберн», своего рода «супермаркетов» античного мира[16].

---

[15] *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. С. 76–78.

[16] *Purcell N.* The City of Rome and the Plebs Urbana in the Late Republic // CAH. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 659–675.

В столице появилось множество храмов и общественных зданий, и Август пишет о 82 восстановленных храмах (R. g., 20, 1), что стало грандиозной религиозной реставрацией. Перепланировались Форум Юлия и ансамбль Марсова поля, строится и реставрируется Пантеон и Мавзолей Августа, а время правления первого принцепса стало эпохой расцвета парковой архитектуры.

Создается отличное от государственного городское управление. В 13 г. н. э. Август создает постоянную должность префекта города. В городе появились полицейские части (три городские когорты по 1000 человек каждая), а в 7 г. н. э. к ним добавились семь когорт вигилов, ночной стражи и военизированной пожарной охраны. Принцепс начинает использовать и преторианцев, три когорты которых (из девяти) уже находились в Риме. Рим был разделен на 14 регионов во главе с бывшими магистратами и 265 vici во главе с vicomagistri (R. g., 30).

Важнейшей проблемой стала проблема снабжения огромного города. При Цезаре хлеб получали около 150 000 человек, в 5 г. до н. э. это число, вероятно, выросло до 320 0000 человек, но во 2 г. до н. э. оно сократилось до 200 000 (R. g., 15). Впрочем, если при республике раздачи носили нерегулярный и часто пропагандистский характер, то теперь это была организованная система.

Создается эффективная система водоснабжения. Республиканские водопроводы давали 2202 квинария воды (1 квинарий — около 245 л в сутки), построенные при Августе водопроводы Юлиев

и Дева (33 и 23 гг. до н. э.) добавили еще 650 квинариев, а в 50 г. н. э. появился грандиозный водопровод Новый Анио, добавивший еще 2320 квинариев[17]. Всего в императорском Риме потреблялось 388 000 кубических метров в сутки, вдвое больше, чем в Москве 1917 г.[18] Если в начале XX в. на каждого жителя Санкт-Петербурга приходилось 200 л воды в сутки, а в Нью-Йорке — 520 л, то в императорском Риме это количество достигало 600–900 л[19]. В 11 г. до н. э. появилась комиссия кураторов водопроводов в ранге консуляров.

Городское строительство в Риме было лишь частью небывалой ранее строительной программы. Аналогичное строительство идет по всей Италии, а затем и по всей Империи, повсюду воздвигались жилые дома, храмы, городские сооружения, амфитеатры, термы, акведуки. Рим и Италия конца правления Августа были совсем другими, чем Рим и Италия времен гражданских войн.

После 36 г. до н. э. в Италии начинается экономическое оживление. Страна (кроме Рима) полностью снабжает себя хлебом, на севере наблюдается прогресс виноделия, процветают небольшие города, что особенно видно на примере Помпей. Наиболее значительный рост наблюдается в Лации, Кампании и на севере Италии, и хотя италики получили

---

[17] См.: *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. С. 31–36.

[18] Там же. С. 36.

[19] Там же.

гражданство уже в 70 г., реально они могли воспользоваться этим только во времена Августа. Перепись 28 г. до н. э. дала 4 063 000 граждан, а перепись 14 г. н. э. — 4 930 000 (R. g., 8, 4), причем, большинство из них были италиками. Укреплялись и городские финансы, а казна при Августе достигла примерно 2,5 млрд сестерциев[20].

Провинциальная политика, в целом, развивалась в русле реформ Цезаря. Главным итогом правления Августа был беспрецедентный ранее мирный период, длившийся все его 45-летнее правление. Планы Цезаря по постепенному превращению Империи в огромное единое экономическое, политическое, торговое и культурное пространство постепенно реализовывались. Август был вынужден замедлить темпы романизации, но процесс неуклонно продолжался.

Август замедлил темпы предоставления гражданства: после войн с Секстом Помпеем он не мог осуществить план Цезаря по предоставлению гражданства жителям Сицилии, а войны 42 и 31 гг. до н. э. заставили власти пересмотреть восточную политику. Вместе с тем, продолжалась колонизация: Август вывел в провинции 10 колоний ветеранов (100 000 человек), причем, эта колонизация (не считая так называемую «стихийную» колонизацию) охватила Африку, Сицилию, Македонию, Испанию, Азию, Ахайю, Сирию, Нарбонскую Галлию,

---

[20] См.: *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. С. 298–300.

Писидию (R. g., 28). Это были сенатские провинции, где не было войск, а потому колонии ветеранов выполняли функции военных гарнизонов. Армия (больше, чем ранее) стала каналом притока новых граждан и механизмом колонизации, а всего в провинциях проживали около 800–900 тысяч граждан[21].

Экономический расцвет охватил все провинции огромной Империи. После Цезаря в Галлии прекратились какие-либо войны. Галлия делилась на четыре провинции (три императорские — Лугдунская Галлия, Бельгика и Аквитания) и одна сенатская, Нарбонская Галлия. Римляне были особенно заинтересованы в этой стране с населением в 5–6 млн человек, которая стала надежным тылом рейнской армии. Галлия была богата сельскохозяйственными продуктами (зерно, молоко, мясо), а на юге под влиянием римлян развивались виноградарство и оливководство. Цезарь вывел в Галлию шесть или семь колоний, Август вывел 13. Почти все они стали процветающими городами античного типа, каковыми становились и старые галльские центры[22]. К середине I в. до н. э. Галлия фактически догнала Италию по уровню развития экономики и стала ее важнейшим экономическим партнером[23].

Испания надолго перестала быть «горячей точкой» Империи и вплоть до III в. н. э. на ее террито-

---

[21] *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 307.

[22] *Широкова Н. С.* Города в римской Галлии // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 123–126.

[23] *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. С. 200.

рию не вступала нога иноземного захватчика. После войны 49–45 гг. до н. э. здесь не было больших войн, а после трудной, хотя и все-таки локальной Кантабрийской войны (27–19 гг. до н. э.) не было и больших восстаний, а потому римляне сократили свою испанскую армию с восьми легионов до трех. Страна делилась на три провинции (Бетика, Тарраконская Испания и Лузитания), первая была сенатской провинцией, две других — императорскими. Наиболее развитая и романизированная Бетика славилась сельскохозяйственной продукцией, особенно вином и оливковым маслом, а треть латинских надписей происходят из Бетики. Именно теперь, когда войны в Испании прекратились, и римляне могли построить множество опорных пунктов, каковыми стали старые (Итали-ка, Малакка, Тарракон) и новые (Барцина, Эмерита, Астурия и др.) города и соединить их большим количеством дорог, началась настоящая разработка испанских рудников (медных, золотых, серебряных и др.)[24]. После Августа центром добычи золота были недавно покоренная Астурия, где стали добывать 200 000 фунтов в год (Plin. N. H., XXXIII, 78), а центром добычи серебра были теперь области Бетики и район Тарракона, железо добывали в Кельтиберии, и теперь Испания окончательно стала общеимперским центром добычи руд и металлов[25].

---

[24] *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. С. 131–133, 199–209.

[25] Там же. С. 233–235, 253–256.

178 Италия, недавно покоренная Цезарем Галлия и заново покоренная им Испания стали областями, где фактически не было войны 44–31 гг. до н. э. и где планы Цезаря были реализованы в полной мере. В I–II вв. н. э. они были основой Империи, быстро получили гражданство и все блага «римского мира», а бóльшая часть армии, ее командного состава, равно как и большинство сенаторов и представителей имперской бюрократии вплоть до эпохи Антонинов, были сначала италиками, а затем — италиками, галлами и испанцами. Наоборот, в других провинциях войны 44–31 гг. до н. э. вызвали не только экономический ущерб, но и замедление темпов романизации.

В ходе войны 49–41 гг. провинция Африка оказалась на грани разорения армиями помпеянцев и нумидийцев и фактического захвата царем Юбой. Теперь она управлялась проконсулом, занимавшим высший (наряду с проконсулом Азии) ранг в иерархии сенатских наместников. Специализируясь на сельском хозяйстве, она стала главным поставщиком хлеба в Рим, снабжая столицу в течение восьми месяцев в год. Цезарь и Август вывели в провинцию 19 колоний, еще 12 появились в Нумидии и Мавретании, а новая провинция Нумидия, образованная Цезарем, надежно прикрывала границы Африки. В 25 г. до н. э. Август сделал Мавретанию вассальным царством, где правил сын Юбы, Юба II, женатый на Клеопатре Селене, дочери Клеопатры и Антония. Оба были более лояльны к власти в Риме, чем их знаменитые родители. Ряд городов Африки

получили римское гражданство, другие становились латинскими колониями. Центром провинции оставалась Утика, однако вслед за Цезарем, принявшим решение о восстановлении Карфагена, Август продолжил этот процесс, тем самым восстанавливая экономическую инфраструктуру всего региона, а ко II в. римский Карфаген стал огромным мегаполисом с населением в 700 000 человек и центром африканских владений Римской Империи[26].

Цезарь не успел решить проблему балканских провинций, и этот регион, связывающий западные и восточные провинции Империи, стал, быть может, самым угрожаемым регионом Империи Августа. Кроме того, в 48–47 гг. в Македонии и Иллирике были очень сильны позиции помпеянцев, и свое первое наступление Цезарь планировал именно здесь. В 42 г. Македония и Греция стали главной базой формирования армии Брута, а после Филипп здесь находились войска Антония, и армия Октавиана была вынуждена воевать здесь даже во времена гражданских войн. В 35–34 гг. Октавиан совершил поход в Иллирик и Далмацию, победил местные племена и занял Сисцию, а в 29–27 гг. до н. э. П. Лициний Красс, внук триумвира М. Лициния Красса, с 6 легионами разгромил мезов, фракийцев и бастарнов, подчинил Мезию и вышел к нижнему Дунаю. Армия Красса была значительно меньше, чем армия, которая должна была действовать здесь в 44 г. под командованием Цезаря. После

[26] *Циркин Ю. Б.* Карфаген и его культура. М., 1987. С. 125–127.

этого успеха, наступление было надолго отложено, однако в конце правления Августа основные силы его армии находились на Дунае и Рейне, и именно здесь происходили основные сражения его войн, а потому развитие новых провинций (Реция, Винделликия, Мезия, Паннония и Дакия) было полностью подчинено военным нуждам.

Греция, как и Македония, была ареной множества войн. За Пелопоннесской войной (431–404 гг. до н. э.) последовали многочисленные войны IV в. до н. э., затем начались войны III в. до н. э. (Ламийская война 323–322 гг., Хремонидова война 267–261 гг. и многочисленные войны Ахейского, Этолийского и других союзов и, наконец, войны Клеомена 235–222 г. до н. э.). После этого начались войны 200–146 гг. до н. э., и только после Ахейской войны 147–146 гг. наступила небольшая мирная передышка. В I в. до н. э. последовало вторжение Митридата в 87–83 гг. до н. э., а затем — гражданские войны 87–85, 49–48, 44–42 и 31–30 гг. до н. э., когда Греция стала главной базой армий Суллы, Помпея, Брута и Кассия и Марка Антония. В итоге этих войн население страны было почти уничтожено, и преимущества мира страна могла ощутить только ко времени Флавиев и Антонинов. Тем не менее, возрождение Греции началось именно теперь, при Августе, после окончания войны 31–30 гг. до н. э. Греция была отделена от Македонии (появилась провинция Ахайя), началось восстановление Коринфа и Афин, развитие местного самоуправления и греческой культуры, которая уже в который раз спасала Грецию.

Когда Т. Моммзен писал о политическом, военном, умственном и нравственном возрождении глубоко павшей римской нации «и нации эллинской, тесно связанной с римской, но еще более павшей»[27], он едва ли существенно преувеличивал. Как и италики, греки оказались на грани уничтожения, и спасти их могли только длительный мир и политика поддержки. Похоже, что Плутарх, Дион Хризостом, Павсаний и другие деятели «греческого возрождения» прекрасно понимали, перед лицом какой альтернативы они оказались, а потому Плутарх особенно ценил Фламинина, Эмилия Павла, а позже — Лукулла, Помпея, Цезаря, Августа и даже Суллу, и в данном случае, в нем говорил не только историк и мыслитель, но и патриот Греции и своей «малой родины», Херонеи в Беотии.

В восточных провинциях было особенно много нерешенных проблем. Эти провинции помогали Митридату на протяжении всех трех Митридатовых войн (89–85, 83–82 и 74–63 гг. до н. э.), участвовали в гражданских войнах на стороне Помпея (49–47 гг.), Брута и Кассия (44–42 гг.) и Антония и Клеопатры (31–30 гг.). Зачастую эта поддержка была номинальной и вынужденной, иногда вассальные цари (Фарнак, Клеопатра и др.) действовали самостоятельно, но, в целом, они вольно или невольно действовали против Цезаря и Августа, и с этим приходилось считаться. Наконец, здесь находился главный противник Рима, Парфия.

---

[27] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 386.

Поход Цезаря мог бы решить парфянскую проблему, однако вместо него последовала тяжелейшая война 41–36 гг. с вторжением парфян в Сирию, Финикию, Иудею и Малую Азию в 41–39 гг., победами Вентидия Басса в 39–37 гг. и, наконец, с неудачным походом Антония в 36 г. Дело было не только (и не столько) в просчетах командования, но, как и в 53 г. во время похода Красса, Рим был слишком слаб и раздираем противоречиями, чтобы одержать победу над могущественным Парфянским царством.

Август принял единственное правильное решение: переговоры о мире начались уже в 29 г. до н. э. и завершились долгосрочным договором 20 г. до н. э., сделавшим Евфрат границей двух держав. В уставшем от войн Риме этот договор был воспринят как большая военно-политическая победа (Suet. Tib., 9, 1; Aug., 21, 3; R. g., 29, 33; Vell., II, 91, 1; Dio, 54, 7).

Началась «политика равновесия», обеспечившая отсутствие активных военных действий на территории Малой Азии, Сирии и Египта. Восточные провинции получили долгожданный мир, поддержание которого не требовало столь значительных сил. В Сирии стояли 4 легиона, в Египте — 2 или 3. Тем не менее, определенные проблемы восточные провинции и восточная граница все-таки создавала, и, как показали войны конца II — начала III в. н. э., вести одновременную войну на Рейне, Дунае и Евфрате Рим не мог и, вероятно, время Цезаря и было единственной ситуацией, когда подобное наступление могло бы завершиться успехом.

Август проиграл и борьбу за Армению. В 20 г. до н. э. римляне обеспечивали власть своему ставленнику Тиграну (20–6 гг. до н. э.), но после его смерти в стране началась военная анархия и борьба за власть. Во 2 г. до н. э. на восток был послан внук и наследник Августа Гай Цезарь, но после тяжелого ранения Гая (2 г. н. э.) и его смерти (4 г. н. э.), контроль над страной был утрачен. В 10 г. н. э. к власти в Парфии пришел Артабан III (10 — ок. 38 г. н. э.), приход которого прекратил смуты и в Армении.

Пытаясь компенсировать военные неудачи политическими и дипломатическими мерами, Август подчеркивал, что большинство царей Армении, Мидии Атропатены и даже Парфии (R. g., 27, 33) получали утверждения из Рима, однако к концу правления было утрачено и это.

И все же главной победой было то, что восточные области Империи получили возможность мира и процветания. Главные провинции Малой Азии, Азия и Вифиния-Понт были теперь прикрыты с востока несколькими вассальными царствами (Галатия, Каппадокия, Малая Армения, Пафлагония и др.), защищавшими их от возможности вражеских нашествий. После разгрома Фарнака (47 г. до н. э.), окончания гражданских войн (31 г.) и мирного договора с Парфией (20 г.), военная угроза исчезла. В 25–24 гг. до н. э. Август аннексировал Галатию, а в 6 г. до н. э. — Пафлагонию, начав превращать вассальные царства в провинции.

Впрочем, внутреннее положение было особенно тяжелым. Как и Греция, Малая Азия невероят-

но пострадала от войн и грабежей. После завоевания Пергама и восстания Аристоника (133–129 гг. до н. э.), Пергамское царство, ставшее провинцией Азия, оказалось добычей публиканов, далее последовали Митридатовы войны 89–63 гг., другие войны 80–70-х гг., походы Сервилия (78–74 гг. до н. э.), тяжелейшее положение после победы Суллы в 85 г., антипиратская кампания Помпея (67 г.), гражданские войны 49–45 гг., а затем — войны 44–31 гг., разорявшие эти богатейшие провинции, и, быть может, более, чем где-либо, именно здесь проявилась печально знаменитая римская «экономика ограбления». Как писал Т. Моммзен: «Испытавшие негодное управление республики, вызванные ими катастрофы эпохи пиратов, наконец, многолетние гражданские войны, которые в финансовом отношении нанесли Малой Азии едва ли не больший ущерб, чем остальным провинциям — все это так глубоко расшатало положение общин, что Август обратился к крайнему средству — кассации долговых обязательств, и, действительно все малоазийцы за исключением родосцев, воспользовались этим опасным лекарством. Однако снова наступивший мирный период залечил все язвы, и в этом состоянии страна пребывала в течение трех столетий до эпохи готских войн»[28]. Исторические традиции городской культуры и цивилизации, как греческие, так и восточные, восходящие ко временам хеттской, фригийской и лидийской цивилизаций, экономиче-

[28] Там же.

ская свобода и активная помощь Империи, а главное — долгий мир и постепенный отказ от откупной системы делали свое дело — этот богатейший регион восстановил свой экономический потенциал уже к концу правления Августа, став одним из самых процветающих регионов огромной державы.

Селевкидская держава находилась в состоянии кризиса уже после поражения в Сирийской войне (191–188 гг. до н. э.), затем последовало грандиозное восстание Маккавеев (164–129 гг. до н. э.), в результате которого Иудея стала независимой, и сокрушительное поражение в войне с Парфией (129 г. до н. э.), после которого некогда огромная Империя сжалась до пределов Сирии. В 82 г. до н. э. она была захвачена Тиграном II и прекратила свое существование в 63 г., став римской провинцией Сирия, а затем испытала две парфянские войны 53–51 и 41–36 гг. до н. э. Теперь начался новый этап развития Сирии. Из страны вывозились продукты садоводства, текстильные товары, шелк, парфюмерия. Сирия стала центром обороны на востоке и центром транзитной торговли со всем восточным миром — Парфией, Бактрией, Индией и даже Китаем[29].

Напротив, в Иудее Рим совершал одну ошибку за другой. В 40 г. при помощи римлян царем Иудеи стал Ирод, жестокий правитель, крайне непопулярный среди коренного населения и опиравшийся на неиудейское население, наемников и жестокий

---

[29] *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М., 1977. С. 83–87, 93–99.

террор, а главное — на хорошие отношения с любой римской властью, вначале с Антонием, а затем — с Августом. После смерти Ирода (4 г. до н. э.) царем стал его сын Архелай (4 г. до н. э. — 6 г. н. э.), а в 6 г. н. э. Иудея стала римской провинцией, что вызвало постоянно усиливавшийся конфликт.

Гораздо более удачным было римское правление в Египте, который находился в состоянии постоянного кризиса, по крайней мере, с середины II в. до н. э. По размерам, количеству населения (около 8 млн человек) и общему валовому продукту он превосходил любую страну, входящую в Империю[30]. Император взял Египет под личный контроль, передав его под власть префекта всаднического ранга. Александрия имела свои органы управления, а остальной Египет делился на три области (Дельта, Фиваида и Семь номов) во главе с эпистратегом, области делились на топы, а топы — на комы (деревни)[31]. В руках римлян находилась армия, тогда как гражданская власть была в руках местной администрации, мало отличавшейся от прежней.

Положение Египта значительно улучшилось, страна вышла из длительной экономической изоляции. Римские инженеры сумели улучшить ирригационную систему, а страна стала экспортировать не только зерно, но и масло, строительный камень, лен, металлоизделия, папирус и многое другое. Египет

---

[30] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 422–423, 425–426.

[31] *Cook S. A.*, *Adcock F. E.*, *Charlesworth M. P.* The economic unification of the Mediterranean region: industry, trade and commerce // CAH. 1-ed. Cambridge, 1934. Vol. 9. P. 397–398, 415–421.

стал важнейшим экономическим донором Империи, а Александрия — крупнейшим торговым и портовым центром восточной части Средиземноморья, центром индустрии и главным портом региона. Рим обеспечил военную защиту Египта, подавил местные восстания и заставил подчиниться Эфиопию (21–20 гг. до н. э.).

Август добился решения главной задачи: разоренные войнами провинции, как старые, так и новые (Галлия, Сирия, Египет), получили несколько десятилетий мира и перешли на новый уровень развития, а разумные преобразования, расцвет городской жизни, рост промышленности и торговли, начало создания огромной дорожной системы длиной в 150 000 километров и свобода морских коммуникаций обеспечили переход Империи на новый цивилизационный уровень.

Первый принцепс уделял огромное внимание внешней политике, и самый большой раздел «Res gestae» — это подробное перечисление его завоеваний (R. g., 26–34). За время долгого принципата Августа под его знаменами служили 500 000 человек, более 300 000 из которых были уволены в отставку (ibid., 3, 3). Он вывел 28 военных колоний в Италии и 10 — в провинциях (ibid., 28).

Август был готов выполнить все планы Цезаря, но вскоре выяснилось, что это невозможно. В 44 г. армия Цезаря составляла 41 легион, в гражданских войнах она выросла до 65–75 легионов[32], к которым

---

[32] *Brunt P. A.* Italian manpower… P. 342; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. С. 502.

добавились огромные флоты в 600–900 кораблей[33]. В гражданских войнах 44–31 гг. до н. э. погибли, вероятно, 200–250 тысяч человек. После Филипп были демобилизованы примерно 50 000 человек, а в 30 г. до н. э. была проведена самая большая демобилизация армии Августа, составившая 150 000 человек[34]. Среди них было много инвалидов, больных и раненных. Кроме того, на военные расходы уходили невероятные денежные средства. Такова была «цена» заговора 44 г. и гражданских войн 31–30 гг, до н. э.

К концу правления Августа армия принципата составляла 25 легионов, т. е. примерно 125–150 тысяч человек: Восемь легионов стояли на Рейне (по четыре — в Верхней и Нижней Германии), семь — на Дунае (три — в Паннонии, два — в Мезии и два — в Иллирике), четыре — в Сирии, три в Испании, два в Египте и один — в Африке. Эта группировка, в целом, сохранялась до конца I в. н. э., но в 10 г. до н. э. она явно была меньше. Сроки службы росли: в 13 г. до н. э. солдаты служили 16 лет, а после 5 г. н. э. — 20 лет. Центурионы выдвигались из солдат, префектами, военными трибунами и другими офицерами были лица сенаторского и всаднического ранга, а генералитет (наместники провинций, легаты легионов и др.) составляли сенаторы высшего ранга.

Статистические данные о происхождении 333 солдат в I в. н. э. показывают, что 177 из них были италиками, а 156 — провинциалами (46 галлов,

---

[33] *Brunt P. A.* Italian manpower… P. 342.

[34] Ibid.

10 испанцев, 37 уроженцев балканских областей, 13 германцев и 49 уроженцев восточных провинций)[35]. При Августе число италийцев было явно больше, но огромные потери в гражданских войнах должны были вызвать приток провинциалов. Вероятно, этим объясняется и рост численности вспомогательных войск, за счет которых римляне компенсировали нехватку легионеров, равно как и нехватку легкой пехоты и конницы, организованных в когорты пехоты и конные алы во главе с трибунами и префектами, которые могли быть сенаторами, всадниками, центурионами и племенными вождями. Столь значительное привлечение провинциалов к обороне Империи было во многом вынужденным и, несомненно, продолжило политику интеграции[36]. Флот играл огромную роль в кампаниях против Секста Помпея (38–36 гг. до н. э.) и Антония (31 г.), и Август с гордостью говорит о захвате им 600 кораблей противника (R. g., 3, 4). Впрочем, после Августа больших войн на море не было, и вплоть до III в. н. э. основой были два больших флота, базировавшихся на Мизен и Равенну. Эти силы успешно обеспечивали снабжение Рима и контролировали судоходство.

Империя имела три больших границы: на севере, на юге и на востоке. Самой спокойной из них была южная, где римляне обходились тремя-четырьмя легионами (два после 23 г. до н. э. в Египте и один

---

[35] *Ritterling K.* Legio // RE. Stuttgart, 1925. Bd. 12. S. 1379.

[36] См. выше, с. 71.

в Африке). В Африке римляне оттеснили кочевников к северной границе Сахары, а в Египте самой значительной войной была война с Эфиопией (25–21 гг. до н. э.). В 25 г. 10-тысячная армия Элия Галла совершила поход в Счастливую Аравию (совр. Йемен), а в 24 г. до н. э. дошла до столицы Аравии Марибы, но понесла потери от жары, жажды, болезней и других сложных условий пустыни и вернулась в Египет. Впрочем, то, что не сделали римские войска, сделали римские купцы, освоившие путь в Индию и создавшие множество факторий на западном побережье. Восточную границу удалось укрепить после договора 20 г. до н. э. (см. выше).

Впрочем, основные проблемы были на севере. В первые годы после гражданских войн обескровленная армия решала лишь самые насущные проблемы. В 26 г. до н. э. Август подчинил Аквитанию, а в 25 г. М. Теренций Варрон уничтожил альпийских салассов, обеспечив безопасность коммуникаций между Италией, Галлией и Испанией. Способные носить оружие салассы были проданы в рабство с запретом отпускать их ранее, чем через 20 лет (Dio, 53, 25, 3–5). Самыми большими войнами этого периода были наступление Красса в Мезии (30–27 гг. до н. э.) и Кантабрийская война в Испании (25–19 гг. до н. э.). В обоих случаях армии, видимо, насчитывали не более 6–7 легионов. После этого наступила 10–15-летняя пауза.

Новое наступление вначале развивалось очень успешно. В 15 г. до н. э. пасынки Августа, Тиберий и Друз, заняли Рецию, Винделликию и Норик,

которые стали императорскими провинциями, а альпийские районы были разделены на три части (Приморские, Пенинские и Коттийские Альпы). В 16–15 гг. скордиски и далматы начали наступление на Македонию (Dio, 54, 34), в 13–14 гг. до н. э. под римским протекторатом оказалась Фракия. В 14–12 гг. Агриппа начал наступление в Паннонии, а после его смерти в 12 г. до н. э. командование | принял Тиберий. В ходе войн 11–8 гг. до н. э. римляне подчинили Паннонию и вышли к Дунаю на всем его протяжении. В 10 г. римляне отразили нашествие даков, а в 3–1 гг. до н. э. С. Элий Кат нанес поражение гетам.

После нескольких германских вторжений в Галлию (25, 19 и 16 гг. до н. э.) началось большое римское наступление, которое возглавил Друз (12–9 гг. до н. э.). Покорив хаттов, сугамбров и узипетов, он дошел до Эльбы и только смерть Друза (9 г. до н. э.) остановила это продвижение. События 9 г. до н. э. — 4 г. н. э. известны хуже, вероятно, римляне постепенно закреплялись в Германии и Подунавье.

В последний период правления, начиная с 4 г. н. э. Рим снова перешел в наступление. На Рейн прибыл Тиберий. В 5 г. н. э. он занял всю территорию между Рейном и Эльбой, сделав ее провинцией Германией (Vell., II, 104–107; Dio, 65, 13, 2; 28, 5; Suet. Tib., 16), а в 6 г. н. э. он готовился к последнему наступлению, объектом которого стал союз племен во главе с царем маркоманнов Марободом, который образовался в области современных Чехии и Богемии. Планировался двойной удар: армия Тиберия (пять-шесть легионов) наступала из Паннонии,

а навстречу ему шла примерно равная по силе армия из Германии под командованием Гнея Сентия Сатурнина. Казалось, что варварский мир центральной Европы будет разгромлен, но план был сорван.

В 6 г. н. э. началось грандиозное восстание в Паннонии. Повстанцы атаковали Мезию и Италию, создав угрозу всем балканским провинциям Империи, что могло «разрезать» ее пополам, отделив западные провинции от восточных. Назначенный командующим Тиберий собрал огромную армию из 12 легионов, 50 000 вспомогательных войск и 10 000 ветеранов. Война длилась три года. Закрепившись на границах Паннонии, Тиберий постепенно сжимал кольцо, и только к 8 г. н. э. восстание было подавлено, а в 9 г. н. э. римляне вошли в Далмацию (Vell., II, 109–117; Dio, 55, 29–34; 56, 11–12; 15, 6; 16, 1; Oros., VI, 21–23). Восстание остановило римское наступление, и с Марободом был заключен мир.

Последним ударом было восстание в Германии (9 г. н. э.), которое возглавил вождь племени херусков Арминий. В сражении в Тевтобургском лесу римский наместник П. Квинктилий Вар и три его легиона (20 000 человек) были уничтожены германцами. В 10–11 гг. н. э. Тиберий и сын Друза Германик совершили несколько походов за Рейн, но это были скорее демонстрации мощи Рима, после чего римские войска остановились на линии Рейна, а восстание рейнских и паннонских легионов в 14 г. н. э. показало плачевное состояние, в котором находилась армия (Tac. Ann., I, 17; 26; 28–30; 32; 35; 37; 40–44; 47; 49; 51).

Впрочем, как показали последующие события, ни Август, ни Германик не отказались от завоевательных планов.

Август сделал все возможное, чтобы осуществить план Цезаря, и римляне сумели закрепиться на линии Рейна и Дуная, а кризис 4–11 гг. н. э. уже не был смертельно опасен для Империи, хотя и он оказался необычайно серьезным испытанием. Хотя военные действия шли на территории противника (в Германии, Паннонии и Подунавье), армия терпела большие потери, а государство несло огромные расходы. Мы видим и другие его симптомы. Именно в это время Август «теряет» Армению и «проигрывает» противостояние с Парфией. Вероятно, после блестящего экономического подъема происходит и ухудшение положения в экономике, а в 6–9 гг. н. э. начались беспорядки в Риме, вызванные ухудшением положения с продовольствием. В столице (вероятно, впервые за время правления Августа) стали опасаться вторжения варваров и бунтов зависимого населения. Ответом были весьма непопулярные меры по сокращению раздач хлеба (R. g., 15), высылка рабов и других «ненадежных» групп населения из Рима и усиление управленческих структур. Во 2 г. до н. э. появляется должность префектов претория, а в 6 г. н. э. в Риме появились когорты вигилов. Тогда же появляется должность префекта анноны: в 6 г. н. э. им стал всадник Гай Турраний, пробывший на этом посту более 40 лет (он был префектом еще в 47 г. н. э.), переживший как минимум трех императоров (Августа,

Тиберия и Калигулу) и, похоже, не занимавший никаких других постов (Tac. Ann., I, 7; XI, 31). В 5 г. н. э. увеличился срок службы в армии (с 16 до 20 лет), а в 6 г. н. э. создавался специальный военный эрарий (Dio, 55. 24, 3; Suet. Aug., 49). Отметим и другие меры, более косвенные, но явно связанные с кризисом. Появившиеся в последний период правления Августа законы Фуфия-Канespecially Фуфия-Каниния (2 г. до н. э.) и Элия-Сентия (4 г. н. э.), ограничивавшие отпуск рабов на волю, а смягчение непопулярного закона Юлия о браке 18 г. до н. э.) и замена его более мягким законом Папия-Поппея (9 г. н. э.) также, вероятно, можно рассматривать как «ответ» на кризис.

Наряду с этим обостряется династический кризис. Похоже, что Август думал об этом почти с самого начала своего принципата, но смерть Випсания Агриппы (12 г. до н. э.) и Друза Старшего (9 г. до н. э.) создала ситуацию, когда обстановка кризиса и давление жены Августа, Ливии, выдвигали Тиберия, человека, несомненно, бывшего лучшим полководцем Империи, по крайней мере, после смерти Агриппы и Друза. Впрочем, у Августа постоянно возникали иные варианты. Еще до кризиса 4–11 гг. н. э. он планировал передачу власти внукам, сыновьям Агриппы и дочери императора, Юлии Старшей, Гаю и Луцию. В 5 г. до н. э. после долгой паузы, Август стал консулом, чтобы представить сенату и народу старшего сына, Гая Цезаря, а во 2 г. до н. э. аналогичным образом в последнее, 12-е консульство Августа был представлен и Луций (Suet. Aug., 26; Vell., II, 99; Dio, 54, 8). После удаления Тиберия на Родос

и демонстративного разрыва между ним и Августом, предпринятого по инициативе принцепса, вопрос, казалось бы был решен. Во 2 г. до н. э. Август становится «отцом отечества», что должно было означать «конец»его принципата и подготовку к следующему.

Впрочем, в этом же году происходит очень сложное дело Юлии Старшей (2 г. до н. э.), дочери Августа, вдовы Агриппы и жены Тиберия. Последовали ссылка Юлии на остров Пандатерию по обвинению в адюльтерах и казни и ссылки ее многочисленных друзей и любовников, первым среди которых был Юлл Антоний, сын Марка Антония, воспитанный в доме Августа. Был ли это заговор с целью свержения Августа или устранения Тиберия, остается неясным, но он существенно изменил ситуацию, впрочем, не отразившись на положении внуков. Уже в 1 г. н. э. Гай Цезарь, еще ранее усыновленный самим Августом, получил проконсульский империй и был отправлен в Армению, где начинался политический кризис. Во 2 г. н. э. произошла трагедия: от болезни умер Луций, а Гай был ранен в Армении, долго болел и умер в 4 г. н. э. У первого принцепса не оставалось иного выхода, как призвать Тиберия, для которого последние годы ссылки были, вероятно, самыми опасными, и который, согласно Светонию, всерьез опасался за свою жизнь (Dio, 55. 9, 2).

26 июня 4 г. н. э. Август усыновил Тиберия и дал ему трибунскую власть, а в 4–11 гг. Тиберий был главнокомандующим в Германии (4–5 гг. н. э.), Паннонии (6–9 гг. н. э.) и снова в Германии (10–11 гг. н. э.) и фактически спас Империю от военного

разгрома. Утверждения Веллея Патеркула, что он является «третьим» спасителем Рима после Цезаря и Августа, в общем, не лишены оснований. Выбор был сделан. В 7 г. н. э. на о. Планазию был сослан третий внук Августа, Агриппа Постум, а в 8 г. н. э. был разгромлен заговор, в центре которого была внучка Августа, Юлия Младшая, также отправленная в ссылку (Suet. Aug., 19, 64–65; Tac. Ann., III, 24).

В 13 г. н. э. Тиберий получил проконсульский империй вместе с Августом (последний предложил не продлевать власть ему лично, но сделал это под давлением сената) (Suet. Aug., 65; Tib., 15; Dio, 55, 13; Tac. Ann., I, 5; I, 31–57). Впрочем, альтернатива, по крайней мере, стала появляться. Тиберий должен был усыновить сына Друза Германика, женатого на внучке Августа Агриппине и назначенного в 12 г. н. э. командующим рейнской армией.

Август выполнил свою задачу. Он надолго прекратил гражданские воины и создал огромную Империю, вдвое превышающую республиканское государство по территории и населению. Это было огромное экономическое, политическое и культурное пространство с территорией в 5 млн квадратных километров и населением в 50–80 млн человек, охватившее весь цивилизованный мир. Оно имело самую передовую в античной истории экономику, сильную армию и эффективную управленческую систему. Первому принцепсу не удалось целиком выполнить план Цезаря и сделать Империю полностью неуязвимой, но он подарил ей два века процветания и дал огромный запас прочности.

В отличие от Августа, последующая династия Юлиев-Клавдиев (14–68 гг. н. э.) не заслужила признательности римлян. Сенека, Лукан, Иосиф Флавий, Тацит, Светоний, а затем и традиция IV–V вв. н. э. рисуют картину жуткого императорского террора, придворной борьбы, заговоров и восстаний, итогом которых стал кризис правления Нерона (54–68 гг. н. э.). Казалось бы, что римляне (или римские писатели) забыли, что экономика продолжала развиваться, внешняя безопасность сохранялась, строились новые города, дороги, акведуки, развивались индустрия и торговля, процветало местное самоуправление, а сами они жили в самом благоустроенном обществе тогдашнего мира. Все это оказалось перечеркнуто тем следом гражданской войны, который уже не приводил к десяткам тысяч жертв, но наносил обществу сильнейший моральный, а часто и материальный ущерб и который уже нельзя было объяснить и «оправдать» войной.

Уже принципат Тиберия (14–37 гг. н. э.) воспринимался не только как продолжение политики Августа, но и как кровавая тирания и «царство террора»[37].

---

[37] Принципат Тиберия — одна из самых дискуссионных тем эпохи принципата I–II вв. н. э. «Реабилитация» Тиберия и протесты против оценки источников (особенно — Тацита) в основном начались в 30–60-е гг. XX в.: *Charlesworth M. P.* Tiberius // CAH. 1-ed. Oxford, 1934. Vol. 10. P. 607–652; *Marsh F. B.* The Reign of Tiberius. Oxford, 1931. P. 1–16, 45, 115, 200, 219, 223–224, 227; *Kornemann E.* Tiberius. Stuttgart, 1960. S. 109–116,

198 Во многом он происходил под знаком кризиса 4–11 гг. н. э. и начался с восстания германских и паннонских легионов, а положение в армии и столи-

146, 223–227, 246; *Smith Ch. E.* Tiberius and the Roman Empire. Baton Rouge, 1942; *Pippidi D.* Autour de Tibère. Bucureşti, 1944; *Seager R.* Tiberius. London, 1972; более традиционные мнения: *Dessau H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1924–1930. S. 32–106; *Chilton C. W.* The Roman Law of Treason under the Early Principate // JRS. 1955. Vol. 45 (1–2). P. 73–81; *Gagé J.* Les classes sociales dans 1'Empire romain. Paris, 1964; *Tarver J. C.* Tibère. Paris, 1934.

В отечественной историографии см.: *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. С. 252, 269–272, 313–325; *Сергеев В. С.* Принципат Тиберия // ВДИ. 1940. № 2 (11). С. 49, 83, 89, 94; *Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М., 1947; *Ковалев С. И.* История Рима. Курс лекций. 2-е изд. Л., 1986. С. 529–534. В целом, в историографии скорее преобладает критика традиции Тацита, Светония и Диона Кассия. В историографии часто отмечается преемственность политики Августа и Тиберия и успешная внешняя политика Империи, значительные успехи в экономике, финансах, и развитии провинциальной жизни, при этом подчеркивается, что негативные стороны правления, и особенно — процессы об оскорблении величия явно преувеличены традицией. На наш взгляд, Тацит обратил внимание на главную опасность новой власти, когда относительно незаметные на фоне общего благополучия Империи и тесно связанные с династической борьбой процессы по lex maiestatis при Тиберии и его преемнике постепенно переросли в гораздо менее «безобидные» явления (заговоры, провинциальные восстания и перевороты), эскалация которых привела к кризису 60-х гг. и гражданской войне 68–69 гг. Если кризис 44–31 гг. до н. э. сорвал возможность реального установления мирового господства, а события 4–17 гг. н. э. остановили наступление Империи, то кризис 60-х гг. заставил ее постепенно переходить к обороне, пока еще — обороне активной.

це, перебои с продовольствием, сложности династической политики Августа и заговоры показали крайне сложное положение, в полной мере отразившееся на заседании сената 17 сентября 14 г., подробно описанном Тацитом (Tac. Ann., I, 7–14; Suet. Tib., 23–24), на котором Тиберий и получил власть.

Гражданская война была реальна, однако четкие действия командования и, прежде всего, Германика, спасли Империю от нового кризиса (Tac. Ann., I, 18–28; 31–51), Германик в последний раз попытался реализовать план Цезаря и Августа. Уже в 14 г. н. э. он с частью войск атаковал и разгромил племя марсов, жившее к югу от реки Липпе (ibid., I, 48–51). В 15 г. началось большое наступление, Германик разбил племя хаттов и атаковал главного противника, херусков Арминия, живших в области р. Визургий вплоть до Эльбы, после чего легионы дошли до Тевтобургского леса, похоронили останки легионеров Вара, а на обратном пути вырвались из засады, устроенной германцами (Tac. Ann., I, 49–51; 59–71). В 16 г., пройдя морским путем, флот Германика вошел в устье реки Ализон (Эмс), после чего римская армия разбила Арминия в битве при Идиоставизо (ibid., II, 5–36). Германик заявил, что следующий год будет годом полной победы (Tac. Ann., II, 26; Dio, 57, 13), однако Тиберий велел прекратить наступление.

Как античные авторы, так и современные ученые, спорят по поводу этого решения. Одни, вслед за Тацитом (Tac. Ann., II, 26), считают его результатом личной зависти принцепса или, но крайней

мере, его искренней ошибкой в силу которой Тиберий прекратил выигранную войну[38], однако, по мнению других, прав был принцепс, прекративший ненужную войну, стоившую слишком больших людских и материальных потерь[39].

Впрочем, прекращение наступления было компенсировано действиями римской дипломатии. Видимо, не без ее помощи вскоре началась большая война между союзом племен центральной Германии во главе с Арминием и свебско-маркоманнским царством Маробода. Маробод был разбит в сражении и обратился за помощью к римлянам, однако Тиберий отказался послать войска (ibid., II, 44–45). В 19 г. Маробод был свергнут в результате переворота, организованного знатным юношей Катуальдой, бежал к римлянам и прожил оставшуюся жизнь в Равенне на положении почетного пленника. Вскоре племя гермундуров окончательно разгромило маркоманнов и изгнало Катуальду, а затем погиб и Арминий, против которого восстали его союзники (ibid., II, 88). Процесс объединения германцев был сорван, и до 69 г. н. э., а затем и до конца II в. н. э. германцы уже не представляли угрозы для Империи.

Германик добился успеха и на востоке. Посланный в восточные провинции с высшим импери-

---

[38] Мнение о правомерности действий Германика см.: *Koestermann E.* Die Mission des Germanicus in Orient // Historia. 1958. Bd. 7. H. 3. S. 331–375; *idem.* Die Feldzüge des Germanicus 14–16 n. Chr. // Historia. 1957. Bd. 6. H. 4. S. 429–479.

[39] См. напр., *Charlesworth M. P.* Tiberius. P. 607–608; *Marsh F. B.* The Reign of Tiberius. P. 95.

ем (imperium maius), он аннексировал ряд зависимых царств (Каппадокия, Коммагена и Киликия), после чего римляне вышли к границам Армении. В 18 г. н. э. Германик посадил на армянский престол римского ставленника Зенона (18–34 гг. н. э.) и только в 34–38 гг. произошел новый кризис, когда Тиберий и его наместник, Луций Вителлий нейтрализовали действия парфянского царя Артабана II, после чего спокойной стала и восточная граница. Тиберий и Германик сумели ликвидировать внешнеполитические последствия кризиса 4–11 гг. н. э.

Успешной была и внутренняя политика. Экономическое положение стало улучшаться, император смог преодолеть кризис 4–11 гг. н. э. и создать фонд в 2,7 млрд сестерциев, который использовался для преодоления последствий ряда стихийных бедствий и экономических кризисов (Tac. Ann., IV, 64; VI, 45), происходит снижение некоторых налогов (Tac. Ann., I, 78). В 17 г. Тиберий снизил налег на продажу с 1 до 0,5 % что вызвало оживление экономики, а сам принцепс заявил, что раздал хлеба не меньше, чем Август. Даже негативно относящиеся к нему авторы (Иосиф Флавий, Тацит, Светоний и Дион Кассий) признают успешной его провинциальную политику и пишут о хорошем экономическом и финансовом положении Империи (Tac. Ann., IV, 64; Dio, 57, 10; Suet. Tib., 31; Jos. Ant., XVIII, 6), с чем согласны современные ученые[40].

---

[40] См. прим. 37 на с. 197–198. Успешная финансовая политика, борьба с коррупцией, подавление восстаний и успехи во внешней политике — главные пункты положительной оценки Тиберия.

Правительство успешно подавило провинциальные восстания, что также стало завершением завоевательной программы Августа: восстание Флора и Сакровира в Галлии в 21 г. (Tac. Ann., II, 40–46) и восстание Такфарината в Нумидии в 17–24 гг. (Tac. Ann., II, 52; III, 20–21; 74–75; IV, 23–26; Suet. Tib., 26–36; Dio, 57, 3–4).

Особым успехом правления было активное взаимодействие Тиберия с сенатом, когда император обсуждал с сенаторами все основные вопросы, от собственных почестей до мельчайших подробностей внешней, провинциальной, городской и муниципальной политики и, конечно, относящиеся к особой компетенции сената вопросы религии и управления городом (Tac. Ann., I, 72; II, 32–33; 43; 47–41; 85–86; III, 58; 71–72; IV, 74; Suet. Tib., 26–28; Dio, 57, 7–11). Восторги Веллея Патеркула или, по крайней мере, суждения Светония о «либеральном» периоде правления Тиберия имеют право на существование.

Первый конфликт был связан с проблемой Германика. При всех политических разногласиях, Германик, сын Друза Старшего, назначенный преемником Тиберия самим Августом, был абсолютно лоялен но отношению к императору. Похоже, что общее положение не очень тяготило и родного сына Тиберия, Друза Младшего, который очень любил двоюродного брата. В большей степени носителями фронды были Агриппина Старшая и многие сторонники Германика, видевшие в себе ту элиту, которая должна была сменить окружение Тиберия.

Эти силы очень болезненно восприняли отстранение Германика от командования рейнской армией, а явной ошибкой (если не умыслом) Тиберия было назначение легатом Сирии, т. е. фактическим заместителем Германика, представителя старой аристократии, Гнея Кальпурния Пизона. Конфликт принял открытые формы, а когда Германик заболел и умер (19 г. н. э.), то все были уверены, что это было сделано по приказу императора, и хотя процесс Пизона в 20 г. до н. э., самоубийство Пизона и связанные с ним события вызвали множество версий, однако многие были уверены, что и все это делалось по воле принцепса.

Уже в начале правления префектом претория становится Л. Элий Сеян, ставший (особенно после 20 г.) ближайшим доверенным лицом Тиберия. Постепенно начинается волна процессов об оскорблении величия, жертвами которых становились близкие к Германику и Агриппине люди (Г. Силий, Созия Галла, Клавдия Пульхра и др.). В 14–23 гг. н. э. процессов было не так много, но их жертвами были очень высокопоставленные люди, а закон об оскорблении величия, каравший государственную измену или преступления против власти, начинает приобретать расширенное толкование, касаясь оскорбления словом или других, зачастую нейтральных действий. Это был опасный процесс, одновременно усиливавший роль Сеяна, ставшего фактическим главой всемогущего репрессивного аппарата, который медленно, но верно расчищал ему путь к власти.

Новым поворотом стала смерть Друза Младшего (23 г.), теперь уже бывшего официальным

наследником Тиберия. Позже, в 31 г. выяснилось, что его отравил Сеян (многие ученые отвергают эту версию)[41]. Число процессов неизменно возрастало. Власть Сеяна особенно усиливалась после удаления Тиберия на Капри (26 г.) и, возможно, именно теперь он начал свой путь к принципату. Агриппина была сослана на остров Пандатерию, погибают ее сыновья, Нерон и Друз, готовился процесс против Гая, третьего сына Германика, но Тиберий забрал его к себе на остров.

Сеян готовил себя к роли соправителя Тиберия, однако 18 октября 31 г. он был внезапно схвачен и казнен, после чего начались повальные репрессии. В период 31–37 гг. н. э. известны 52 процесса или внесудебных расправы, что вдвое превышает число жертв всего предыдущего периода. Пик террора пришелся на 30–33 гг., незначительный спад относится к 34–37 гг.[42] По неполным данным (у нас

---

[41] О деле Сеяна помимо общей литературы см. также: *Boddington A*. Sejanus. Whose Conspiracy? // AJPh. 1963. Vol. 84. No. 1. P. 1–16; *Paratore E*. Tacito. Milano, 1951. P. 532–534; *Koestermann E*. Der Sturz Seians // Hermes. 1955. Bd. 83. S. 350–373.

[42] Проблема закона об оскорблении величия очень сложна, общее мнение нашей традиции (не только Тацита) состоит в том, что при Тиберии суть закона претерпела значительные изменения и вместо реальной государственной измены закон стал преследовать высказывания и тому подобные абсолютно нейтральные действия (см. напр.: Suet. Tib., 58; Dio, 57, 9; 58, 4, 4–15). Многие современные ученые полагают, что картина была иной: закон и практика Тиберия касались реальных заговоров, данные о терроре преувеличены, а принцепс не поощрял практики деляторства и даже с ней боролся. См.

отсутствует часть труда Тацита, как раз посвященная 30–31 гг.) во времена Тиберия состоялись 79 процессов об оскорблении величия.

В научной литературе идут постоянные споры о причинах и «размахе» террора, конкретной роли Тиберия, Сеяна и других лиц, виновных или невиновных перед законом, выясняется степень «верхушечного» характера репрессий, рассматриваются вопросы о конкретных процессах и т. п.[43]

напр.: *Marsh F. B.* The Reign of Tiberius. P. 106–107, 114, 185, 208, 284–294; *Smith Ch. E.* Tiberius and the Roman Empire. S. 179–181; *Rogers R. S.* A Tacitean Pattern in Narrating Treason-Trials // TAPhA. 1952. Vol. 83. P. 279–311; *idem.* Treason in the Early Empire // JRS. 1959. Vol. 49. P. 90–94; *Alison J. E.*, *Cloud J. D.* The lex Julia Maiestatis // Latomus. 1962. T. 21. P. 711–731; *Kornemann E.* Tiberius. S. 129–130.

[43] См. напр.: *Cuff P. J.* Tacitus. Annals i. 72 // CR. 1964. Vol. 14. P. 136–137; *Koestermann E.* Die Majestätsprozesse unter Tiberius // Historia. 1955. Bd. 4. H. 1. S. 72–106; *Balsdon J. P. V. D.* The Principates of Tiberius and Gaius // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 86–94; *Shotter D. C. A.* The Trial of M. Scribonius Libo Drusus // Historia. 1972. Bd. 21. H. 1. S. 88–98; *idem.* The Trial of C. Junius Silanus // CPh. 1972. Vol. 67. No. 2. P. 126–131; *idem.* The Trial of Clutorius Priscus // G&R. 1969. Vol. 16. No. 1. P. 14–18; *idem.* The Trial of Gaius Silius (A. D. 24) // Latomus. 1967. T. 26. Fasc. 3. P. 712–716; *idem.* Tiberius' Part in the Trial of Aemilia Lepida // Historia. 1966. Bd. 15. H. 3. P. 312–317; *Rogers R. S.* The Case of Cremutius Cordus // TAPhA. 1965. Vol. 96. P. 351–359. Отметим два обстоятельства. Во-первых, Тацит, Светоний и Дион Кассий не были противниками принципата и, наоборот, занимали очень высокие посты в администрации Империи, будучи людьми, близкими к императорам и во-вторых, все достижения правления Тиберия (которые они признают), были в их глазах перекрыты этими процессами.

Отметим, что римская традиция (Тацит, Светоний, Дион Кассий) занимает совершенно однозначную позицию. Террор заслоняет для них все: победы Тиберия в 4–11 гг. н. э., его успешную внешнюю политику и даже его роль в экономической, финансовой и внутренней политике в период собственного правления. В этом был свой смысл: произошел отход от главного, политики милосердия Цезаря и Августа, и, даже если жертвы террора при Тиберии были более малочисленны, чем жертвы времен проскрипций, они воспринимались не менее болезненно, тем более, что процессы происходили в период «мира». Все это было самым большим поражением принципата, винить в котором можно было только сам режим. Вскоре его следствием станут и более глобальные события, включая восстания, гражданскую смуту, политическую дезорганизацию и экономические проблемы. Со времен Тиберия начинается правление императоров, снова вступивших на путь гражданской войны, хотя и происходящей в иной форме. Закон об оскорблении величия действовал, вероятно, не только в Риме, но и во всех регионах Империи, в том числе и в Иудее, а одной из его жертв стал еще неизвестный за пределами страны проповедник по имени Иешуа.

Террор продолжался при следующем императоре, Гае Калигуле (37–41 гг. н. э.) После короткого периода прекращения репрессий, в октябре 37 г. они возобновились, и их жертвами стали префект претория Суторий Макрон, приведший Калигулу к власти, и его соправитель, внук Тиберия Тиберий

Гемелл. Психически больной император требовал себе божеских почестей и жестоко расправлялся с любыми проявлениями протеста. Выросший в обстановке террора Тиберия, он видел в себе мстителя тем, кого он считал виновником гибели своих родителей и братьев. В 39 г. император изменил концепцию власти, заявив, что подданные являются рабами императора, а его воля — «одушевленным законом» (νόμος ἔμψυχος) (Philo. De leg., 119).

Другие действия Калигулы имели уже более практические последствия, к 39 г. император растратил казну Тиберия, что вызвало финансовый кризис, рост цен, появление новых налогов и недовольства народа, которые подавлялись самым жестоким образом. На этом фоне росла роскошь двора, а репрессии и конфискации становились важнейшим средством обогащения.

Назревал открытый конфликт с сенатом, и в 39 г. император заявил о его нелояльности, а масштабы репрессии превзошли даже время Тиберия (Tac. Agr., 4; Suet. Calig., 23; 28; Dio, 59, 18–19; Sen. Dial., XI, 13, 4). В середине сентября 39 г. принцепс отправился на Рейн, планируя продолжение наступления в Германии и Британии. Впрочем, главной причиной был, вероятно, разветвленный заговор, в котором участвовали сестры императора, Юлия и Агриппина, и командующие рейнской армией М. Эмилий Лепид и Гн. Корнелий Лентул Гетулик. Лепид и Гетулик были казнены, а сестры отправлены в ссылку (Suet. Calig., 28). Поход изображен нашими источниками в карикатурных тонах, но,

в любом случае, одержать сколь-нибудь серьезные победы, которые спасли бы престиж режима, Калигуле не удалось.

Экзальтация власти и террора ставили Империю на грань гражданской войны. В Иудее она уже началась: войска наместника Сирии Гая Петрония шли на Иерусалим, чтобы поставить в храме статую императора, и только гибель Калигулы предотвратила большую войну. Другое восстание началось в Мавретании, после того, как римляне устранили царя Птолемея, сына Юбы II. Кризис времен Нерона мог бы начаться раньше.

Защитный механизм все-таки сработал. В конце 40 г. возник разветвленный заговор во главе с преторианским трибуном Кассием Хереей. В него вошли многие высокопоставленные сенаторы, два префекта претория и преторианские офицеры, руководители внесенатского аппарата и императорские либерты Нарцисс и Каллист. 24 января 41 г. Калигула был убит, и его короткое правление показало беззащитность общества перед лицом огромной власти принцепса. Впервые после Цезаря общество задумалось, нужна ли ему эта власть.

24–25 января 41 г. сенат обсуждал этот вопрос. Сторонники отмены принципата оказались в меньшинстве, большинство все же высказалось за принципат. Были предложения отстранить династию и передать власть кому-либо из высокопоставленных сенаторов и военачальников, однако, пока шли дебаты, преторианцы провозгласили императором дядю Калигулы, брата Германика Клавдия

и заставили сенат принять их выбор (Jos. Ant., XIX, 104–119; Suet. Calig. 58–60).

Правительство Клавдия (41–54 гг.) сделало многое, чтобы выйти из кризиса и вернуться к курсу Августа[44], официального «осуждения памяти» Гая не было, но Клавдий объявил его сумасшедшим, статуи уничтожались, а имя вычеркивалось из надписей. Новый император объявил «общее забвение» (veniam et oblivium) и прекратил репрессии (Suet. Claud., 11; Dio, 60, 4–5). Продолжая политику компромисса с сенатом, Клавдий начал искать новые опоры власти, сумев найти их во внесенатской администрации. Обслуживающий императора персонал объединялся в канцелярии (officia), главными из которых стали канцелярии по делам переписки (ab epistulis), по делам финансов (a rationibus) и по делам прошений (a libellis), во главе которых стояли императорские либерты, Нарцисс, Паллант, Каллист, Полибий и др. При Клавдии выросла роль императорского совета, в который вошли видные сенаторы, руководители внесенатской администрации (префекты претория, префект города, префект анноны и др.) и императорские либерты, руководители канцелярий и придворных служб. Многие представители сенатской администрации заменялись префектами и прокураторами. После Клавдия

---

[44] См.: *Momigliano A.* L'opera dell'imperatore Claudio. Milano, 1932; *Charlesworth M. P.* Claudius // CAH. 1-ed. Cambridge, 1934. Vol. 10. P. 663–700; *Carney T. F.* The changing picture of Claudius // AC. 1960. Vol. 3. P. 99–104.

внесенатский аппарат стал уже влиятельной силой в государстве.

Активизировалась провинциальная политика. В 48 г. перепись, проведенная Клавдием, дала почти 6 млн граждан (Tac. Ann., XI, 25). Увеличение происходит главным образом за счет галлов, и Галлия стала первым регионом фактически полной романизации. Власти решали проблемы прошлых периодов. В провинциях, особенно, в Галлии, строится множество дорог, появляются новые города, а прокураторы становятся важными фигурами в управлении.

В 41 г. Клавдий подавил восстание Эдемона в Мавретании, а затем появились две провинции, Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитана, а в 46 г. провинцией стала Фракия.

В 43 г. Клавдий начал большую войну в Британии. Армия А. Плавтия Сильвана (4 легиона и вспомогательные войска) переправились через Ла-Манш высадилась на острове и перешла Тамезис (Темзу), покорив иценов и регнов и взяв Камулодун, бывший центром южнобританского союза. В 47 г. южная Британия была подчинена, а в 49–50 гг. были подчинены племена силуров (совр. Уэльс) (Tac. Ann., XII, 31–39). Впрочем, британские войны длились до конца Империи, и римляне получили еще одну» горячую точку»[45].

Наступление шло и в Германии. В 47 г. царем херусков стал римский ставленник, в 50 г. шла война

---

[45] Подробнее см.: *Широкова Н. С.* Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб., 2016. С. 66–83.

между свевами и гермундурами, а Домиций Корбулон подчинил хавков (ibid., XI, 16–17; XV, 27–28; 29–30).

Наоборот, положение на восточной границе становилось все более напряженным. Клавдию удалось посадить на трон Армении своего ставленника Митридата, а Империя активизировала свою политику в Парфии. В 51 г. царем Парфии стал Вологез I (51–76 гг.), один из самых крупных правителей этого царства. Вологез готовился посадить на трон Армении своего брата Тиридата, а Митридат был свергнут своим племянником Радамистом, которого не признали ни Рим, ни Парфия. На востоке назревала война.

Клавдию не удалось в полной мере остановить тенденции, начатые Тиберием и Калигулой. Репрессии пошли на спад, но не прекратились, будучи во многом вызваны действиями его жен, Мессалины и Агриппины. После странного «заговора Мессалины» (48 г.), Клавдий женился на Агриппине Младшей, дочери Агриппины и Германика и сестре Калигулы. В результате ее действий, к власти пришел Л. Домиций Агенобарб, будущий император Нерон. В 51 г. он получил проконсульский империй, префектом претория стал Афраний Бурр, а воспитателем и главным советником Нерона — знаменитый философ Сенека. В 53 г. Нерон женится на Октавии, дочери Клавдия и Мессалины, а в 54 г. Клавдий был отравлен (Tac. Ann., XII, 25–28; 42; 53; 58; 64–67; Suet. Claud., 43–44).

Начался новый принципат, принципат Нерона (54–68 гг. н. э.), первые годы которого воспринимались

как «золотой век» сотрудничества императора и сената. В начале правления Нерон провозгласил свою программу, бывшую более последовательным продолжением политики Августа, чем курс Клавдия. Кое-что было сделано: практически все вопросы решались в сенате, дела об оскорблении величия прекратились, а принцепс и сенат постоянно обменивались взаимными реверансами (Tac. Ann., XIII, 5–6; 8–9; 48).

Политическая деятельность Нерона и его министров заключалась не только в сближении с сенатом, но и в усилении внесенатского аппарата, что выразилось в финансовой политике и укреплении императорского фиска. В 58 г. император пытался отменить откупную систему и косвенные налоги и, хотя сенат не дал провести реформу до конца, некоторые меры приняты были. 55–59 гг. были временем борьбы с коррупцией и осуждения ряда провинциальных наместников по делам о вымогательствах, также приостановленных сенатом (Tac. Ann., XIII, 28; 30–31; 33–43; 50–52; XIV, 18; Suet. Nero, 10; 15; 17; Xiph., 151).

В 55 г. командование на востоке передается Домицию Корбулону. В дополнение к четырем сирийским легионам Уммидия Квадрата создается группировка в Каппадокии (три легиона), которая и перешла в наступление. В 58 г. Корбулон вступил в Армению, легионы вскоре заняли Артаксату, а в 60 г. — Тигранокерту. Царем стал римский ставленник Тигран, и теперь в Армении находился небольшой контингент римских войск (Tac. Ann., XIII, 6–7; 9–10; 35–41; XIV, 23–26).

Тем не менее, на фоне «блестящего пятилетия» продолжается придворная борьба, когда Агриппина постепенно устраняет сторонников Клавдия, включая Нарцисса. Вокруг молодого императора развернулась борьба двух придворных партий, Агриппины и Бурра и Сенеки (ibid., XIII, 12; 18; Suet. Nero, 28; 30). Развязка наступила в 58 г., когда Нерон решил жениться на аристократке Поппее Сабине, что вызвало его конфликт с Агриппиной, а в 59 г. Нерон, видимо, с согласия Бурра и Сенеки, организовал убийство матери (Tac. Ann., XIV, 1). Убийство Агриппины стало поворотным пунктом его принципата. Общество не любило императрицу, но убийство матери навсегда подорвало любое доверие к Нерону, и с 59 г. начался собственно «принципат Нерона», эпоха тяжелейшего политического кризиса.

В 60 г. Нерон, будучи поклонником всего греческого, начал «реформу нравов», учредив особые игры, Неронии, устраиваемые наподобие Олимпийских игр раз в пять лет. Игры носили спортивно-поэтический характер, в программе были состязания колесниц, музыкальные агоны, состязания по гимнастике и ораторскому искусству и выступления поэтов, но в них не было любимых римлянами гладиаторских боев. В играх участвовали сам император и высокопоставленные сенаторы (по крайней мере, как зрители). Римское общество восприняло реформу враждебно, видя в ней очередные «безобразия» императора.

В 58 г. в угоду сенату Нерон возобновил старый обычай казни всех рабов и вольноотпущенников,

находившихся под крышей дома в момент убийства хозяина. В 61 г. раб убил префекта города Педания Секунда и, хотя убийца был известен, по инициативе знаменитого юриста Гая Кассия Лонгина, потомка убийцы Цезаря, сенат потребовал казни 400 рабов и либертов, находившихся в данный момент в доме. Народ был готов силой помешать исполнений приговора, но Нерон, расставив в городе караулы, обеспечил выполнение решения.

События показали теснейшую связь между казалось бы совершенно различными событиями придворных интриг в Риме, провинциальными восстаниями и внешнеполитическими проблемами. В 61 г. началось грандиозное восстание в Британии, поводом к которому стали хищения и грабежи ростовщиков, императорских либертов и ближайшего окружения принцепса, включая Сенеку. Повстанцы во главе с царицей Боудиккой захватили Камулодун и Лондиний, подвергли их разграблению и уничтожили множество римлян. После возвращения наместника Светония Паулина, повстанцы были разбиты в большом сражении, после чего восстание было подавлено. Боудикка покончила с собой, но провинции был нанесен тяжелейший ущерб.

На востоке началось наступление парфян. В 62 г. Нерон назначил Корбулона наместником Сирии, поручив командование каппадокийской группировкой Цезеннию Пету, армия которого была окружена при Рандее и вынуждена сдаться. Это означало признание Тиридата царем Армении, а в 66 г. в Риме в торжественной обстановке он получил диадему из рук

императора. Война была проиграна, но римлянам удалось «сохранить лицо».

В 62 г. буря уничтожила 200 кораблей с хлебом у берегов Кампании, еще 100 кораблей погибли от пожара (Tac. Ann., XV, 18). В 62 г. умер Бурр, пошли слухи, что его отравил Нерон (ibid., XV, 51; 57; Suet. Nero, 35). Новыми префектами претория стали Софоний Тигеллин и Фений Руф и, если последний проводил политику Бурра, то Тигеллин стал проводником репрессивной политики императора. Нерон развелся с Октавией, которая была обвинена в адюльтере, сослана на остров Пандатерию и убита. Смерть Бурра стала причиной отставки Сенеки, а после смены правительства начинаются репрессии (Tac. Ann., XIV, 51; 57–59; 60–64; Suet. Nero, 35; Xiph., 168).

В 64 г. режим Нерона вступил в полосу кризиса. Точкой отсчета стал ужасный пожар Рима, какого еще не было в его истории. Из 14 регионов города три сгорели полностью, семь пострадали очень сильно, и только четыре остались целы (Tac. Ann., XV, 38–43; Suet. Nero, 38). Правительство приняло меры по спасению горожан, а после пожара началась реставрация города. (Tac. Ann., XV, 43). Тем не менее, общественное мнение Рима было уверено, что поджог был совершен по приказу императора (Suet. Nero, 38; Xiph., 168). Наоборот, современные ученые, как правило, сомневаются в его виновности, приводя достаточно большое число аргументов в свою пользу. Как бы то ни было, уверенность римлян продолжала расти, тем более, что

среди новых построек был огромный Золотой дворец Нерона (Tac. Ann., XV, 42; Suet. Nero, 31).

Не помогла и попытка найти «виновных». Желая отвести от себя подозрения, император велел казнить огромное количество христиан, что стало первым большим антихристианским гонением и переходом от относительно толерантной и еще не определившейся политики 30–50-х гг. к жестоким репрессиям. Расправы отличались невероятной жестокостью, а среди погибших было множество христианских проповедников, в том числе, св. Петр и св. Павел, но, несмотря на сильные антихристианские настроения, убеждение в виновности Нерона продолжало усиливаться. Уверенность в невиновности христиан разделял и Тацит (Tac. Ann., XV, 44), его же отражает и вся последующая историография[46].

Восстановительные работы вызвали гигантские поборы, разорившие Италию и провинции, назревал тяжелейший финансовый кризис. Тогда же в бурю попал Мизенский флот, груженый большим количеством хлеба (ibid., XV, 45).

В 65 г. возник разветвленный заговор, в который вошли многие сенаторы, всадники, офицеры преторианской гвардии и представители императорского аппарата. Перечисляя участников заговора, Тацит

---

[46] *Warmington B. H.* Nero: Reality and Legend. London, 1969. P. 120–124; *Newbold R. F.* Some social and economic consequences of the A. D. 64 fire at Rome // Latomus. 1974. T. 33. P. 858–869; *Scheda G.* Nero und der Brand Roms // Historia. 1967. Bd. 16. H. 1. S. 111–115.

считает его руководителями Плавтия Латерана, поэта Аннея Лукана и преторианских офицеров, Сульпиция Аспера и Субрия Флава (Tac. Ann., XV, 48–50). О заговоре знал префект претория Фений Руф, а после его раскрытия, трое из девяти трибунов преторианской гвардии были казнены, а четверо лишились своих должностей (ibid.). Среди заговорщиков были сторонники республики и монархии, другие хотели ограничить власть принцепса, но единственным, что объединяло заговорщиков, было желание устранить Нерона. Варианты новых императоров были разные (Фений Руф, Сенека и др.), но большинство сходилось на кандидатуре аристократа Гн. Кальпурния Пизона, а потому заговор получил именно это название («заговор Пизона»).

Заговор был раскрыт, Тигеллин вышел на его верхушку, начались казни и самоубийства. Многие заговорщики (Пизон, Латеран и др.) покончили с собой, другие были казнены (Tac. Ann., XV, 48–64). Заговор стал поводом для уничтожения большого количества неугодных сенаторов, политиков, и интеллектуалов, в числе которых были Сенека, группа стоиков во главе с Тразеей Петом и Бареей Сораном и автор «Сатирикона» Г. Петроний Арбитр. Многие представители интеллигенции ушли в изгнание. Сенат, всадничество и интеллигенция были обезглавлены, а невиданные ранее репрессии привели к тому, что императора ненавидели и сенат, и высшая бюрократия, и даже преторианская гвардия. Недовольства перекинулись и на провинции (ibid., XV, 54–57; 59–64; 66–72; XVI, 7–8; 14–19; 22–23).

В 66 г. был раскрыт новый заговор во главе с Аннием Виницианом (Suet. Nero, 36), однако, из-за утраты текста Тацита, мы не знаем деталей заговора. Виниций был приемным сыном Домиция Корбулона, и после него жертвами репрессий стали Корбулон и два легата Германии, Скрибониан Руф и Скрибониан Прокул (ibid., 36).

В 66 г. началось восстание в Иудее, поддержанное всеми слоями населения. После еврейского погрома в Цезарее, восстание охватило всю Иудею, Галилею и Самарию. Формально руководителем движения был первосвященник Анан, однако реально руководство все больше и больше переходило в руки радикально настроенных зилотов Иоанна Гисхальского. Армия легата Сирии Цестия Галла не могла взять Иерусалим, а на обратном пути римляне были разбиты партизанской армией Симона бар Гиоры.

Нерон отправил в Иудею три легиона и большие вспомогательные силы под командованием Тита Флавия Веспасиана. В 67 г. армия Веспасиана сломила сопротивление иудейских отрядов в Галилее, которыми командовал будущий историк Иосиф бен Маттафия, позже известный как Иосиф Флавий, и подошла к Иерусалиму. Тем не менее, штурм был отложен из-за событий внутри Империи.

В сентябре 66 г. Нерон отправился в Грецию с намерением выступить в качестве поэта и музыканта и доверив управление либерту Геллию (Suet. Nero, 23; Xiph., 177). Греки с восторгом встретили Нерона, и в конце 67 г. император объявил «свободу Греции», что означало ее право не платить налоги.

Впрочем, в начале 68 г. он был вынужден вернуться в Рим, а в марте 68 г. началось всеобщее восстание, охватившее самые романизированные западные провинции. Легат Лугдунской Галлии Г. Юлий Виндекс выступил с обвинениями Нерона на собрании галльских представителей и призвал жителей провинции к восстанию. К нему присоединились легат Тарраконской Испании Сер. Сульпиций Гальба и легат Лузитании М. Сальвий Отон. Виндекс и Гальба располагали большими силами провинциальных ополчений, но в распоряжении Гальбы были только один легион и небольшое число auxilia (Suet. Galba, 4). Все зависело от позиции армии.

Легат Верхней Германии Вергиний Руф вначале воспринял это восстание как сепаратистское движение. Взяв три легиона из Верхней Германии и добавив вексилляции нижнегерманской армии и auxilia, он встретил ополчение Виндекса у Вензотиона. Во время переговоров солдаты Вергиния атаковали отряды Виндекса. Разгром был полным, погибли 20 000 человек (Suet. Galba., 6; Xiph., 183), а Виндекс покончил с собой. Тем не менее, Вергиний объявил себя «легатом сената и народа», что означало отказ служить Нерону. Повстанцы объявили императором Гальбу, и его небольшая армия не встречая сопротивления, продвигалось к Риму. На сторону Гальбы перешла преторианская гвардия во главе с префектом претория Нимфидием Сабином, а сенат (впервые в истории Империи) объявил императора вне закона. 9 июня 68 г. Нерон покончил с собой.

Кризис эпохи Нерона, подготовленный политикой Тиберия и Калигулы, стало, вероятно, самым опасным кризисом после кризиса 44–31 гг. до н. э. Нерешенность внутренних проблем привела огромную державу к состоянию политического, финансового и социального краха. Снова встал вопрос о ее существовании, и Империи предстояла новая гражданская война.

Старый заслуженный сенатор, Гальба был «сенатским императором» в полном смысле этого слова и проводил просенатскую политику. Действия его ближайшего окружения были, однако, крайне непопулярны. Всем управляли три фаворита, легат Гальбы Тит Виний, префект претория Корнелий Лакон и либерт Ицел. Назначение Лакона префектом претория вызвало недовольство Нимфидия Сабина, пытавшегося поднять мятеж. Нимфидий был убит своими солдатами, однако теперь в дело вмешались другие силы.

1 января 69 г. четыре легиона в Верхней Германии отказались приносить присягу Гальбе. К ним присоединились четыре легиона Нижней Германии, и уже 7 января вся рейнская армия провозгласила императором легата Верхней Германии Авла Вителлия. К мятежу присоединились три британских легиона. При известии о мятеже Гальба начал подготовку к обороне. Его преемником стал аристократ Гн. Кальпурний Пизон Лициниан, выходец из старой республиканской аристократии. Особый интерес

представляла форма усыновления, когда Гальба сделал это на солдатской сходке «по примеру божественного Августа и по солдатскому обычаю», заявив, что ищет преемника не в рамках своей семьи, не «в рамках всего государства», что было явно реакцией на банкротство династического принципа, выдвинувшего Калигулу и Нерона. Выбор Пизона вызвал недовольство преторианцев и бывшего союзника Гальбы М. Сальвия Отона, рассчитывавшего на то, что преемником будет он (Tac. Hist., I, 42–48; Plut. Galba, 27; Xiph., 179).

15 января 69 г. преторианцы подняли мятеж. Гальба и Пизон были убиты, вскоре погибли Виний и Ицел. Императором стал Отон. Новый император проявил незаурядный ум и энергию. Опираясь на поддержку преторианцев, он добился поддержки сената и консолидации правящей элиты, а в его окружении были видные военачальники, Вергиний Руф, Марий Цельс и Светоний Паулин. Ему присягнули дунайская и восточная армии. Возникала перспектива выхода из кризиса.

И, тем не менее, противник был сильнее. Почти 100-тысячная армия Вителлия шла через Галлию двумя колоннами (армии Авла Цецины и Фабия Валента). Отон собрал 30-тысячную армию, на помощь которой шли четыре легиона дунайской армии. Главные советники Отона, Марий Цельс и Светоний Паулин, советовали затягивать войну до их подхода. 30-тысячная армия Цецины двигалась к Пенинскому перевалу, а 40-тысячная армия Валента — к Коттийским Альпам, сопровождая свой

путь грабежами и насилием. Целью Отона было не допустить соединения этих армий, однако после серии неудач и поражения у Касторы, Цецина и Валент все же соединились. 14 апреля 69 г. в битве у Бедриака армия Отона потерпела поражение, после которого Отон покончил с собой, не желая продолжения войны (Tac. Hist., II, 40–45; Plut. Otho, 11–14; Suet. Otho, 9).

Военная анархия продолжалась. В июле 69 г. все восточные армии (три легиона Веспасиана в Иудее, четыре легиона в Сирии и три легиона в Египте) по инициативе легата Сирии Муциана и префекта Египта Тиберия Юлия Александра провозгласили императором Веспасиана. 20-тысячная армия Муциана двинулась на запад, но поскольку главные силы восточной армии были скованы осадой Иерусалима и обороной восточной границы, все зависело от позиции дунайских войск.

Впрочем, последние выступили против Вителлия, даже не дожидаясь подхода Муциана. Армия Антония Прима (пять легионов и auxilia) вторглась в Италию. Энергичный военачальник договорился о нейтралитете войск, находившихся в Испании и Британии, а на Рейне началось восстание германцев во главе с Юлием Цивилисом (Tac. Hist., II, 83–86).

Главные силы Вителлия (около 50 000 человек) выступили навстречу Антонию Приму, уже действовавшему в Италии. В октябре 69 г. в новой битве при Бедриаке дунайская армия наголову разбила вителлианцев (Tac. Hist., III, 21–25; Xiph., 198). После победы, на плечах противника легионы Прима

ворвались в Кремону, а отчаянный штурм города стал финалом этой второй битвы при Бедриаке, после чего началась резня, пожары и грабеж города, длившийся четыре дня. Потери достигли 50 000 человек с обеих сторон (Tac. Hist., III, 15–25).

Армия Антония Прима шла по Италии. На сторону Веспасиана перешел Мизенский флот, затем сдались оборонявшие Апеннины войска Альфена Вара (около 30 000 человек) и горные племена марсов, пелигнов и самнитов (Tac. Hist., III, 55–63; Xiph., 199). После неудачной попытки Вителлия отречься и гибели брата Веспасиана Флавия Сабина, последовали штурм и захват столицы войсками Прима и убийство Вителлия (20 декабря 69 г.) (Tac. Hist., III, 84–85; Suet. Vit., 16–18; Xiph., 202).

Гражданская война 69 г. закончилась, став завершением кризиса 60-х гг. до н. э. Его итогом стали разорение западных провинций, пожар Рима, огромные потери среди правящей элиты, начало антихристианских репрессий, разорение Иудеи и Британии, большое восстание на Рейне, полное расстройство финансов и экономический кризис — все это было ценой правления Нерона, во многом ставшего итогом правления Юлиев-Клавдиев. Империя снова «потеряла время» и теперь вставал вопрос о воссоздании прежней Империи Цезаря и Августа.

Кризис заставил ускорить процессы, начатые основателями Империи — развитие системы принципата, провинциализация сената, управленческого аппарата и армии, расширение внесенатского аппарата и превращение Римской Империи

в Средиземноморскую. Наверное, были еще два опасных следствия. Во-первых, явное ухудшение положения на границах, которое казалось незыблемым со времен войн 4–17 гг. н. э., когда Рим преодолел предыдущий кризис. Во-вторых, именно этот период нанес Империи сильнейший моральный ущерб, и после Нерона было уже трудно считать Империю чем-либо иным, кроме режима деспотизма, террора и произвола. Принципату пришлось перейти к обороне в идеологии, и именно с этого времени установилось мнение, что переход к Империи был негативным процессом, уничтожением «свободной республики» и установлением узурпационного авторитарного режима. Плутарх пережил эти события в зрелом возрасте и написал биографии Гальбы и Отона, и эта война, несомненно, повлияла на его творчество.

29 декабря 69 г. сенат провозгласил Веспасиана императором. В дошедшей до нас уникальной надписи (Dess., 244), подробно перечислены все полномочия, которые получал новый правитель, со скрупулезными ссылками на полномочия Августа, Тиберия и Клавдия. Мы видим знаменитую формулу, разрешающую императору совершать «все, что нужно ради величия и пользы государства из божественных, общественных и частных дел» (ibid., 244, 26–29). Все, сделанное им или по его приказу до вступления закона в силу, считалось волей сената и народа, и Веспасиан получал освобождение от всех законов, от которых освобождались его предшественники. В конце закона следовало sanctio,

устанавливавшее приоритет данного закона над всеми остальными. Хотя закон опирался на традицию предшественника, основатель новой династии старался оговорить свои права более тщательно, чем его предшественники, чья власть основывалась на династизме и неформальной auctoritas[47].

Как и для Августа, для Веспасиана вопрос о власти был особенно важен. Он принял титулы Цезаря и Августа, сан великого понтифика и титул отца отечества. В 73 г. впервые после Клавдия император ввел цензуру, а его коллегой был его сын Тит. Одновременно с оформлением собственной власти император создал династию. Старший сын Тит (тоже Тит Флавий Веспасиан) получал проконсульский империй и трибунскую власть, став формальным, а отчасти и реальным соправителем отца. Он же руководил главными императорскими службами, префектурой претория и дворцовыми канцеляриями.

Веспасиану досталось тяжелое наследие. Гражданская война 69 г. подорвала престиж власти, и после Тиберия, Калигулы и Нерона, ее стали воспринимать как тиранию, сменившую «свободную республику». В Италии царила военная анархия, продолжались Иудейская война и восстание Цивилиса, и даже Антоний Прим утрачивал контроль над армией.

---

[47] *Premerstein A. von.* Vom Werden und Wesen des Prinzipats. S. 123; *Гримм Э. Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I. С. 103; *Levi M. A.* I Flavi // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 177–207; *Егоров А. Б.* Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса. С. 150–158.

Только прибытие Муциана частично стабилизировало положение. Антоний Прим получил пост наместника Ближней Испании, а вскоре стал частным лицом. Несколько вителлианских легионов были расформированы, а пять легионов ушли на Рейн. Теперь новая рейнская армия состояла из трех дунайских легионов (VIII Augusta, XI Claudia, XIII Gemina), одного легиона из бывших моряков Равеннского флота (II Adiutrix — Tac. Hist., IV, 68), двух легионов из Испании (I Adiutrix, VI Victrix) и одного из Британии (XIV Martia Gemina Victrix). На дунайскую границу возвращались паннонские легионы, а прибытие большого количества хлеба из Египта значительно улучшило снабжение Италии и Рима, ликвидировав перспективу надвигающегося голода (Tac. Ann., IV, 52).

Гражданская война прервала подавление восстания в Иудее. В конце 67 г. верх в Иерусалиме взяли зилоты Иоанна Гисхальского, а в 69 г. в город вошла армия Симона бар Гиоры. Несмотря на разногласия, повстанцы наладили оборону. В 69 г. военные действия возобновились, командующим стал Тит, армия была усилена еще одним легионом и вспомогательными частями. В мае 70 г. римляне пошли на штурм. Сломив стойкое сопротивление защитников, легионы Тита прорвали все три линии внешних укреплений. В июне пала башня Антония, один из главных опорных пунктов обороны, в августе римляне захватили Храм, а в сентябре пал последний форпост повстанцев, Верхний город.

В 71 г. Тит отпраздновал пышный триумф. Симон бар Гиора был казнен, Иоанн Гисхальский умер

в римской тюрьме. Военные действия продолжались до 73 г., когда пал последний оплот восставших, крепость Масада. Война привела к страшному разгрому Иудеи. Потери были огромны, страна лежала в развалинах, многие попали в рабство, значительная часть населения ушла в диаспору. Религиозная организация, включая должность первосвященника и синедрион, была ликвидирована. Население ненавидело римлян, и, спустя 60 лет, здесь начнется новое восстание. Иудея стала, быть может, самой большой неудачей римской политики и ее преступлением.

Путь, намеченный Цезарем, был наиболее приемлемым и мог бы привести к позитивным результатам, но его преемники, включая Августа, пошли по другому пути. Положение усугублялось при Тиберии, обстановка накалилась до предела при Калигуле, несколько «разрядилась» при Клавдии, но все завершилось грандиозным восстанием при Нероне. Положение в Иудее повлияло и на общее положение в восточных провинциях, а «след» Иудейской войны помешал Риму одержать полную победу над Парфией. Эта, по сути, бессмысленная война была столь же бессмысленна, как и борьба Империи с христианством, считавшимся «иудейским суеверием». Эта война, как и весь кризис 60-х гг. I в. н. э. фактически сделали окончательно невозможным выполнение плана Цезаря в его полном объеме.

Кризис 60-х гг. снова обострил другую проблему, германскую. Летом 69 г. Антоний Прим договорился со знатным батавом Юлием Цивилисом

о восстании против Вителлия. Вместе с другими германскими племенами (фризы, каннинефаты и др.) он атаковал лагерь в Кастра Ветера и, только собрав все свои силы, легат Нижней Германии Гордеоний Флакк с трудом отразил наступление повстанцев (Tac. Ann., IV, 13–22; 23–37). После гибели Вителлия, войска, находившиеся на Рейне, принесли присягу Веспасиану, но Цивилис объявил войну за независимость, которая стала всеобщей (ibid., IV, 56–66). К повстанцам примкнули галльские племена треверов и лингонов, а многие солдаты Вителлия перешли на их сторону. Теперь инсургенты контролировали всю линию Рейна, а в восстании соединились борьба германцев против Рима, галльский сепаратизм и отголоски гражданской войны (ibid., IV, 36–37; 57–66).

На Рейн были направлены восемь легионов Петилия Цереалиса, при подходе сдалась большая часть галлов, а треверы были разбиты у Августа Треверов (Трира). Осенью 70 г. римляне переправились на остров батавов, и Цереалис вступил в переговоры с самим Цивилисом (ibid., IV, 66–67; V, 14–23). Из-за отсутствия рассказа Тацита мы не знаем, на каких условиях был заключен мир, но теперь рейнская граница была восстановлена.

Отношения с сенатом оставались сложными. Вместе с тем, Веспасиан начал их восстанавливать. Прекратились процессы об оскорблении величия, были наказаны деляторы, а император начал активно пополнять сенат представителями муниципальных и провинциальных элит, из числа которых

вышли многие деятели более позднего времени (Анний Вер, Гней Юлий Агрикола и др.). Веспасиан даже подчеркивал свою дружбу с Тразеей Петом и, вероятно, впервые попытался наладить отношения со стоической оппозицией. Впрочем, пока это было сложно, и, после ряда конфликтов, он велел казнить нового лидера этой оппозиции, зятя Тразеи Гельвидия Приска. Тем не менее, трудный путь к «антониновскому согласию» начался именно с Веспасиана.

Впрочем, главным достижением Веспасиана была финансовая стабилизация. В начале правления дефицит казны достиг 40 млрд сестерциев (Suet. Vesp., 16), а финансы были расстроены правлением Нерона и гражданской войной 68–69 гг. Методы были разными. Усиливался налоговый гнет и, вместе с тем, упорядочивался сбор налогов. В 73 г. Веспасиан ликвидировал «свободу Греции» (ibid., 9), платить налоги начали «свободные общины» (Родос, Самос, Византий и др.) и районы добычи сырья. Одновременно идет сокращение расходов, включая расходы на армию, преторианцев и двор. Вероятно, больше, чем его предшественники, Веспасиан контролировал работу эрария, а его скупость становилась темой многих анекдотов (ibid., 19; 23).

Мир принес новое экономическое оживление. В 76 г. идет активное строительство дорог в Африке, в 78–79 гг. — в Италии и Греции. Появились новые муниципии в Паннонии, Мезии и Далмации, и ветеранская колония в Сирмии. В 73 г. вся Бетика получает римское гражданство, а в 74–84 гг. статус муниципия получили 350 испанских

городов[48]. Если при Юлиях-Клавдиях зоной сплошной романизации стала Галлия, то Флавии усилили романизацию Испании.

Активизировалась строительная программа. В Италии строились города и дороги. В 71 г. был восстановлен храм Юпитера Капитолийского в Риме, восстанавливались храмы Януса и Минервы, а в 73 г. император расширил границы померия и отстроил набережную Тибра. В 75 г. появился Форум Веспасиана. Создается знаменитый флавианский стиль, отличавшийся величием и монументальностью. В 77 г. была построена новая библиотека, а латинские и греческие риторы стали получать весьма значительное жалование от государства (100 000 сестерциев).

Веспасиан вывел Империю из кризиса, и его меры, зачастую непопулярные, создали основу для будущего процветания Империи. Впервые после Августа Империя всерьез вернулась к его политике, восстановила престиж центральной власти, прекратила большие провинциальные восстания, наметила перспективный поворот в провинциальной политике и восстановила свое экономическое и финансовое положение. Началось пока еще медленное наступление римлян. В 75 г. они заняли Декуманские поля, соединив линии Рейна и Дуная, а с 77 г. Гней Юлий Агрикола начал наступление в Британии.

Веспасиан умер 23 июня 78 г. Его единственным преемником стал его сын и соправитель Тит (79–

---

[48] О массовом даровании прав гражданства при Веспасиане см.: *Циркин Ю. Б.* Древняя Испания. С. 217–223.

81 гг.), характер правления которого трудно определить из-за его кратости. Источники сообщают о двух стихийных бедствиях, извержении, Везувия (79 г.) и пожара Рима (80 г.). Об извержении Везувия (24 августа 79 г.), приведшего к гибели трех процветающих городов, Помпей, Геркуланума и Стабий, подробно пишут Плиний Младший и Дион Кассий (Plin. Epist., VI, 20; Xiph., 213–214), а Светоний и Дион Кассий описывают пожар Рима, бушевавший три дня и три ночи, в результате которого пострадали многие постройки южней части Марсова поля и Капитолия (Серапейон, Мусейон, Септа, Нептуний, Термы Агриппы, Дирибиторий, театр Бальба и театр Помпея, портик Октавии, библиотека и даже храм Юпитера Капитолийского).

Император очень активно включился в борьбу со стихийными бедствиями, при этом продолжая строительную программу. Его короткое правление было объявлено «золотым веком» Империи. Тит был известен своими роскошными зрелищами (Suet. Tit, 4), прекращением репрессий и жесткими мерами против деляторов (Xiph., 212; Suet. Tit, 9), а историки пишут о его доброте, мягкости, щедрости и милосердии (Suet. Tit, 3–8; Tac. Hist., II, 1, 5; Epit. de Caes., 9), что воскрешало идею милосердия Цезаря, тем более, что Веспасиан-младший имел репутацию выдающегося полководца.

Впрочем, есть и другая традиция, и мы видим несколько образов Веспасиана-младшего: образ энергичного, волевого и жестокого полководца времен Иудейской войны, деятельного, но жестокого

соправителя отца времен принципата Веспасиана и, наконец, образ щедрого, харизматичного и обаятельного императора во время своего правления. Имеем ли мы дело с единым образом или с разными историческими традициями, но этот принципат стал известным символом флавианского подъема. Осенью 81 г. Тит внезапно заболел и умер, ходили слухи, что его отравил брат, Домициан, бывший его преемником.

Принципат Домициана (81–96 гг.) был одним из самых сложных правлений эпохи принципата I–II вв. н. э. Продолжая основные линии правления Веспасиана, Домициан вернулся ко временам Тиберия, Калигулы и Нерона, снова поставив Империю на грань гражданской войны, а после событий 68–69 гг., Империя перестала относиться к этому явлению как к далекому прошлому[49].

---

[49] Обзор историографии правления Домициана показывает явную тенденцию к «реабилитации» этого императора и, как и в случае с Тиберием, мы явно видим противостояние историографии и традиции источников (Тацита, Плиния и Диона Кассия). Впрочем, как нам представляется, именно репрессивная тенденция создала угрозу гражданской войны. См.: *Dorey T. A.* Agricola and Domitian // G&R. 1960. Vol. 7. No. 1. P. 66–71; *Plecket H. W.* Domitian, the Senate and the Provinces // Mnemosyne. 1961. New Ser. Vol. 14. P. 296–315; *Waters K.* Traianus Domitiani Continuator // AJPh. 1969. Vol. 90. No. 4. P. 385–405; *idem.* The Reign of Trajan, and its Place in Contemporary Scholarship (1960–72) // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 381–431; *Kienast D.* Nerva und das Kaisertum Trajans // Historia. 1968. Bd. 17. H. 1. S. 51–71.

См. также: *Егоров А. Б.* Домициан и Траян, деспотизм и просвещенная монархия // Античное общество: проблемы

Новое правление началось 14 сентября 81 г., когда Домициан был провозглашен императором и утвержден сенатом (Suet. Dom., 2, 3; Xiph., 216). Тит был обожествлен (Suet. Tit., 11), принял проконсульский империй и трибунскую власть, а также — титул Августа и сан верховного понтифика. В традициях Флавиев он монополизировал консульство, получив рекордное число консульств (82, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 92 и 95). Он же поставил рекорд по числу императорских аккламаций: 7 в 84 г., 14 в 87 г. и 21 или 22 в 89 г.

С самого начала правления Домициан взял титул «отца отечества» (pater patriae — Dess. 268) и даже вышел за пределы традиции, требуя, чтобы его называли «господином и богом» (dominus ac deus — Suet. Dom., 22; Aur. Vict. Caes., 11, 2; Epit. de Caes., 11, 6), Рим наполнялся статуями императора, и уже с самого начала отказался приносить клятву не казнить сенаторов без согласия сената в целом (Dio, 57, 2). Наши источники сообщают, что репрессии начались с самого начала правления, хотя обычно они начинают называть конкретные имена только начиная с 86–87 гг. В это время среди жертв режима называют Г. Ветулена Кивику Цереалиса (Tac. Agr., 42; Suet. Dom., 10), Сальвидиена Орфита и Мания Ацилия Глабриона (Suet. Dom., 10), причем, дело последнего, вероятно, было связано с преследованием христиан.

политической истории / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 114–122. Характеристику времени Домициана как кризиса см.: *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. М., 1981. С. 5–16.

В целом, политика Веспасиана и Тита продолжались. Резко увеличилось число прокураторов: при Августе их было 25, при Нероне — 45, а при Домициане — 62[50]. Усиливается роль совета принцепса и префекта претория, а источники сообщают о засилии вольноотпущенников Домициана. Всадники начинают занимать руководящие посты в императорских канцеляриях (Suet. Dom., 7, 2), и, вероятно, Домициан был первым императором, попытавшимся вытеснить сенат и сенаторов из управления. Вместе с тем, он был не чужд популизма, и наши источники сообщают о его роскошных играх, раздачах и угощениях для народа (Suet. Dom., 4, 5).

Продолжается строительная программа, во многом связанная с пожаром Рима в 80 г. Строительство нового Форума, достроенного Нервой, храма Минервы, завершение строительства Колизея и Большого Цирка, храма Флавиев и многих других построек. В 92 г. строится огромный дворец на Палатине, превосходящий все, что было ранее[51]. Как писал Г. С. Кнабе: «Флавианская пышность, яркая энергия и тяжелая беспокойная мощь — это конкретное, выражение преобразующей силы человека, его умение создать искусственную среду, властвовать над природой достигла кульминации при Флавиях и должна была уступать новым принципам отношений человека и окружа-

[50] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 103.

[51] Там же. С. 12.

ющего мира, построенным на более органичном единстве»[52].

Финансовое положение скорее усложнилось. В наследство от Тита Домициан получил пожар Рима 80 г., много тратилось на строительные программы, зрелища и собственный культ. Резко увеличились военные расходы, что было связано с обострением военной обстановки (Suet. Dom., 7, 2; 12). Светоний даже пишет об истощении казны к концу правления (ibid., 7; 12).

В своей религиозной политике Домициан усиливал значение культов Юпитера и Минервы, на Марсовом поле строились храмы Веспасиана и Тита, появилась и арка Тита, воздвигнутая в честь победы в Иудейской войне. Летом 86 г. император учредил игры в честь Юпитера Капитолийского, а в 88 г. с огромной помпой были устроены Секулярные игры. Часто религия становилась предметом репрессивной политики.

Репрессии резко усилились после восстания наместника Верхней Германии Л. Апония Сатурнина (88 г.), поднявшего два легиона, стоявшие в Могонтиаке. Против Сатурнина были брошены огромные силы: четыре легиона Л. Анния Норбана из Нижней Германии, два легиона из Верхней Германии и испанский легион М. Ульпия Траяна. Из Рима во главе преторианской гвардии выступил сам император. Впрочем, Сатурнин был разбит Норбаном еще до подхода других войск, не успев

[52] Там же.

соединиться с идущими к нему на помощь германцами (Suet. Dom., 6, 2; Xiph., 221; Aur. Vict., 11, 10).

Террор усилился после этого восстания, и Тацит считает, что основные репрессии начались после 93 г. Все авторы пишут о систематическом уничтожении «первейших людей» и применении пыток (Xiph., 218; 224; Suet. Dom., 10–11; Tac. Agr., 44–45). Среди жертв упоминаются Л. Элий Плавтий Ламия Элиан, племянник Отона Л. Сальвий Отон Кокцеян, Меттий Помпузиан, Муциан Прокул и многие другие, а репрессии зачастую носили внесудебный характер (Suet. Dom., 10–11; Xiph., 220).

Уничтожались определенные группы людей. В 88–89 гг. была разгромлена группа философов-стоиков (Арулен Рустик, Юний Маврик, Сосий Сенецион и др.), одни из которых были казнены, а другие изгнаны из Рима (Plin., Epist, III, 11, 5). Разгром был завершен общим изгнанием философов (прежде всего, стоиков и киников) из Рима (Suet. Dom., 10, 3; Xiph., 222), среди изгнанников были Эпиктет и Дион Хризостом. Началось преследование астрологов, а в 95 г. происходит второе (после Нерона) гонение на христиан, среди жертв которого были семья двоюродного брата императора Флавия Клемента и аристократ Маний Ацилий Глабрион.

В 80–90-е гг. I в. Империи пришлось вести, вероятно, самые тяжелые внешние войны со времен императора Августа. Гней Юлий Агрикола продолжил наступление в Британии (Tac. Agr., 22–3), пик которого пришелся на 83–84 гг. Агрикола дошел до северной части острова и разбил британцев в большом

сражении у Граупийских гор. Римский флот объехал вокруг всего острова, и Агрикола предложил проект полного подчинения Британии (ibid., 23), однако Домициан остановил наступление.

Отчасти это было вызвано началом двух больших войн. В 82 г. римляне отразили наступление хаттов и с большими силами (пять легионов, вексилляции и auxilia) под началом самого Домициана вторглись на правый берег Рейна, заставив хаттов отступить в леса (Tac. Agr., 39; Germ., 37).

Впрочем, самая трудная война шла на Дунае, где римлянам противостояли племена квадов и маркоманнов на верхнем Дунае, тогда как на среднем и нижнем Дунае находились скифские племена язигов, роксоланов и др. Тем не менее, главным противником стало Дакийское царство Децебала. В 85 г. даки вторглись в Мезию, разбив находящиеся там римские войска. Усилив армии до семи легионов, император вытеснил даков из Мезии. Сильная армия Корнелия Фуска перешла Дунай и вторглась вглубь Дакии, но была разбита. Поражение было очень значительным (Iord. Get., 77; Suet. Dom., 6, 1; Tac. Agr., 41; Mart., VII, 76; Oros., VII, 10; Eutr., VII, 15).

В 88 г. новая армия Теттия Юлиана выступила из Виминака, прошла через Железные ворота и разбила даков у Тапы (Dio, 67, 10, 2). Стороны заключили мир. Децебал выдал всех пленных, а Домициан признал его царем даков, стал выплачивать дань и дал римских инженеров для строительства крепостей. Как раз в это время произошло восстание

 Апония Сатурнина, а на Дунае пришли в движение квады и маркоманны.

В 92 г. отряд Веллея Руфа ударил в тыл римлянам, а в Паннонию были переброшены два новых легиона, однако война была неудачной, а один из легионов (XXI Rapax) был разбит. Римляне не смогли реализовать план Цезаря, и теперь, вероятно, впервые в наступление перешел «варварский мир», все больше становящийся не объектом экспансии, а активно действующей стороной.

В 93 г. Домициан расправился с двумя префектами претория и своим двоюродным братом Флавием Клементом и его женой Домициллой, что означало отстранение от власти двух их сыновей, которых Домициан, не имея более близких родственников, сделал своими наследниками. В сентябре 96 г. против Домициана возник заговор, в который вошли его жена Домиция, префект претория Педаний Секунд и кубикулярий Парфений. Убийство осуществили кубикулярий Стефан и люди Парфения. Казалось, что ситуация 68 г. может повториться.

Период 69–96 гг. стал переломным в истории Империи. Со сцены сошла республиканская знать, а оставшаяся ее часть растворяется в италийской муниципальной элите, постепенно пополняясь за счет провинциальных элит, особенно из Галлии и Испании. Многие из будущих деятелей эпохи Траяна начали карьеру при Флавиях и стали видными деятелями будущей эпохи: М. Анний Вер, Л. Лициний Сура, Л. Юлий Урс Сервиан, Марий Приск, Кв. Глитий Агрикола и др. Среди них были и люди,

ставшие идеологами новой эпохи. Корнелий Тацит и Плиний Младший, а, в известной степени, Плутарх и Дион Хризостом, с которых началось «греческое возрождение». Многие из них помнили времена Нерона и почти все пережили Домициана. Это были люди, которых Г. С. Кнабе называл «третьей силой»[53], люди практически мыслящие, привыкшие работать на Империю, а потому лояльные по отношению к власти, впрочем, требующие от императора того, что он требовал от них — конкретной работы на благо Империи.

Начинает подготавливаться то, что позже определяло эпоху Антонинов, активное сотрудничество императора и сената. Выросло число сенаторов-провинциалов, с 16,8 % при Веспасиане до 23,4 % при Домициане[54], а постепенно число сенаторов из провинций неуклонно росло. Время Флавиев стало временем эволюции внесенатского аппарата, уже ставшего неотъемлемой частью управленческого аппарата Империи. Продолжалась провинциализация армии: в германских легионах служили италики, галлы и испанцы, в дунайских — уроженцы дунайских и балканских провинций, в восточных — жители Малой Азии и Сирии, а египетские легионы все больше напоминали местную милицию.

Время Флавиев стало временем слияния Италии и провинций. Колонизация шла в Паннонию, Галлию, Испанию и Африку. Галлия и Испания уже

---

[53] Там же. С. 38–55.

[54] Там же. С. 14.

имели римское гражданство, на очереди была романизация Греции и Малой Азии. Культура времен Августа была италийской, теперь она становилась все более интернациональной. Тацит был галлом, Сенека, Лукан, Квинтиллиан и Марциал — испанцами, Стаций, Силий Италик, Плиний-младший и Ювенал — италиками. Начиналась деятельность представителей «греческого возрождения» (Плутарха, Эпиктета, Диона Хризостома), начал писать Иосиф Флавий. Это была и эпоха начала новой, христианской культуры: время создания Евангелий, Посланий Апостолов и апокалиптических сочинений.

Впрочем, пока что главной задачей было избежание новой гражданской войны. Победившие заговорщики сделали императором М. Кокцея Нерву, 66-летнего сенатора из старой италийской семьи, прошедшего долгую политическую карьеру и бывшего ординарным консулом 71 и 90 гг., в обоих случаях вместе с императорами, Веспасианом и Домицианом. По сообщению Филострата, в 93 г. он находился в ссылке в Таренте (Philostr. Vita Apoll.,VII, 33), но в момент убийства Домициана, Нерва был в Риме. Сенат с радостью принял его кандидатуру, а от имени Нервы выступил один из лидеров сената Аррий Антонин (Epit. de Caes., 12, 3; SHA. Pius, 1, 1).

Правление Нервы стало реакцией на правление Домициана (Suet. Dom., 2, 3; Dio, 68, 4; Plin. Pan., 52; Lact. De mort. pers., 3; Eus. H. E., III, 25), а Дион Кассий пишет об уничтожении деляторов (Xiph., 227). Впрочем, наиболее значительных из них кампания не затронула.

Более активно проходило возвращение изгнанников. Из ссылки вернулись представители стоической оппозиции, Юний Маврик, Фанния, Аррия, Г. Юлий Басс, Валерий Лициниан (Plin. Epist., IV, 22, 4–6; Epit. de Caes., 12, 5). Вероятно, вернулись и другие жертвы репрессий Домициана, Эпиктет и Дион Хризостом. Либерализация, возможно, затронула и христиан. Как и Тит, Нерва дал обязательство не казнить сенаторов (SHa. Aurel., 4, 2; Tac. Agr., 6, 3; Eutr., VII, 1). Плиний Младший хвалит политику Нервы (Plin. Epist., II, 1, 3; VII, 33, 9; Pan., 6), а Тацит пишет, что император попытался соединить «принципат и свободу» (principatum et libertatem) (Tac. Agr., 3).

Нерва пошел на сокращение строительной программы Домициана (Plin. Pan., 51) и гладиаторских игр, и именно с него начался поворот от флавианской помпезности к более социально ориентированным программам. Постройки эпохи Траяна отличались от грандиозных сооружений типа Колизея, Золотого Дома Нерона, дворца Домициана и уже не изобиловали императорскими статуями, архитектура все больше и больше ориентировалась на практические и социальные нужды, строились жилые дома, акведуки, склады, мосты и другие хозяйственные постройки[55]. Все это проявилось во времена Траяна, но первые шаги делал уже Нерва.

Новшеством Нервы было возведение системы благотворительности в ранг государственной

[55] *Соколов Г. И.* Римское искусство // Культура древнего Рима. В 2 т. Т. I. М., 1985. С. 395–403.

программы, когда император начал обеспечивать, беднейшее население за счет муниципальных налогов и средств казны (Xiph., 227; Epit. de Caes., 12, 4). Согласно уже забытой республиканской традиции, он предложил закон о раздаче земель в Италии и выводе колоний и провел его через народное собрание. Другим его действием было установление льгот на наследство (Plin. Pan., 37).

Кризис возник уже в 97 г. Первым его проявлением стал заговор Кальпурния Пизона, а после его раскрытия, Нерва ограничился ссылкой Пизона в Тарент (Xiph., 227; Epit. de Caes., 12, 6). Впрочем, основной угрозой были преторианцы во главе с префектом претория Касперием Элианом. В сентябре-октябре 97 г. под угрозой расправы Нерва был вынужден выдать им Петрония Секунда, Парфения и других заговорщиков, которые были перебиты (Epit. de Caes., 12, 7; Xiph., 228). Плиний считал положение крайне серьезным.

Впрочем, Нерва сделал единственно правильный шаг, пойдя на сближение с армией и ее командованием. Ординарным консулом 97 г. стал Вергилий Руф, знаменитый полководец и победитель при Вензотионе в 69 г., а суффектами — Л. Анний Вер, Нератий Приск, Глитий Агрикола, Л. Лициний Сура, Аррий Антонин и будущий знаменитый историк, Корнелий Тацит[56], будущие деятели новой эпохи. Наконец, был сделан последний шаг — 27 октября 97 г. преемником Нервы и его младшим соправите-

[56] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 70–73.

лем был назначен самый значительный из римских военачальников того времени, командующий легионами Верхней Германии, Марк Ульпий Траян. Как отмечает Р. Ханслик, все войска Империи находились в руках его друзей, родственников и сослуживцев или, по крайней мере, его единомышленников[57]. В Нижней Германии стояли три легиона его друга Л. Лициния Суры, в Верхней Мезии — три легиона Кв. Глития Агриколы, в Нижней Мезии — два легиона Л. Юлия Марина, в Британии — три легиона М. Метилия Непота, в Сирии — три легиона Яволена Приска, в Каппадокии — два легиона Т. Помпония Басса[58]. Согласно общему мнению современников, последующих античных авторов и современной историографии, этот выбор позволил избежать гражданской войны. Траян принял власть, передав командование в Верхней Германии своему родственнику и доверенному лицу Л. Юлию Урсу Сервиану (SHA. Hadr. 2, 6). Бунт преторианцев немедленно закончился. Касперий Элиан прибыл к новому императору, был сослан в Colonia Agrippina и убит солдатами, бунтовавшие преторианцы были распущены, а новым префектом претория стал еще один надежный сторонник Траяна С. Атилий Субуран. Гражданские войны ушли в прошлое, и на сей раз надолго, и эта важнейшая часть плана Цезаря, продолженная Августом, наконец, была реализована.

---

[57] *Hanslik R. M.* Ulpius Traianus // RE. 1965. Supplbd. 10. S. 1042–1045.

[58] Ibid. S. 1040–1041.

Сложная эпоха I–II вв. н. э. в полной мере отразилась в литературе. Эпоха Августа отмечена новым всплеском поэзии, начавшимся с Катулла и Лукреция.

Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.) был самым значительным поэтом эпохи Августа и вообще — крупнейшим поэтом Рима. Он жил на рубеже двух эпох, гражданских войн и принципата. Вергилий родился возле Мантуи в семье зажиточного землевладельца и получил хорошее образование в Кремоне, Медиолане и Риме. В конце 40-х гг., видимо, во время Перузийской войны, он пострадал от переделов земли и лишился поместья, которое вскоре вернул при помощи Мецената, создавшего вокруг себя литературный кружок[59].

Первым произведением Вергилия, стали 10 эклог, написанных в 42–39 гг. до н. э. под влиянием Феокрита и объединенный в сборник «Буколики». Это было одно из первых произведений, в полной мере выразивших тягу населения Италии к миру, покою и стабильности. Идея обновления, вероятно, наиболее полно выражена в 4 Эклоге, написанной в форме пророчества. Появившееся в 40 г. до н. э., в год Брундизийского соглашения, оно предрекает рождение божественного младенца, который принесет на землю «золотой век». Не совсем ясно, кто

[59] Русский перевод Вергилия см.: *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. М., 1971 (2-е изд. 1979).

конкретно имелся в виду, ожидаемый ребенок Октавиана и Ливии, возможные дети Антония и Октавии (40 г. был годом их вступления в брак), есть версия, что речь шла о сыне покровителя Вергилия Азиния Поллиона. Возможно, что пророчество давалось в неопределенной форме, просто выражая общую надежду на мир и обновление. Христиане видели в нем намек на рождение Христа[60].

В 29 г. до н. э., когда гражданские войны, наконец, закончились, по прямому заказу Мецената Вергилий пишет поэму «Георгики» (в 4-х книгах). Цель была очевидна: поэт должен был создать наставление по сельскому хозяйству и призвать к восстановлению разоренной войной Италии. Книги посвящены, четырем основным составляющим сельского хозяйства: земледелию, скотоводству, садоводству и разведению пчел. «Георгики» продолжали тему «Эклог», поэтизацию Италии и пафос мирной созидательной жизни, намечая и новую идею Рима, которая получит свое развитие в «Энеиде».

«Энеида» стала вершиной римского эпоса, римским аналогом «Илиады» и «Одиссеи». В начале поэмы Эней прибывает в Африку, где встречается с карфагенской царицей Дидоной. Любовь Энея и Дидоны описана поэтом с величайшим мастерством, но именно теперь происходит кульминация трагического конфликта, когда Эней получает приказ богов

---

[60] *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. В 2 ч. Новосибирск, 1992 (2-е изд. 1994).

плыть в Италию, где он должен основать новый город, а Дидона кончает с собой. Этот сюжет еще ранее стал объяснением конфликта между Римом и Карфагеном, потомками Энея и потомками Дидоны.

На VIII книгу приходится политическая кульминация поэмы. Эней сходит в подземное царство, где его отец Анхиз показывает ему судьбу Рима от него самого до Августа, с приходом которого наступает «золотой век». Вероятно, как никто другой, Вергилий выразил идею Рима как силы, сближающей народы, и его цивилизаторскую миссию, и, если первая часть (рассказ Энея о своих странствиях) ассоциируется с «Одиссеей», то вторая (кн. 8–12) близка к «Илиаде». Эней прибывает в Лациум, женится на дочери царя Латина Лавинии и побеждает царя рутулов Турна.

В конце жизни, работая над «Энеидой», Вергилий выехал в Грецию, затем вернулся в Италию вместе с Августом и вскоре умер. В самом конце жизни он испытал тяжелый духовный кризис, запретил публиковать «Энеиду» и даже пытался ее сжечь. Поэма была опубликована по приказу Августа, и Вергилий официально считался первым поэтом Рима, в чем, однако, не сомневались ни его современники, ни последующие поколения. «Век Цицерона» сменился «веком Вергилия» , а эпос Вергилия стал великим эпосом созидания.

Современник Вергилия Кв. Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.)[61] был сыном либерта и родился в Ве-

[61] Русский перевод: Гораций Флакк Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова.

нузии. Отец дал ему прекрасное образование, поэт учился в Риме, а затем продолжал образование в Афинах, где его и застала гражданская война, а в 42 г. Гораций стал военным трибуном в армии Брута и участвовал в битве при Филиппах. Затем он некоторое время жил в Италии и, получив амнистию, вернулся на службу. Вергилий ввел его в круг Мецената, и Гораций стал придворным поэтом. После смерти Вергилия, место «первого поэта» занял Гораций, а в 17 г. до н. э. он написал гимн, исполненный на Секулярных играх. Поэт получил имение в сабинской области, где и прожил остаток жизни.

Между 41 и 30 гг. до н. э. Гораций пишет две книги сатир, названных «Беседы» (Sermones) и написанные гекзаметром, а с 20 по 13 г. до н. э. появились две книги «Посланий» (Epistulae). В четырех книгах «Од», также получивших название Carmina («Песни») поэт выстраивает свою гражданскую позицию.

В ранних стихах очень сильна идея осуждения гражданской войны и тяги к миру, а в 16 Эподе звучит глубокий пессимизм и отчаяние, желание бежать от людей на Острова Блаженных[62]. Поэт не щадит и себя, осуждая собственное участие в гражданской войне, а в одной из «Од» появляется идея государства как потерявшего управление корабля. Постепенно тон становится спокойнее, Гораций

М., 1970; Гораций Флакк Квинт / Пер. с лат. В. С. Дурова. СПб., 1993.

[62] *Межерицкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. С. 355–357.

прославляет победу Октавиана Августа и пропагандирует его политику, победы над внешним врагом и борьбу за исправление нравов. Его идея, что принципат сделал мир более безопасным, была искренне выстраданной идеей.

Если Вергилий выражал идею конца гражданских войн и установления августовского pax Romana, то Гораций был современником уже установившегося принципата, а потому особое место в его творчестве занимают темы любви и личной жизни. Развивая идеи эпикурейцев, он советует ловить мгновение, уходить от переживаний и придерживаться «золотой середины» (aurea mediocritas). Большое значение имеют и «Сатиры», бичующие пороки общества и принесшие Горацию немало врагов. Впрочем, сборник нашел поддержку у Августа, увидевшего в нем средство пропаганды своих моральных реформ.

Гораций вошел в римскую литературу как стилист и теоретик поэзии. В «Посланиях» есть письмо, адресованное братьям Пизонам, которое содержит стихотворный трактат «Искусство поэзии» (Ars poetica) (Hor., II, 3), основные положения которого стали поэтическим каноном. Многие его требования совпадали с требованиями Цицерона, предъявляемыми к оратору. Стремление к совершенству и осознание своей миссии, образованность, знание философии и права — таковы требования, которые предъявляет к поэту Гораций. Он должен ценить свою миссию, быть гражданином, осознающим свой долг перед государством и обществом, и изучать

людей, чтобы его образы были живыми и реалистичными. Пафос миссии поэта выражен в знаменитей 30 Оде III книги, чаще известной как «Памятник».

Более молодые поэты уже воспринимали августовский pax Romana как данность. Тибулл и Проперций застали эти войны еще детьми, и в их стихах эта тема уходит на второй план.

Альбий Тибулл (54–19 гг. до н. э.) принадлежал к кругу Валерия Мессалы и почти не затрагивал политические мотивы. Его главная тема — красота природы и любовная лирика, и Тибулл, возможно, стоит у истоков образа поэта эпохи Принципата, человека, живущего вдали от треволнений жизни, и ушедшего в мир своих чувств и переживаний.

Секст Проперций (ок. 40–15 гг. до н. э.) происходил из Умбрии и принадлежал к кругу Мецената. Характерной чертой его творчества было сильное влияние александрийской поэзии, особенно — Каллимаха. В своих стихах Проперций отразил быт Рима, кроме того, у него было немало реминисценций из мифологии, а одна из главных тем творчества Проперция — это его любовь к образованной и прекрасной даме полусвета, которую он именует Кинфией.

В определенном смысле эта поэзия отходит от гражданственности поэзии Вергилия и Горация, но она также отражала реальность — картину мира и покоя, возможность забыть о напряженной политической жизни — и это было как раз тем, что дал «римский мир» и что, в общем, глубоко ценили Цезарь, Август и их ближайшее окружение.

Несколько иную судьбу мы видим на примере жизни последнего великого поэта эпохи Августа, П. Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Овидий происходил из старинной богатой всаднической семьи из города Сульмона. Получив прекрасное образование в Риме, а затем в Греции, он пытался служить на государственной службе, но затем стал вести частную жизнь богатого римлянина.

В молодости его темой была любовная лирика, и уже первый цикл стихов «Песни о любви» (Amores) в трех книгах сделал поэта весьма популярным, а его следующая поэма Ars amatoria («Искусство любви») была попыткой проследить все этапы развития любовного романа от начала до конца и дать соответствующие рекомендации читателям. Дополнением к этим поэмам была маленькая поэма «Лекарство от любви».

Овидий был полностью лоялен по отношению к Империи, власти и лично Августу, однако, он писал о любви и был необычайно популярен в обществе, включая его верхи. От столь популярного поэта требовалась и гражданская тема — стихи о победах Рима, его славном прошлом и его обновлении. Мы видим то особенно бережное отношение, которое проявлял к Катуллу Юлий Цезарь, но после событий 44–31 гг. до н. э. оно стало невозможным. Вероятно, Август увидел в поэзии Овидия протест против брачных законов, а «Искусство любви» вызвало откровенный гнев императора, и Овидий попытался выйти из этой сложной коллизии.

Появляется большая поэма «Метаморфозы» («Превращения»), где с глубоким знанием мифологии описаны ситуации превращений в греческих и римских мифах, связанных с богами, героями и людьми. Богатство образов, изобретательность и остроумие, красота языка сделали «Метаморфозы» одним из лучших произведений римской поэзии. В поэме много разделов, посвященных официальной идеологии: она начинается с описания царства Сатурна и темы «золотого века», а заканчивается превращением Цезаря в звезду и восхвалением Августа.

Другой, вероятно, самый значительный труд Овидия, «Фасты», был посвящен систематическому обзору памятных дат и государственных и народных праздников и стал неоценимым пособием в области римской религии и обычаев. Овидий задумал поэму как сочинение из 12 книг (по числу месяцев), но написал только шесть.

В 8 г. н. э. Овидий был внезапно выслан из Рима по личному приказу Августа. Местом ссылки стал город Томы (совр. Констанца). Часто ссылку Овидия связывают с поэмой Ars amatoria, появление которой совпало с делом Юлии Старшей (2 г. до н. э.), однако с этого времени прошло почти десять лет, а поэт, к тому же счастливый в своем втором браке, становился все более лоялен к власти и писал «Метаморфозы» и «Фасты». Ссылку также связывают с событиями заговора Юлии Младшей (8 г. н. э.) и с посещением поэтом сосланного на о. Планазию Агриппы Постума, последнего из оставшихся в живых внука Августа.

252 Овидий тяжело перенес свое изгнание. Он сжег «Метаморфозы», которые были восстановлены по спискам, и, уже находясь в Томах, написал пять книг «Скорбных элегий» (Tristia) (12 г. н. э.) и «Послания с Понта» (13–16 гг. н. э.), основной темой которых была страстная ностальгия по Риму и просьбы о помощи ко многим влиятельным друзьям, среди которых был и Германик. Овидий просил о помиловании Августа и Тиберия, но так и не добился возвращения и умер в 17 г. н. э., в год отправления Германика на восток. Последние годы жизни поэта — область гипотез, но существует явное совпадение с ключевыми датами отстранения от власти представителей ветви Юлиев (2 г. до н. э., 8 г. н. э.), с которыми Овидий, несомненно, был связан, а также — судьба казненного за свой труд, написанный при Августе, Кремуция Корда (Tac. Ann., IV, 34–35; Dio, 57, 24), могут свидетельствовать о том, что поэт стал жертвой уже «нового принципата» (ibid., XIII, 1), когда Август полностью подчинился логике передачи власти. След гражданской войны снова затронул литературу.

Принципат Августа создал великую поэзию, ставшую образцом и недостижимым идеалом для будущей поэзии Римской Империи, а великие поэты создали памятник не только себе, но и своим покровителям, Августу, Меценату, Валерию Мессале, Азинию Поллиону и другим сподвижникам первого принцепса.

Всемирная Империя создавала всемирную историографию. Первым таким трудом был труд Диодо-

ра Сицилийского (80–29 гг. до н. э.) (см. выше), однако, вероятно, самым значительным представителем стал Тит Ливий, создавший великий труд, который должен был обобщить весь исторический опыт Рима. Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) был уроженцем североиталийского города Патавия (совр. Падуя) и происходил из состоятельной семьи. Ливий получил прекрасное образование и, оказавшись в Риме в 27 г. до н. э., год установления принципата, он, по словам Тацита, считался одним из друзей императора. Ливий писал свой труд всю жизнь, начав его после реформ 27 г. до н. э. и завершив в 14 г. н. э., а после этого удалился в Патавий, где и умер. Великий историк сошел со сцены вместе с Августом. Труд Ливия назывался «История Рима от основания Города» (чаще — просто Ab Urbe condita). В этом труде Ливий описал всю историю Рима, от Энея до 9 г. до н. э., года смерти Друза Старшего. До нас дошли 35 книг, книги 1–10 (от Энея до 293 г. до н. э.) и 21–48 (от начала Второй Пунической войны, до битвы при Пидне, т. е. 218–168 гг. до н. э.). Остальной труд можно представить по его краткому содержанию, эпитомам или периохам, которые имеются ко всем книгам, кроме 137–138, а также — по трудам его бревиаторов, Флора, Евтропия и других.

Ливий излагает всю историю Рима, его путь от небольшого поселка на Тибре до огромной Империи. После изложения истории 753–293 гг. до н. э. (кн. 1–10), Ливий продолжает изложение войн в Италии (кн. 11–15), переходит к Первой (кн. 16–20) и Второй (кн. 21–30) Пуническим войнам и великим

 завоеваниям (кн. 31–45), а затем к кризису 50–30-х гг. II в. до н. э. (кн. 46–56). В силу сохранности труда, Ливий предстает перед нами как историк раннего Рима, Второй Пунической войны и великих завоеваний 200–168 гг. до н. э.

Тем не менее, история гражданских войн — это основной блок этого сочинения (кн. 57–133), который завершился небольшим обзором принципата Августа (кн. 134–142). В этом разделе Ливий подробно пишет о Гракхах (кн. 56–60), Югуртинской и Кимврской войнах (кн. 64–68), Союзнической войне 91–88 гг. до н. э. (кн. 71–77), событиях 80-х гг., гражданской войне 83–82 гг. и диктатуре Суллы (кн. 77–80), войнах 70-х гг. (кн. 91–97), событиях 60-х гг. (кн. 98–103). Еще более полно освещены Галльские (кн. 103–108) и гражданская 49–45 гг. войны Юлия Цезаря (кн. 110–116) и гражданские войны 44–31 гг. до н. э. (кн. 117–133).

Ливий сделал в истории то, что Август сделал в политике, а Вергилий — в эпическом творчестве, сделав свой труд итоговым произведением римской историографии. Его источниками были фактически все авторы, которые упоминались ранее: вся римская летописная традиция от первых понтификальных хроник до «Великих анналов», изданных в 123 г. до н. э. П. Муцием Сцеволой, и вся традиция анналистов от Фабия Пиктора до Лициния Макра и Валерия Анциата[63]. Он много пользовался

[63] *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф, история. С. 596–604.

Полибием и Посидонием и собрал, вероятно, всю огромную историческую, мемуарную и биографическую литературу, относящуюся к гражданским войнам. Несомненно, его источниками были «Записки» Цезаря, труды Саллюстия и Корнелия Сизенны, и, конечно, произведения Цицерона. Этот великий труд занимает как бы центральное место в римской историографии, став источником и основой не только для трудов Флора, С. Юлия Фронтина, С. Руфа Феста, Аврелия Виктора и Павла Орозия[64], но и для трудов Аппиана и Диона Кассия и римских биографий Плутарха, которые, при всех очень многочисленных и подчас принципиальных расхождениях, следовали в русле его труда.

У Ливия много образов политических деятелей Рима, но главный герой его повествования — римский народ, и, как и у Вергилия, у него выступает идея Рима. Как писал Г. С. Кнабе: «образ Рима и его истории возникает у Тита Ливия из трех мотивов: Рим есть народное государство, основанное на свободе и законах; римское государство отличается от других своим высоким благочестием, обеспечивающим его союз с богами и их покровительство; римское племя ставят выше всех других народов и обеспечивают победу над ними свойственные ему несгибаемая энергия и могучая жизнестойкость»[65].

---

[64] *Немировский А. И.* Исторический труд Л. Аннея Флора // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977. С. 6–8, 29–30.

[65] *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф, история. С. 618.

Римская свобода (libertas) и умение преодолеть частные и групповые интересы ради интересов великого народа, дисциплина, отеческая власть и законность как гарантия этого преодоления. Основой свободы является добровольное подчинение власти закона и врожденной дисциплине, однако, при всей своей непреложности, закон должен быть лишен окончательности и догматизма[66].

Другой основой является благочестие (pietas). У Ливия очень много упоминаний о знамениях, обрядах и вопрошении воли богов, которые составляют «не только важнейший элемент государственности, но как бы ее субстанцию и подоснову»[67]. Благочестие — основа римской общины, а пренебрежение волей богов разрушает союз богов и людей и ведет к поражению, как это было, например, в сражении при Тразименском озере (Liv., XXII, 8, 10–12) и, наоборот, первое, что сделали римляне после страшного поражения при Каннах — это проведение соответствующих сакральных обрядов (ibid., XXII, 9, 7–10; 57, 1; XXIII, 11, 1–6). Благочестие помогает на войне, но оно же есть и дело мира, равно как и милосердие (clementia) и справедливость (iustitia) — главные добродетели Августа, воплощавшего образ своей Империи[68].

Важнейшее качество римлян у Ливия — их поразительная жизнестойкость и умение противостоять

---

[66] Там же. С. 620.

[67] Там же. С. 623.

[68] Там же. С. 623–628.

неудачам — таким было поведение римлян в худшие моменты их истории, после свержения царей и нападения Порсены (507 г.) (ibid., IX, 13, 3–5), галльского разгрома 390 г. (ibid., V, 51–55) поражения в Кавдинском ущелье (ibid., IX, 13, 3–5), сражений у Тразименского озера и Канн. «Можно было, — как бы говорит автор, — уклониться от борьбы, капитулировать, предпочесть тихое, неприметное существование, исполненное предельного напряжения сил и почти невыносимых испытаний, но римляне, верные своему героическому этосу, всегда сплоченные для воины и победы и хранимые богами за их благочестие делали иной выбор — шли на любые тяготы ради чести, победы и мирового главенства вечного мира»[69]. «Впрочем, — как позже отмечает Г. С. Кнабе, — то был не выбор героического пути наибольшего сопротивления, а обреченность единственного пути, который сулил выживание»[70].

В секрете римской победы присутствует еще одна идея, умение заключать мир и жить в мире, некое создание мировой справедливости, начинающееся с предания об основанном Римом убежище (ibid., I, 8, 1) и радости мира и объединения с сабинянами (ibid., 13, 6–8). Римские войны в изображении Ливия — это самозащита и защита союзников, постепенно приобретающая глобальную ориентацию, защиту цивилизованного мира от варварства и защиту мира от всех ферм насилия

[69] Там же. С. 639.

[70] Там же. С. 640.

и несправедливости. В отличие от социальной утопии, Ливий не подчеркивает стремления «осчастливить мир», как и для Вергилия, для него это печальная необходимость и воля богов, заставившие Энея покинуть любимую женщину, а Ромула — начать борьбу за власть в Альба-Лонге, и ни Юлий Цезарь, ни Август не были «людьми войны».

Впрочем, как и Август в политике, Ливий ставил своей задачей подвести черту под гражданскими войнами, которые занимали большую часть его труда (76 книг из 142). К сожалению, кратость эпитом делает все выводы весьма гипотетичными, но то, что гражданские войны занимали большую часть его труда, видно и из трудов Аннея Флора (Flor, III, 12; 15, 6; 16, 7; 17, 2; 17, 9; 18, 1–7; 10–14; 21, 1–5; 18–26; IV, 1–6; 2, 2–7; 2, 64–72; 2, 90; 20, 65–66), и из эпитом (Liv. Epit., 58–59; 60–61; 69; 71; 79–80; 86; 88–89; 117; 120; 128), и из труда Павла Орозия.

Эпитомы Ливия могут дать очень примерное впечатление об этой, возможно, первой и цельной концепции гражданских войн. Ливий начинает с явно негативного отношения к реформаторам, Гракхам (ibid.,77), Сатурнину (ibid., 69), Ливию Друзу (ibid., 71), Сульпицию (ibid., 77), Цинне (ibid., 79) и Клодию (ibid., 104). Он в ужасе от таких событий, как Союзническая война (ibid., 72–76), смута 87–86 гг. (ibid., 77–80), гражданская война 83–82 гг. (ibid., 85–88) и репрессии Суллы, восстания Сертория (ibid., 90–94; 96) и Спартака (ibid., 95–97), заговор Катилины (ibid., 102–103), гражданская война 49–45 гг. (ibid., 109–114) и, конечно, войны 43–31 гг. до н. э.,

изложенные в достаточно сдержанной и объективной форме, естественно, с глубокой симпатией к Октавиану Августу (ibid., 117–133). Отношение к Марию у Ливия очень сложное: он и победитель германцев (ibid., 67–68), и вдохновитель законов Сульпиция (ibid., 77) и инициатор резни 87 г. (ibid., 80). Можно увидеть сочувствие «делу Суллы», однако «прекраснейшая победа» была запятнана неслыханной жестокостью (ibid., 88). С гораздо большей симпатией он пишет о Помпее, Цезаре и Катоне, сожалея об их гибели (ibid., 111; 113; 115). Есть сведения, что Август в шутку назвал Ливия помпеянцем, а Кремуций Корд, ссылаясь на знаменитого историка, оправдывал собственные симпатии к сторонникам республики (Tac. Ann., IV, 34, 3). В эпитомах мы также видим явную симпатию к Цицерону (Liv., Epit., 120), отсутствие явных выпадов против Брута и Кассия (ibid., 115–116; 118–124), негативное отношение к Сексту Помпею, занявшемуся морским разбоем (ibid., 128), и Антонию после 36 г. (ibid., 130–133).

Примерно аналогичную картину мы видим у Флора, описавшего ключевые события этого времени: мятежи (seditiones) Гракхов, Сатурнина и Друза (Flor, III, 13–16), кровопролитнейшую Союзническую войну 91–88 гг. (III, 18) рабские восстания (III, 19–20), гражданскую войну 83–82 гг. (III, 21), Серторианскую войну (III, 22), восстание Лепида (III, 23), заговор Катилины (IV, 1), гражданскую войну Цезаря и Помпея (IV, 2), Мутинскую (IV, 4) и Перузийскую (IV, 5) войны, войны с Брутом и Кассием (IV, 7), репрессии

триумвиров (IV, 6), войну с Секстом Помпеем (IV, 8), парфянское поражение Антония (IV, 10), войну с Антонием и Клеопатрой (IV, 11).

Ливий делал то, что делали Август и Вергилий: все они возвеличивали Рим, доказывали справедливость его завоеваний и пытались примирить расколотое войной общество. На Форуме Августа стояли статуи героев республики, «ряд» которых начинался с Энея и Ромула и примерно совпадал с «рядом» Ливия: Сципион и Катон Старший, Марий и Сулла, Цезарь и Помпей теперь стояли рядом друг с другом. Начинается реабилитация Цицерона, Помпея, Катона и даже Брута и Кассия. Проще всего было с Цицероном, считавшимся величайшим оратором Рима и символом его культуры. Подчеркивались и его выступления против Верреса, Катилины, Клодия и Антония. Что касается Помпея, то он оставался величайшим полководцем, уступавшим разве что только Цезарю, на первое место в деятельности которого выходят победы в Галльской войне, политика clementia и назначение своим преемником Августа.

Реабилитацию Катона начал уже Саллюстий (Sall. Cat., 54). Август был более сдержан и, также как и Цезарь, написал «Антикатон» (Suet. Aug., 85). Попытки примирить Цезаря и Катона могли бы сделать уже следующие поколения, которые, однако, наоборот привели к тому, что его образ стал символом борьбы с принципатом. Катон становился неким абстрактным образом несгибаемого республиканца, символом борьбы с коррупцией и другими

пороками, причем, идеологи принципата не особенно вдавались в глубокий анализ его конкретной деятельности (Verg. Aen., VIII, 670).

Гораздо сложнее было с Брутом и Кассием: простить им убийство Цезаря было нельзя, однако и Азиний Поллион, и воевавший в их армии Мессала Корвин и, наконец, Кремуций Корд, отзывались о них с крайним уважением.

Август терпел и откровенный республиканизм Азиния Поллиона, и верность своим убеждениям Мессалы Корвина и явную оппозиционность одного из лучших юристов своего времени М. Антистия Лабеона (ок. 54 г. до н. э. — ок. 10/11 гг. н. э.). В конце правления были репрессированы явные оппозиционеры, Тит Лабиен, сын Квинта Лабиена, возглавившего вторжение парфян, и Кассий Север, похоже, придававший своим трудам крайне оскорбительную форму (Suet. Cal., 16). Впрочем, Тацит относит эти сочинения к концу принципата, считая действия против них действиями уже новой власти.

Ливий стал крупнейшим историком эпохи Августа, а его грандиозный труд обобщил достижения традиции римских летописцев и историков, и при всей его критике за неточности и политическую тенденциозность, исходящей уже от последующей историографии, стал основой последующих трудов по истории Рима, также как и эпос Вергилия, и, вероятно, был первой попыткой прекратить гражданскую войну на страницах исторических трудов, что было не легче, чем в реальной жизни. Как оказалось, ни Август, ни Ливий не могли сделать это

в полной мере, а шутка Августа об известном «помпеянстве» Ливия имела очень глубокий смысл, однако основа для этого примирения была создана. Описывая борьбу патрициев и плебеев, Ливий, несомненно, сочувствует патрицианским лидерам, однако он способен понять и справедливость многих требований и действий народных трибунов, более всего ценя то время, когда стороны, наконец, договорились, и государство стало единым. Описывая победы Папирия Курсора, Сульпиция Петика и Фабия Руллиана с одной стороны, и Публилия Филона, Деция Муса и Попилия Лената с другой, Ливий перестает подчеркивать то обстоятельство, что одни из них были патрициями, а другие — плебеями, тем более, что со временем это имело все меньшее и меньшее значение. Основа была создана, и эту миссию продолжали уже Плутарх, Плиний и Тацит.

Греческие историки выполняли несколько иную задачу, уже намеченную в трудах Диодора — показать историю Рима в контексте всемирной истории и передать идею близости двух цивилизаций, греческой и римской.

Современник Ливия Дионисий Галикарнасский в 30 г. до н. э. начал писать труд «Римские древности», где постоянно подчеркивал близость греков и римлян и ее исконный характер. Сочинение Дионисия начиналось с Энея и заканчивалось Первой Пунической войной. Труд был завершен в 7 г. до н. э. и состоял из 20 книг, из которых дошли книги 1–9 и частично — книги 10–11, т. е. события до 443 г. Дионисий часто называет свои источники, старших

анналистов и особенно Фабия Пиктора и Катона, а также — младших анналистов, Валерия Анциата и Кв. Клавдия Квадригария. Еще в древнейшей истории Рима он находит множество экономических, политических, религиозных и культурных связей Рима и Греции.

Еще одну «Всемирную историю» в 144 книгах написал Николай Дамасский (ок. 64 г. до н. э. — начало I в. н. э.). Получив прекрасное образование и приобретя известность, как писатель и ритор, он стал воспитателем детей Антония и Клеопатры, а после 31–30 гг. до н. э. нашел нового покровителя в лице царя Иудеи Ирода и был его секретарем до 4 г. до н. э. После смерти Ирода, он уехал в Рим и жил при дворе Августа, а его «История» представляла собой огромный труд в 144 книгах, представивший единую историю Востока, Греции и Рима, который дошел до нас лишь в небольших фрагментах, Николай Дамасский написал и, возможно, первую дошедшую до нас биографию Августа.

Грек из Амасии Страбон (64/3 г. до н. э. — 24 г. н. э.) написал два огромных сочинения. Его «Исторические записки» дошли до нас в небольших фрагментах. Это была история создания Империи, начиная со 146 г. до н. э. и заканчивая 27 г. до н. э., т. е., по сути дела, история гражданских войн, вероятно, имевшая большое значение для написания биографий Плутарха.

«География» Страбона была огромным трудом, который дошел до нас полностью. Книги 1–2 посвящены общим вопросам географии, книга 3 представляет

собой описание Испании, книга 4 — Галлии, книга 5 — Италии и Рима, книга 6 — Великой Греции и Сицилии, книга 7 — Германии, Скифии и Иллирика. Наиболее подробны «греческие» книги, в книгах 8–10 дано очень детальное описание Греции, в книгах 11–14 — не менее полная характеристика Малой Азии, в книге 15 рассказывается об Индии и Иране, в книге 16 — о Ливии, в книге 17 — об Африке. Теперь римляне знали об Империи, в которой они жили.

Всемирные истории отражали несколько различные оттенки единой идеи Империи. Идея Рима как создателя Империи (Ливий) сочеталась с идеей этнического и культурного единства греков и римлян (Дионисий Галикарнасский) и идеей единства человечества (Диодор, Николай Дамасский). Появилась даже «антиримская» всеобщая история.

Уроженец Нарбонской Галлии Помпей Трог, современник Ливия, написал Historiae Philippicae в 14 книгах, начиная от эпохи легендарного царя Нина до времени жизни автора. История для него делится на период четырех великих Империй, Ассирийской, Вавилонской, Персидской и Греко-македонской, причем автора особенно интересует последняя, Империя Филиппа и Александра Великого. Труд Трога до нас не дошел, сохранившись только в переложении автора II в. н. э. Юстина (иногда его отождествляют со св. Юстином). Помпей Трог продолжает идеи Саллюстия о негативных последствиях превращения Рима в огромную державу. Эта концепция имела большее будущее, став

господствующей во времена победы христианства и раннего Средневековья. Продолжается расцвет мемуарной литературы, когда воспоминания писали многие видные деятели этой эпохи (Агриппа, Меценат, Валерий Мессала и другие), а политическим итогом правления Августа стал уникальный документ «Деяния божественного Августа». Эпоха первого принцепса отмечена и созданием других обобщающих трудов, «Об архитектуре» Витрувия Поллиона и словаря Веррия Флакка «О значении слов» (De verborum significatu). Впрочем, этот действительно великий ренессанс римской культуры заканчивался, начиналось другое время.

* * *

Во времена Юлиев-Клавдиев, вероятно, писали не меньше, чем в эпоху Августа, и все-таки многое изменилось. Прекратился тот небывалый духовный подъем, который сопровождал время первого принцепса, а тяжелая духовная атмосфера и политическая цензура воздействовали на многие литературные жанры и на общественную мысль в целом. Одни авторы стали придворными историками, другие уходили от общественной жизни, третьи скрывали свои оппозиционные взгляды, и лишь очень немногие могли высказывать их открыто. Эта конфронтация власти и культуры наметилась еще при Тиберии, когда власть начала наступление на собственную культуру и фактически объявила войну

собственной историографии, и завершилась при Нероне почти полным уничтожением культурного слоя общества.

В Империи того времени было много поэтов, но мы мало о них знаем. Стихи писали даже очень высокопоставленные люди, включая императорскую семью (Германик, Тиберий и считавший себя великим поэтом Нерон). Впрочем, образ поэта как человека, ушедшего от общественных проблем, становится все более понятным римскому обществу.

На этом фоне появляются несколько выдающихся поэтов. М. Анней Лукан (39–65 гг. н. э.), племянник Сенеки, получил блестящее образование и был известен уже в молодые годы. Поэтическая слава Лукана вызвала зависть Нерона, который запретил ему выступать. Негативное отношение к принципату, стоические убеждения и личная ненависть к Нерону сделали его принципиальным врагом императора, а, возможно, и принципата. В 65 г. он стал одним из руководителей заговора Пизона и покончил с собой, когда заговор был раскрыт, возможно, сделав это по приказу императора (Suet. Claud., 41)[71].

Основное произведение Лукана — поэма «Фарсалия» в 10 книгах, была посвящена гражданской войне 49–45 гг. до н. э., прежде всего, событиям борьбы Цезаря и Помпея, и стала последним манифестом республиканизма. Если в начале поэмы оппозиция только намечается, и поэт считает виновниками войны как Цезаря, так и Помпея, осуждая

[71] *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. С. 186–187.

стихию войны и восхваляя Свободу (libertas), то постепенно антицезарианский пафос усиливается, и главным виновником войны объявляется Цезарь, ставший олицетворением деспотизма и предтечей будущих правителей, включая Нерона. Режим Нерона оказывается уродливым порождением победы Цезаря, а Помпей и Катон — последними героями и защитниками республики.

Исполненное риторического пафоса, наполненное идеями рока, оракулами и пророчествами, резкими контрастами и натуралистическими сценами, произведение Лукана показывает, в какой тупик завела Рим политика Юлиев-Клавдиев с репрессиями Тиберия, зверствами Калигулы и полным развалом при Нероне. Если эпос Вергилия был эпосом созидания, то эпос Лукана стал эпосом разрушения. Дело было не только в идеологии, Лукан был одним из первых, кто начал реальную борьбу с режимом, а, в случае успеха заговора, мог стать человеком, имевшим реальную власть.

Другой поэт, М. Валерий Марциал (ок. 42–102 гг. н. э.), уроженец Испании, приехал в Рим и долго вел жизнь представителя римской богемы, а затем при поддержке Сенеки и Лукана, стал знаменитым и вернулся в Испанию в 98 г. В духе общей традиции Марциал льстил императорам (от Нерона до Домициана) и своим богатым покровителям, но в своих эпиграммах (18 книг, включавших около 1200 эпиграмм) он создает целую галерею образов (неверные жены и мужья, искатели наследств, патроны и клиенты, врачи-шарлатаны и т. п.), показав картину

упадка общественной морали. Марциал продолжил традиции Горация, но у него нет оптимизма его предшественника, и, если Лукан выступал против власти, то творчество Марциала было протестом против созданного этой властью общества.

Уникальным сочинением, сходным с эпиграммами Марциала, был роман Гая Петрония «Сатирикон», также показавший широкую панораму римской жизни. Автор этого внешне «аполитичного» романа был советником Нерона в области изящных искусств (arbiter elegantiae) и покончил с собой по приказу императора после раскрытия заговора Пизона (65 г.), к которому он, по всей вероятности, причастен не был.

Аналогичный кризис переживает общественная и историческая мысль и, если I в. до н. э. был «веком Цицерона», эпоха Августа — «веком Вергилия», то время Юлиев-Клавдиев стало «веком Сенеки».

Л. Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) был, несомненно, самым значительным представителем общественной мысли и «властителем дум» тогдашней Империи. Отец Сенеки, Л. Анней Сенека Старший (ок. 55 г. до н. э. — 40 г. н. э.), знаменитый ритор, оратор и правовед, был автором большого сочинения по риторике, продолжившего традиции Цицерона, и не дошедшего до нас исторического труда по истории гражданских войн[72].

Сенека Младший достиг вершины политической карьеры и небывалых творческих успехов. Он рано

[72] Словарь античности. М., 1989. С. 518–523.

начал ораторскую и политическую деятельность, едва не погиб при Калигуле (40–41 гг. до н. э.), продолжил свою деятельность при Клавдии, но в 45 г. последовала новая опала и ссылка на о. Корсику (45–48 гг. н. э.), а затем, после казни Мессалины (48 г.), был возвращен из ссылки Агриппиной Младшей и стал воспитателем Нерона.

В 54–58 гг. н. э. вместе с Афранием Бурром он стал фактическим главой правительства Нерона и автором политики «блестящего пятилетия», однако после смерти Бурра (62 г.) Сенека отошел от политической деятельности, а в 65 г. стал жертвой репрессий Нерона (Tac. Ann., XV, 59–64; Suet. Nero, 35). Сенека был очень плодовитым писателем, главное место в его творчестве занимали трактаты на морально-политические темы, «О милосердии», «О гневе», «О душевном покое», «О досуге», «О счастливой жизни» и др., а итогом его жизни стали «Письма к Луцилию» в 20 книгах.

Многие исследователи считают Сенеку стоиком, но хотя стоицизм оказал определенное влияние на его творчество, оно было глубже и оригинальнее. Сенека был также автором трактата «Естественнонаучные вопросы» (Naturales quaestiones).

Одной из главных идей Сенеки является избежание страха смерти, когда знаменитый философ советует сократить до минимума зависимость от внешнего мира. Эту философию породило не только состояние здоровья Сенеки, который был уже пожилым и больным человеком, но и политическая обстановка, создававшая постоянную угрозу расправы.

У Сенеки появляются новые идеи, ставшие продолжением политики Цезаря. Он подверг сомнению национальную и социальную исключительность римлян, считая, что люди равны по своей природе, а рабы — люди и товарищи по рабству перед судьбой и роком.

Еще более мрачны трагедии Сенеки («Медея», «Эдип», «Федра», «Агамемнон», «Неистовый Геркулес», «Геркулес на Эте», «Троянки», «Фиест»). Сенека во многом повторяет традиции Еврипида, но его пессимизм значительно глубже. В мире господствуют страсти и зло, а победа зла оказывается более последовательной, чем во всех трагедиях от Эсхила до XX в.

Историография известна хуже. Мы знаем немало имен людей того времени (Кремуций Корд, Сенека Старший , Ауфидий Басс, Сервий Нониан, М. Клувий Руф и др.)[73]. Кремуций Корд, Сенека и Ауфидий Басс писали историю гражданских войн, а Ауфидий посвятил свой труд войнам в Германии. М. Клувий Руф писал историю от Калигулы до Нерона и, вероятно, историю гражданской войны 68–69 гг. н. э.

Исторические труды писал знаменитый ученый Плиний Старший (23/4–79 гг. н. э.), автор «Естественной истории» в 20 книгах, впрочем, написанной уже во времена Веспасиана. Этот труд Плиния стал подлинной энциклопедией в области естествознания: астрономия, физика, география, зоология, ботаника, сельское хозяйство, медицина, живопись,

[73] *Бокщанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. С. 62.

скульптура. В своей I книге Плиний приводит список из 400 греческих и латинских писателей, сочинения которых он использовал при написании своего труда[74].

Из исторических сочинений Плиния известно сочинение, продолжившее труд Ауфидия Басса, в котором изложение было доведено до своего времени (Tac. Ann., XV, 53; Hist., III, 26) и историю войн с германцами в 20 книгах.

Быть может, единственным полностью дошедшим до нас историческим трудом является труд Веллея Патеркула (ок. 20 г. до н. э. — после 30 г. н. э.) в двух книгах[75], в которых изложена история Рима от Ромула до своего времени (т. е. до 30 г. н. э.). Впрочем, первая книга (вероятно, с лакунами) содержит всего 18 глав, тогда как главная, вторая книга состоит из 131 главы и посвящена гражданским войнам.

Концепция Веллея Патеркула более прямолинейна, чем сложная и не однозначная концепция Ливия, но она больше отражает идею принципата. Главными героями исторического труда Веллея Патеркула являются Цезарь (Vell., II, 41–58), Август (ibid., II, 59–85) и Тиберий (ibid., II, 95–131). Если Цезарь и Август прекратили гражданские войны и построили Империю, то Тиберий вывел ее из кризиса 4–11 гг. н. э.

---

[74] *Позднякова Н. А.* Место науки в системе мировоззрения // Культура древнего Рима. Т. I. С. 257–260.

[75] Подробный обзор см.: *Немировский А. И.* Веллей Патеркул и его время // «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985. С. 3–63.

272 Крен, естественно, делается в сторону Тиберия, тем более, что сам Веллей был участником войн в Германии и Паннонии. Лесть в адрес Тиберия, конечно, выдает тяжелую духовную обстановку этого времени, однако изменение концепции имело далеко идущие последствия[76].

Автор отдает дань и противникам: он с огромной симпатией пишет о Цицероне (Vell., II, 34, 5; 36, 2–5; 56, 2–5), с уважением отзывается о Катоне (ibid., II, 35) и о Помпее, которого считает выдающимся полководцем, сделавшем немало полезного для Римского государства (ibid., II, 29, 2; 31; 37; 40; 53, 3). Цицерон для Веллея Патеркула, прежде всего, величайший оратор Рима и создатель его культуры, а Катон предстает человеком высокого мужества и стойкости, противостоящим порокам современного ему общества. О Бруте и Кассии Веллей пишет мало, негативно, но сдержанно (ibid., II, 56, 3; 59, 1 — 62, 2–3), гораздо более гневно обличая Антония (ibid., II, 56, 4; 60, 4; 61; 64, 3–4; 66; 79, 6; 82; 85–86).

Веллей проявляет большой интерес к культуре, что также было традицией Цезаря и Августа, и дает очень подробный для столь небольшого труда обзор греческой и римской литературы (ibid., I, 5; 16–17; II, 9), упоминая Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Еврипида, Кратина, Аристофана, Эвполида, Филемона, Дифила, Сократа, Платона и Аристотеля, а также — знаменитых ораторов, историков

[76] Там же. С. 24–32, 38–40.

и комедиографов (ibid., II, 9). Другой большой обзор посвящен постройкам Августа (ibid., I, 10, 1; 11, 6; 13, 5; 81, 3; 100, 2). Политическая история и история культуры не отделяются друг от друга, но становятся единым целым.

Конец труда Веллея Патеркула определить достаточно легко. Он восхваляет Сеяна, называя его particeps imperii, что могло быть и, вероятно, даже было обязательным в 30 г., когда Сеян был фактическим соправителем, но стало невозможным после 31 г. После этого времени мы ничего не слышим и о Веллее Патеркуле, который вполне мог стать жертвой репрессий после разгрома заговора.

Империя Юлиев-Клавдиев нанесла сильнейший удар по империи Цезаря и Августа, и, быть может, этот удар был особенно сильным и болезненным именно в области духовной жизни и идеологии. Времена Вергилия, Горация и Ливия сменились репрессиями Тиберия и Калигулы, а затем — фактически тотальным уничтожением культуры при Нероне, и эта «уничтоженная культура» мало уступала культуре эпохи Августа.

Жертвами Нерона стали Сенека и Лукан, Петроний Арбитр и Тразея Пет, Барея Соран и юрист Кассий Лонгин. Тогда же погибли апостолы Петр и Павел и многие христианские проповедники, создававшие новую культуру. Погибали разные люди, часто не знакомые между собой, чуждые и даже враждебные друг другу, но ставшие жертвами одного режима. Это был не менее, а, возможно, и более тяжелый и трагический период в истории

 культуры, чем гражданские войны I в. до н. э., поскольку все это происходило в период «мира», а интеллектуалы времен Мария и Суллы уничтожались как политические деятели, а не как деятели культуры.

Римские интеллектуалы были не столь уж «безобидны». Их ответом стали ненависть Лукана, сатира Петрония, нравственный протест Тразеи Пета, безысходность философии Сенеки, мученическая смерть христиан. Это были не только слова — за ними последовали заговор Пизона, восстание Виндекса и Гальбы, свержение Нерона (68 г.) и полное осуждение его памяти, которое в Риме уже никогда не подвергалось пересмотру.

Вероятно, главным было даже не это. Время Юлиев-Клавдиев превратило не столь простое сотрудничество власти и культуры во взаимную ненависть, и именно тогда окончательно сложилось противостояние императора и сената, монархии и «республики», «цезаризма» и «катонизма» и «цицерониан-ства». Одна сторона была готова запретить Гомера и Вергилия, как это предлагал Гай Калигула, другая превращала в «силы зла» не только императоров династии, но и Цезаря и Августа. Создается обстановка, при которой римская интеллигенция стала считать позором любое сотрудничество с властями.

Веспасиан был одним из тех, кто явственно понял эту опасность. В стране только что прошла гражданская война, в Италии находились десятки тысяч неуправляемых легионеров, восстание Цивилиса могло перейти во всеобщее и полностью

дестабилизировать линию Рейна, война в Иудее вошла в самую острую фазу, экономика требовала огромных денег, однако этот очень практически мыслящий император нашел время и средства для восстановления отношений с деятелями культуры.

Ему было особенно трудно, поскольку на него распространялся образ жесткого, авторитарного, «малообразованного» правителя, вышедшего из «низов» и, в конечном счете, несмотря на дружбу с Тразеей Петом, Веспасиан не смог примириться с Гельвидием Приском и избежать его казни (Xiph., 207; Suet. Vesp., 13; 15). Тем не менее, процессы об оскорблении величия прекратились, а идея свободы (libertas) была уже не пустым звуком.

Веспасиан спас римскую культуру. Стал знаменитым Марциал, происходит расцвет творчества Плиния Старшего и Квинтиллиана, по совету императора начал писать Иосиф Флавий. Занялись творчеством отошедшие от дел политики времени Нерона, историк Клувий Руф, поэты Силий Италик и Папиний Стаций, на политическую арену вышли Плиний и Тацит, начинают писать Плутарх и Дион Хризостом. Все эти люди получали поддержку императора и, возможно, молодой, популярный и более образованный Веспасиан-младший должен был продолжить эту политику.

Силий Италик (ок. 25 — 101 гг.) пишет эпическую поэму «Пуническая война» в 17 книгах, в которой описывает Вторую Пуническую войну. Стаций (ок. 40–96 гг.) пишет эпические поэмы «Фиваида» (12 книг) и «Ахиллеида». Квинтиллиан (35–95 гг.), первый

ритор, который начал получать государственное жалование, написал большой труд «Наставление оратору» (в 12 кн.), в котором фактически возродил культурное «цицеронианство», Плиний Старший начал писать «Естественную историю» и исторические труды.

Домициан едва не прервал это развитие, начав целенаправленные репрессии против философов-стоиков (изгнание в 88–89 гг.) и киников, а также — против других групп интеллектуалов, среди отправившихся в изгнание были Арулен Рустик и историк Гермоген из Тарса (Plin. Epist., III, 11, 3). Именно у Домициана можно увидеть преследование тех групп, которые не вписывались в систему тоталитарного государства, созданного этим императором (астрологи, философы, иудеи, христиане).

Эпоха Флавиев дала одного, несомненно, великого историка. Иосиф Флавий (37 — после 100 г. н. э.)[77], происходил из знатной семьи иерусалимского жречества, получил прекрасное образование и был активным участником Иудейской войны (66–73 гг.). Назначенный командующим войсками в Галилее, он принял на себя первый удар армии Веспасиана в 67 г., а после героической обороны Иотапаты, попал в плен и наблюдал оставшуюся часть войны из римского лагеря. Веспасиан освободил его из рабства (отсюда имя Иосиф Флавий), позже он

---

[77] Издание сочинении с комментариями см.: *Иосиф Флавий*. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Генкеля. М., 1996. Т. 1–2.

стал римским гражданином и приступил к творческой деятельности.

Многие считали Иосифа предателем, и во многом именно по этой причине он начал писать свои труды, пытаясь показать причины воины — ошибочную политику римлян и экстремизм зилотов и других радикальных сил в самой Иудее. В сочинениях Иосифа Флавия видна попытка показать римлянам древнюю еврейскую культуру и сблизить оба народа, однако его положение было гораздо сложнее, чем положение Полибия и Плутарха, и, вероятно, лучшим произведением об Иосифе Флавии, показавшим всю глубину его трагической судьбы, является трилогия исторических романов Л. Фейхтвангера «Иудейская война», «Сыновья» и «И настанет день».

Иосиф Флавий стал историографом Иудейской войны (66–73 гг.), и его первый труд «Иудейская война» в семи книгах является одним из самых глубоких и сильных произведений о войне в античной историографии. Другое сочинение «Иудейские древности» в 18 книгах, написанное, как и все его труды, по-гречески, было посвящено истории еврейского народа от самого начала до восстания 66 г. В первых книгах он следует Ветхому Завету и описывает историю своей страны от сотворения мира до вавилонского плена (кн. 1–10), далее следует история персидского (кн. 11) и эллинистического (кн. 12–13) периодов, а затем — время римского господства от похода Помпея (63 г. до н. э.) до Иудейской войны (66 г. н. э.). Многие сведения

уникальны, и Иосиф Флавий дает панораму событий в Иудее на фоне огромной Римской Империи, ее восточных провинций и всего восточного мира от Малой Азии и Египта до Месопотамии и Армении. Вероятно, именно Иосиф Флавий, перу которого принадлежат еще два сочинения, «О древности иудейского народа» и «Против Апиона», а также — «Автобиография», которые, как и его большие сочинения, во многом предвосхитили эпоху Траяна, Плиния и Тацита, и «греческое возрождение», а его целью было осмысление одной из самых больных проблем и трагедий Римской Империи.

Примерно на это же время приходится расцвет христианской литературы. В период Иудейской войны, до и после нее появляются Евангелия. Временем начала 60-х гг.[78] обычно датируют первое евангелие, Евангелие от Марка, чуть позже (60–65 гг.) — Евангелие от Матфея, имеющее более раннюю основу. Евангелие от Луки, появилось в 61 г., а Евангелие от Иоанна — в 95–96 гг.

Хотя многие письма Павла были написаны при его жизни (30–50-е гг. I в. н. э.), окончательная редакция приходится на рубеж I–II вв. н. э. и примерно к этому времени можно отнести письма других апостолов. Апокалипсис Иоанна четко датируется временем гонения Домициана (96 г.), либо иногда его относят к неронову гонению (64 г.). Ко II в. н. э.

---

[78] Церковная датировка. См.: *Митрополит Кирилл (Гундяев)*. Слово пастыря. Бог и человек. История спасения. Издание Московской патриархии. М., 2004. С. 96–103.

основа Канона Нового Завета (четыре Евангелия, Деяния Апостолов, Апокалипсис Иоанна и 21 послание (14 посланий Павла, два послания Петра, три — Иоанна, одно — Иакова и одно — Иуды)) была уже создана.

Пока что христианская культура была в крайне сложных отношениях как с официальной римской культурой, так и с иудейской, и также сильно пострадала во времена Нерона и Домициана, но на рубеже I–II вв. н. э. она стала постепенно входить в общее русло античной культуры, и за ней было большое будущее.

Глава 4

Эпоха Траяна

Итак, 27 октября 97 г. преемником и младшим соправителем Нервы стал выдающийся военачальник Марк Ульпий Траян. Этот выбор предотвратил гражданскую войну. Плиний назвал его «выбором богов» (Plin. Pan., 1; 5, 8), сделанным «ради общего блага и спасения», когда сенат и народ наконец выбрали того, «кто мог спасти их и государство» (ibid., 5–6; Xiph., 228).

Карьера Траяна была блестящей. Он происходил из Италики в Испании из семьи потомственных колонистов, а его родителями были М. Ульпий Траян и Марция. Траян родился 19 сентября 53 г., начал военную службу в 19 лет и уже в 73–74 гг. стал легатом легиона, в 78 г. — квестором, в 84 г. — претором; в 89 г. он участвовал в подавлении восстания Антония Сатурнина, а в 91 г. стал ординарным консулом (Plin. Pan., 13–15; Dio, 67. 12, 2; Dess., 5044; 9243).

В 96 г. он был послан в Германию, а в 97 г. стал легатом Верхней Германии, командуя тремя легионами (VII Augusta, XI Claudia, XXII Primigenia). Как уже было отмечено, армия находилась в руках его

родственников, друзей, сослуживцев и единомышленников, многие из которых (Лициний Сура, Глитий Агрикола, Яволен Приск и Помпоний Басс) стали видными деятелями эпохи Траяна. Среди ближайшего окружения императора были и многие консулы 97 г., кроме Суры и Глития Агриколы, среди них были юристы Анний Вер и Нератий Приск. Общество только что избежало гражданской войны, а у власти оказался человек, более, чем кто-либо из его предшественников напоминавший Юлия Цезаря.

Траян принял власть, передав командование Л. Юлию Урсу Сервиану, своему родственнику и доверенному лицу (SHA. Hadr., 26). Бунт преторианцев прекратился, а пост префекта претория получил С. Атилий Субуран. До осени 98 г. Траян пробыл на Рейне, а затем отправился в Паннонию и Мезию. В 99 г. он вернулся в Рим, провел весь год в столице, в основном занимаясь подготовкой к войне. За это время он дал обязательство не казнить сенаторов, фактически подтвердив политику Нервы, наказал бунтовавших преторианцев и, видимо, уже тогда дал распоряжение расширить систему благотворительности, распространив ее на всю Италию[1].

---

[1] *Bourne F. C.* The Roman Alimentary Program and Italian Agriculture // TAPhA. 1960. Vol. 91. P. 59–69; *Garnsey P.* Trajan's alimenta. Some Problems // Historia. 1968. Bd. 17. H. 3. P. 367–381; *Veyne P.* Les 'alimenta' de Trajan // Les empereurs romains d'Espagne. Paris, 1965. P. 133; *Waters K.* The Reign of Trajan… P. 413–414; *Kloft H.* Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie. Köln, 1970.

Общество было уверено в наступлении нового «золотого века».

В 101 г. началась Первая Дакийская война. На Дунае была сконцентрированы 11 легионов и большое число auxilia (всего примерно 100 000 человек)[2]. В армии находились его лучшие военачальники, Лициний Сура, Глитий Агрикола, Ман. Лаберий Максим, Г. Цильний Прокул и др. Главные силы перешли Дунай у Виминака и прошли через Железные ворота. Вторая армия перешла Дунай у Дробетты и двинулась на северо-восток. Децебал пытался атаковать Мезию, но Траян продолжал наступление. В сражении у Тапы римляне одержали большую победу.

В 102 г. последовало большое наступление. Римляне одержали победу в новой битве возле столицы Дакии Сармизегетузы, после чего Децебал был вынужден заключить мир. Набеги на Мезию прекратились, даки выдавали римских пленных и переданных Децебалом инженеров и должны были отдать римлянам построенные ими крепости, а ряд областей Дакии были заняты римскими auxilia. У Дробетты появился каменный мост, решивший проблему переброски войск.

Стороны не считали войну законченной. Даки тайно готовили восстание, а Траян перебрасывал

---

[2] См.: *Waters K.* The Reign of Trajan… P. 418–420; *Златковская Т. Д.* Мёзия в I и II веках нашей эры (к истории нижнего Дуная в Римское время). М., 1951. С. 71–84; *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

в Мезию новые войска. Конфликт разразился в 104 г., когда Децебал атаковал римлян у Дробетты и разгромил командующего римскими auxilia Гн. Помпея Лонга. В 105 г. огромная армия Траяна (13 легионов и auxilia, т. е. примерно 120 000 человек) перешла Дунай и двинулась на Сармизегетузу. В большой битве даки были разбиты, город взят, а Децебал покончил с собой.

Дакия стала провинцией Империи. В короткий срок она подверглась очень сильной колонизации и романизации. В стране стояли три легиона, а Дакия стала мощным клином в массиве варварского мира. Весь мир Подунавья был под контролем римлян, а отдельные отряды доходили до Закарпатья. Возникла перспектива подчинения всего массива Центральной Европы, а экономические затраты были во многом компенсированы большим количеством найденного золота. Война, видимо, стоила немалых потерь и затрат, и приступить к новой, Парфянской войне Траян мог лишь спустя 10 лет. Впрочем, вплоть до 60-х гг. II в. угроза со стороны европейского варварского мира перестала существовать. Вероятно, это было то, чего 150 годами раньше хотел добиться Юлий Цезарь.

Одним из главных политических успехов Траяна было установление устойчивых и стабильных отношений с сенатом. Многие ученые отрицают какое-либо различие между политикой Домициана и Траяна, полагая, что власть нового императора была столь же абсолютна, сенат не в меньшей степени зависел от императора, а управление постепенно

переходило в руки внесенатского аппарата, который становился все более интернациональным[3]. Тем не менее, перемены все-таки были, террор прекратился, а власть Траяна была основана не на подавлении, а на добровольном консенсусе.

Император полностью контролировал армию, а политика Траяна, особенно после выигранной войны, совпадала с политическими идеалами сената и сенаторов и, что было особенно важно, Траян не проводил репрессий. Главным лозунгом нового императора были providentia, лозунг, отражающий политическую компетентность правителя, знание им проблем управления и умение найти верное решение[4], а также — misericordia (милосердие), indulgentia и liberalitas (щедрость), что отличало его от Домициана.

Нерва широко использовал идею libertas, подчеркивая, что убийство Домициана было возвра-

---

[3] *Petit P.* Le IIe siècle après J.-C. P. 355–357; *Waters K.* The Reign of Trajan… P. 396; *Millar F.* The Emperor, The Senate and the Provinces // JRS. 1966. Vol. 56 (1–2). P. 156ff.; *Levick B. M.* Imperial Control of the Elections under the Early Principate: Commendatio, Suffragatio, and «Nominatio» // Historia. 1967. Bd. 16. H. 2. P. 207–221; *Bömer F.* Der Eid beim Genius des Kaisers // Athenaeum. 1966. N 44. S. 77–133; *Pflaum H.-G.* Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain. Paris, 1960. P. 71; *Townend G. B.* The Post of AB Epistulis in the Second Century // Historia. 1961. Bd. 10. H. 3. S. 375–381; *Zuckerman L.* Essai sur les fonctions des procurateurs de la province de Bithynie-Pont sous le Haut-Empire // RBPh. 1968. T. 46. Fasc. 1. P. 42–58.

[4] *Béranger J.* La prevoyance (providentia) imperiale, et Tacite, Annales, I, 8 // Hermes. 1960. Bd. 88. S. 475–492.

щением свободы. Исследователи отмечают, что Траян, как и Домициан, использовал обозначение dominus (господин), а Плиний в «Панегирике» делает это 10 раз. Не было и прямой деификации, обычно Траян фигурирует не как deus (бог), а как dis simillimus (сходный с богами)[5]. Тема божественности власти часто фигурирует в «Панегирике» Плиния, когда он утверждает, что приход к власти Траяна — это воля богов и воля Юпитера (Plin. Pan., 1), а боги-покровители Рима дали его римлянам ради государства и общего спасения (ibid., 5, 8). Правящий император-бог сменялся божиим избранником Траяном, что, несомненно, меняло концепцию, и, в известной мере было некоей предтечей будущей языческой и христианской концепций императорской власти.

В «Панегирике» Плиний открыто заявляет о «перемене времен» (mutatio temporum) и своем намерении хвалить Траяна не как бога и кумира, но как гражданина и отца, противопоставляя его тирану и властолюбцу Домициану (Plin. Pan., 8). Траян достиг своего положения личными заслугами, и его выбор — это выбор наиболее достойного человека, прирожденного государя, выбор которого стал спасением для общества (ibid., 5). Плиний очень много пишет о конкретных делах нового императора, его военных победах и восстановлении порядка в армии (ibid., 4; 7–8), алиментарной

[5] *Егоров А. Б.* Домициан и Траян, деспотизм и просвещенная монархия. С. 118–119.

системе (ibid., 26–27), финансовой политике и строительстве (ibid., 37–39; 51). Наделенный огромной властью, Траян является «первым среди равных» и не забывает, что он — человек и управляет людьми (ibid., 8).

Плиний с восторгом пишет о первом появлении Траяна в столице в 98 г., когда император вошел в Рим пешком, шел медленно и спокойно, без телохранителей, окруженный сенаторами (ibid., 22, 3), соединяя в себе «уверенность уже давно правящего со скромностью лишь начинающего править» (ibid., 24). Он отменил закон об оскорблении величия (речь шла, видимо, не об обычной приостановке действия, но об официальной отмене) (ibid., 36; 42) и решительно расправился с деляторами (ibid., 34–35). Плиний хвалит его скромность (moderatio и modestia — Plin. Pan., 2–3; 16), щедрость и доступность (ibid., 2; 33; 48), постоянное общение с друзьями, открытость и гласность его правления. Траяна можно постоянно наблюдать, он сдержан, храбр, деятелен, строг, но снисходителен (ibid., 3–4; 30; 83), лишен высокомерия, роскоши, распущенности и жестокости (ibid., 3).

Многие высказывания Плиния могут быть восприняты как пропаганда или лесть царедворца, но за ними вырисовывается совершенно определенная концепция власти. Выдающийся полководец, политик, человек, достигший всего собственными заслугами и волей богов, «работающий император», являющийся не монархом, сосредоточившим свое внимание на собственной влас-

ти, но действующим главой государства, реально руководящим его работой — таков был образ Траяна, и это был образ нового Цезаря и нового Августа.

Казалось, что спустя 150 лет после Юлия Цезаря и его диктатуры, Империя, созданная Августом, пережив гражданские войны 44–31 гг. до н. э. трудности кризиса 4–11 гг. н. э., репрессии Тиберия, Калигулы и Нерона, кризис 60-х гг. I в. до н. э., гражданскую войну 69 г. и репрессии Домициана, равно как и другие тяжелые утраты и поражения, наконец, пришла к идеалам Цезаря. Переосмысливается и его собственный образ, и Плутарх издает образ «нового Александра». Позже эту идею будет развивать Аппиан, подчеркивая идею выхода из губительного кризиса гражданских войн, а затем — Дион Кассий, создавший образ строителя новой цивилизации.

Принцепс и сенат приходят к согласию. Сенат готов подчиняться абсолютной власти императора при условии, что он будет проводить политику в интересах Империи и с уважением относиться к сенату, прекратит репрессии и будет одерживать военные победы. Сенат становится государственным советом, которым руководит принцепс. Императорская власть и внесенатский аппарат были достаточно сильны, чтобы вытеснить сенат и его администрацию из области управления, но, вместо этого, Траян органично соединял две администрации, имперскую и сенатскую. Время Траяна открыло эру «антониновского согласия», которая

 существовала на фоне прогрессирующего расцвета Империи.

Переписка Плиния и Траяна в бытность Плиния наместником Вифинии в 113–116 гг. н. э. показывает полновластие принцепса. Наместник согласовывает с императором даже такие вопросы, как отправка архитектора в Вифинию, строительство бани в Прусе, организация пожарной дружины и строительство водопровода в Никомедии, засыпка клоаки в городе Визáнтии, перенесение городских касс, просроченные подорожные и т. п. (Plin. Epist., X, 23–24; 29–30; 33–34; 39–40; 43–44; 45–46; 54–55; 90–93). Усиление контроля центральной власти над провинциями могла быть и результатом возвращения Империи к курсу Цезаря и Августа.

При Антонинах, особенно при Траяне и Адриане, мы видим и другое: значительный рост старых городов, активное строительство новых, расширение муниципальной системы и возрождение местных органов власти, начиная от небольших деревень и заканчивая мегаполисами типа Карфагена, Александрии и Антиохии.

В Греции возрождается система региональных союзов, в числе которых были Дельфийская амфиктиония, Аргосский, Ахейский, Беотийский, Лаконский и другие союзы. Позже Адриан учредит Панэллинскую лигу, во Фракии Припонтийский союз городов появится при Траяне, а в малоазийских городах появляются региональные объединения во главе со жрецами императорского культа (азиархи, вифиниархи, галатиархи и др.). Традиционные

структуры сохранялись и в западных провинциях (Испании, Галлии, Африке)[6].

Сенат пополнялся выходцами из провинций. Если при Домициане они составляли 15,8 % от общего числа сенаторов, то при Траяне их было уже 34,5 %, при Адриане — 36,1 %, а при Марке Аврелии — 63,7 %[7]. Примерно аналогичные процессы происходят в имперском аппарате. При Траяне растет число сенаторов из Испании, в сенате появляются греки и выходцы из восточных провинций.

Усиливается и внесенатский аппарат. Сенаторские посты передаются всадникам, префектам и прокураторам. Основная реформа совета принцепса и императорских канцелярий произойдет при Адриане, но эта реорганизация во многом опиралась на ситуацию, создавшуюся при Флавиях и Траяне. В городах появляются кураторы, а со 109 г. они появились даже в «свободных городах». Власти брали муниципии под контроль, и вплоть до кризиса III в. н. э. это было выгодно обеим сторонам.

Эпоха Траяна стала временем грандиозного строительства. Ее символом стал огромный Форум Траяна (300 × 185 м) с конной статуей императора, базиликой Траяна (120 × 60 м), библиотеками, храмом Траяна и рынком, а также с огромной колонной

---

[6] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 180–185. По мнению Т. Моммзена жизнь в этих регионах существенно изменилась после Траяна, в связи со значительным усилением работ по обороне и началом активного развития экономики.

[7] *Hammond M.* Composition of the Senate, A. D. 68–235 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 77; *Petit P.* Le IIe siècle après J.-C. P. 367–368.

290 Траяна высотой в 39,3 м. Как полагает Г. И. Соколов: «Траян хотел подчеркнуть свое преклонение перед порядками доброй старой республики, особое внимание обратившей на постройки хозяйственного назначения и противопоставить себя Флавиям с их роскошью и помпезностью архитектурных форм»[8]. Форум Траяна начали строить в 107 г. и закончили в 111 г., а в 112 г. состоялось освящение (dedicatio).

Началось грандиозное строительство дорог, мостов и акведуков. Огромный мост через Дунай, мосты через реку Таг (Тахо) в Испании, мост в Августе Эмерите, Гардский мост в Южной Галлии дают представление об этом строительстве и грандиозных технических возможностях Империи[9]. Строится огромный акведук в Остии и другой, ведущий из Брангианского озера, множество складов и хозяйственных помещений.

В 108 г. началась большая реставрация дорог в Италии (Via Salaria, Via Flaminia, Via Latina, Via Puteolana), в 110 г. идет массовое строительство дорог на Балканском полуострове, в 100 г. в Кирене появилась дорога Кирена-Аполлония, еще одна дорога на Балканах, соединившая Перинф и Сердикку. В 108 г. появились гавани в Анконе, Таррацине и Адрии.

Строительство новых городов охватывало все новые и новые провинции, Паннонию, Рецию, Норик, Фракию, Германию, Мавретанию, что стано-

---

[8] *Соколов Г. И.* Римское искусство. С. 394–396.

[9] Там же. С. 393–394.

вилось огромным вкладом в развитие градостроительной программы Империи. В 100 г. появилась Ульпия Тамугади, в 104 г. — Ульпия Поэтовио, в 110 г. — Траянополь, Плотинополь, Августа Траяна и Маркианополь в Мезии, колонии Ульпия Оэска, Ульпия Ратиария, Ульпия Траяна, Сармизегетуза[10].

В 101 г. происходит расширение алиментарной системы, которая распространяется на всю Италию (Dio, 68. 5, 4; CIL XI, 1147; VI, 1492; XI, 1147; 4350), а для определения нуждающихся была создана комиссия из консуляров. Мальчики получали по 16, а девочки по 12 сестерциев. Позже эти программы продолжили и расширили Адриан и Антонин Пий.

«Правовая революция», начатая Цезарем, приобрела всеобщий характер именно сейчас, хотя этот процесс происходил все предыдущее время. Ценз 48 г. н. э., проведенный Клавдием, дал 5 984 072 человека (Tac. Ann., XI, 25), 1–2 млн из которых жили в провинциях. К середине I в. н. э. Галлия почти целиком получила римское гражданство, тогда же началось массовое предоставление гражданства в альпийских провинциях. К концу I в. н. э. во всех провинциях западной части Империи преобладало римское и латинское право, а во времена Траяна

---

[10] *Hanslik R. M.* Ulpius Traianus. Sp. 1045ff.; *Waters K.* The Reign of Trajan… P. 401–405. О небывалом строительном «буме»: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 134 (Реция), 144, 149 (Фракия, Мезия), 155–159 (Дакия), 164–166, 214–215 (Мезия, Фракия), 217–218 (Боспор), 346 (Аравия), 353–356 (Сирия), 449 (Египет), 463–464, 472 (Африка).

и Адриана наступила очередь греческих областей Империи, Греции и Малой Азии, что и вызвало «греческое возрождение», экономический, политический и культурный подъем греческого мира. Пик его пришелся на времена Адриана, однако уже при Траяне греки в большом количестве получали римское гражданство. Хотя жители Сирии и Египта получали римское гражданство главным образом при последних Антонинах и Северах, процесс также начинался при Траяне и Адриане. «Правовая революция» опоздала и здесь — огромная масса населения получила гражданстве уже в условиях начавшегося варварского нашествия 60–80-х гг. II в. н. э. Впрочем, пока что Империи предстояла, вероятно, лучшая эпоха в ее истории, а ее экономика и строительство никогда не приобретали столь высокого уровня и темпов развития. Апогея достигло и развитие торговли. Когда Траяна уже при его жизни и совершенно официально называли optimus princeps, эта оценка была вполне искренней. Гражданские войны, наконец, надолго ушли в прошлое.

В 113 г. Траян начал подготовку к новой большой войне, Парфянской. Еще в 106 г. римляне заняли Набатейскую Аравию, а еще ранее парфянский царь Пакор II (77–86 и 92–95 гг. н. э.) установил отношения о даками, а его преемник Ороз (Хозрой) (89–90 и 108–127 гг. н. э.) попытался посадить на престол Армении своего брата Экседара. Противники Империи тоже готовились к активным действиям, однако разгром Дакии создал для Траяна явное преимущество.

В 114 г. Траян прибыл в Антиохию, сосредоточив здесь 10 полных легионов (IV Scythica, VI Ferrata, V Traiana, X Fretensis, XVI Flavia Firma, XII Fulminata, XII Prmigenia, III Cyraenaica, III Gallica, XIII Gemina) и вексилляции четырех других легионов (I Adiutrix, XI Claudia, XV Apollinia, XXX Ulpia)[11]. Это были практически все силы двух главных армий Империи, дунайской и восточной.

Хозрой предложил убрать Экседара из Армении и заменить его правителем, более приемлемым для императора, Партомазирисом, однако Траян был настроен на полный разгром Парфии. Весной 114 г. римская армия двинулась вдоль северного Евфрата, перешла реку и вторглась в Армению. В Сатале его встретили представители армянской знати, однако во время личной встречи царь был низложен, а Армения стала римской провинцией.

Перезимовав в Антиохии, Траян начал наступление в Парфии. Воспользовавшись отвлечением Хозроя на восточных границах его царства, император начал поход. В 115 г., перейдя Евфрат у Зевгмы, Траян занял северо-западную часть Месопотамии с городами Нисибис и Сингара. Местные правители переходили на его сторону. В начале 116 г. Траян занял Мидию Атропатену, сделав ее провинцией. Двумя колоннами армия шла на парфянскую столицу Ктесифон, а флот двигался по реке. Ктесифон и Селевкия были взяты, в руки римлян, попала парфянская казна. Траян дошел до Вавилона, и теперь

---

[11] *Hanslik R. M.* Ulpius Traianus. Sp. 1045ff.

294 Месопотамия была в руках римлян. Казалось, что план Цезаря наконец был реализован.

Тем не менее, парфяне перешли в ответное наступление. Коммуникации были перерезаны, и вскоре парфяне заняли Селевкию и Нисибис. Римляне отбили Селевкию, однако восстание перекинулось на Гатру. Главные силы парфян во главе с братом Хозроя Санатруком и его сыном Партомаспатом выступили против Траяна. Император признал Партомаспата царем Армении, а затем одержал победу над Санатруком. Впрочем, вскоре армия Траяна покинула Месопотамию, удержав только ее северную часть. Парфянский поход вызвал восстание в иудейской диаспоре, возможно, затронувшее и неиудейское население и охватившее Кипр, Кирену, Египет, Палестину и даже часть северной Африки. К лету 117 г. оно было подавлено, хотя окончательное подавление пришлось уже на правление Адриана (SHA. Hadr., 5, 3). Траян уехал в Рим, но умер в Киликии 7 августа 117 г.

Чаще всего поход Траяна воспринимается в историографии как неудача. Это верно в том смысле, что Парфия не была разгромлена, а поход принес Империи немалый людской и материальный ущерб[12]. И все же, война надолго изменила соот-

---

[12] См. напр.: *Petit P.* Le IIe siècle après J.-C. P. 356–357. Поход Траяна иногда сравнивают с войнами Наполеона и его походом на Россию в 1812 г. Необходимо, однако заметить, что Отечественная война 1812 г. закончилась полным разгромом армии Наполеона, тогда как Траян завоевал Дакию и вывел большую часть армии из Парфии, после чего войны

ношение сил, а следующая война 161–165 гг. закончилась уже полным разгромом Парфии. Более того, серьезная угроза со стороны восточного противника исчезла вообще, возникнув только после образования Сасанидской державы в 228 г. н. э., причем, даже это гораздо более сильное и консолидированное государство создавало глобальную угрозу только тогда, когда персидские войны сопутствовали нашествиям с севера, а большое наступление германцев и других племен Центральной Европы и Подунавья началось лишь в 166–180 гг. Поход не особенно повредил репутации Траяна, в глазах жителей Империи война была победой, а Траян подтвердил свою репутацию лучшего принцепса и великого полководца, более, чем кто-либо приблизившегося к реализации плана Цезаря.

Преемник Траяна Адриан (117–138 гг.) немедленно прекратил войну, отказался от всех завоеваний Траяна и заключил мир с Хозроем. Армения стала независимой, а отношения с Парфией надолго стабилизировались (SHA. Hadr., 12, 9; 13, 8–9; 17, 10–11; 21, 8–14). Как и всегда при «неполной» победе, у этой политики были противники, и в самом начале правления были казнены четверо военачальников Траяна, консуляры А. Корнелий Пальма, Д. Публиций Цельс, Г. Авидий Нигрин и Лузий Квиет (SHA. Hadr., 7, 2; Xiph., 243). Вероятно, одной

прекратились на 50 лет, и эти годы стали лучшими годами в жизни Империи.

 из причин этого конфликта (возможно, даже заговора) были и разногласия во внешней политике.

Адриан считал по-другому. Уже в 121–122 гг. в Британии, а затем и в Германии, на Дунае, в Африке и на востоке стала создаваться мощная система оборонительных сооружений (лимесов). Империя перешла к обороне. Тяжелые кризисы 44–31 гг. до н. э. и 4–11 гг. н. э., репрессии Тиберия, Калигулы и Нерона, кризис 60-х гг., гражданская война 69 г., тяжелые войны времен Флавиев не дали Империи Цезаря и Августа стать тем, чем она могла бы стать.

Тем не менее, результаты были действительно беспрецедентны. Более 40 лет (от 117 до 161 гг. н. э.) Империя не вела больших войн, гражданских войн не было с 69 по 193 гг., а отдельные восстания носили локальный характер. После восстания Бар-Кохбы (132–136 гг.) не было серьезных восстаний в провинциях. Прекратились локальные конфликты: после войн Домициана с хаттами (88 г.) на Рейне не было больших войн вплоть до начала III в., а после походов Агриколы (80–90-е гг.) наступило затишье и в Британии.

Одной трагедии, ставшей наследием эпохи Нерона, все-таки не удалось избежать. Несколько деспотичных приказов Адриана, отданных им во время поездки в Иудею в 130–131 гг. вызвали грандиозное восстание. В 132–133 гг. повстанцы во главе с Симоном Бар-Кохбой и раввином Акибой изгнали римлян из страны и заняли Иерусалим, и только к 134 г., собрав огромные силы, Адриан жестоко подавил восстание. За время войны в Иудее погибли

580 000 человек, были разрушены 50 крепостей и 985 населенных пунктов (Xiph., 250). Оставшееся население расселилось по огромной Империи. Исчезли даже названия, Иудея стала называться Сирией-Палестиной, а Иерусалим — Элией Капитолиной. Антонин Пий (138–161 гг.) отменил запреты Адриана, разрешил иудеям возвращаться на родину и исполнять запрещенные культовые обряды. Иудаизм оставался religio licita, и власти пытались вести диалог с теми, кто остался, хотя было уже поздно.

Власть попыталась вести диалог и с христианами. Траян, продолжая преследование Домициана, рекомендует Плинию не верить ложным доносам, и не преследовать отрекшихся и скрывающих свою принадлежность к христианству, равно как и не выискивать тех, кто открыто не заявляет о своей принадлежности к вере (Plin. Epist., 94). Адриан, в ответ на требования апологетов, издал эдикт, предписывавший наказывать христиан за конкретные преступления, а не за принадлежность к сообществу, тогда как Антонин Пий, похоже, вообще прекратил преследования в государственном масштабе, что, однако, не означало отсутствие спонтанного террора «снизу»[13]. Впрочем, эта еще очень хрупкая перспектива примирения исчезла с началом кризиса 60–80-х гг. II в., открывшим полосу новых гонений.

Тем не менее, то, что было создано, стало одной из самых великих цивилизаций в мировой истории.

---

[13] *Keresztes P.* The Imperial Roman Government and the Christian Church // ANRW. 1979. Tl. II. Bd. 23. Hbd. 1. P. 273–285.

Границы Империи проходили по Рейну, Дунаю, Евфрату, западной границе Армении и северной границе Сахары. Ее площадь достигала 5 млн квадратных километров, и на ее территории расположены в настоящее время около 40 современных государств Европы, Азии и Африки. Население Империи достигало 50–80 млн человек, что примерно равнялось населению Империи Хань в Китае.

Рим стал духовным наследником древневосточных, греческой и эллинистических цивилизаций, и еще более древних цивилизаций Египта, Малой Азии, северной Африки и, как бы это ни парадоксально звучало, даже культур Финикии, Иудеи и Месопотамии, а также — культур Италии, Испании, Галлии, Британии и Подунавья, где он положил начало цивилизационному процессу.

Империя стала страной городов. В Италии времен Флавиев было не менее 1200 городов[14], а их общее количество достигло нескольких десятков тысяч[15]. В их числе были огромные мегаполисы с населением в сотни тысяч человек: Рим (1–1,5 млн), Карфаген (700 тысяч), Александрия и Антиохия (300–500 тысяч), Эфес (225 тысяч), Пергам (200 тысяч)[16]. Многие города имели население в десятки тысяч человек, хотя население большинства не превышало нескольких тысяч.

---

[14] *Кнабе Г. С.* Римское общество в эпоху ранней Империи // История Древнего мира. 3-е изд. Т. 3. М., 1989. С. 122.

[15] Там же.

[16] Там же.

Римляне поддерживали городскую жизнь везде, где они могли, и строили города там, где их не было (в Испании, Британии, Галлии, Германии и Подунавье). Римскую основу имеют почти все большие города Западной Европы: почти все города Италии, Париж, Арль, Лион, Марсель, Тулуза, и многие другие города Франции, Бонн, Кельн, Майнц, Страсбург и ряд других городов Германии, многие европейские столицы — Лондон (Лондиний), Вена (Виндобонна), Будапешт (Аквинк), Белград (Сингидун), София (Сердикка), многие города Испании (Малага, Валенсия, Картахена, Барселона). Сохранялись практически все города Греции и эллинистического востока (Афины, Коринф, Фессалоникия, Эфес, Милет, Смирна, Антиохия, Александрия Египетская). Римская цивилизация была связана с иранскими (Парфия, Персия, Бактрия) цивилизациями, Индией и Китаем.

Эллинистические города были городами с правильной планировкой, агорой, храмами, театрами, гимнасиями, в римских городах строили форум, амфитеатр, термы, базилики, центральные улицы, украшенные колоннадами коринфских, ионийских и дорических колонн. Городские центры соединялись сетью дорог длиной в 150 000 километров и не менее протяженными морскими и речными коммуникациями. Путешествие из Италии в любую точку Империи занимало несколько недель, из Испании в Сирию — около двух месяцев, из Британии в Адриатику около месяца. Везде шло строительство, его прогресс заметен не только в гигантских

постройках типа Колизея и Форума Траяна, Пантеона или Мавзолея Адриана, но и в огромном числе небольших дорог, мостов и каменных зданий. При всех своих проблемах, Римская Империя, несомненно, была одним из самых социально ориентированных обществ древнего мира.

Рим эпохи Империи I–II вв. н. э. достиг небывалого ранее развития ремесла, а для II в. н. э. мы видим максимальный рост численности ремесленных мастерских, количества людей, занятых разными ремеслами, скачок развития техники, качественное улучшение промышленного производства и разделения труда, очень высокое качество товаров.

Ремесленное производство, видимо, достигло технологического, научного и производственного уровня производства в XVI–XVII вв. В Лондоне XVI в. мы видим примерно 100 разных профессий, в Риме I–II вв. н. э. их (по очень неполным данным) было не менее 160. Империя построила сотни городов, тысячи километров дорог, создала эффективное сельское хозяйство, наладила массовое производство керамики, построила тысячи военных и грузовых судов, добыла десятки тысяч тонн различных металлов (от железа и меди до золота и серебра). При всех социальных конфликтах, демонстративном богатстве, ужасающей бедности, пожарах, наводнениях и эпидемиях, городской антисанитарии и неустроенности, большинство жителей могли обеспечить себе приемлемый уровень жизни. Мировое господство Рима обеспечивали

не только и не столько римские армии и бюрократия (которые тоже нельзя недооценивать), сколько римская техника, культура и уровень жизни. Даже после разрушительного кризиса III в. н. э. Империя оставалась недостижимым идеалом для будущих поколений.

Империя стала интернациональной, объединяя народы с разной исторической судьбой, уровнем развития, национальными и культурными традициями. При всех своих проблемах, в ней уживались италики и греки, британцы и жители Африки, сирийцы и египтяне, арабы и евреи. Их объединяли армия, унифицированное управление, дорожная сеть и торговля, а важнейшим фактором единства была система римского гражданства. Граждане Италии были не только подданными огромной сверхдержавы, но и жителями своей «малой родины». Митреумы находят даже в Британии, на Ниле стояли изображения кельтских и африканских богов, в Италии и Греции поклонялись Изиде, Кибеле и Анахите.

Империей управляла интернациональная бюрократия. Ко II в. н. э. большую часть армии составляли уроженцы ближайших провинций. Сенат времен Антонинов на 50–60 % состоял из жителей провинций, примерно поровну, западных и восточных. То же самое относилось к внесенатской администрации, а когда большинство жителей провинции становились римскими или латинскими гражданами, это означало, что власти должны были перестраивать провинциальную политику и считаться с мнением

 провинциальных и муниципальных властей и вообще жителей страны, а многие провинциалы шли в сенат, чтобы защитить интересы своих провинций и городов.

Успех Антонинов часто объясняется удачным балансом между Империей и ее макро- и микроструктурами. Империя защищала провинции, города, деревни, имения, сальтусы от больших и малых войн, кризисов и восстаний, поддерживала их при стихийных бедствиях, а они поддерживали ее единство. При всем различии, Рим оставался Городом с большой буквы, самым большим мегаполисом, местом пребывания императора, сената и верхушки администрации, центром информации, законодателем мод и эталоном города.

Внутренние проблемы, конечно, существовали. Отмечается различие между городом и деревней, проблемы рабства и колоната, сложности в отношениях между императором и сенатом, сенатом и императорским аппаратом, естественно, сохранялись противоречия между богатыми и бедными, противоречия социальные, национальные и региональные. Тем не менее, изнутри система была неуязвима, и даже такое большое восстание как восстание Бар-Кохбы (132–135 гг.) не угрожало ее существованию. Война с Парфией (161–165 гг.) показала, что Империя стала сильнее, чем ее восточный сосед. Опасность была на севере, и только после Маркоманнской войны (166–180 гг.) начал разрушаться еще не до конца окрепший баланс.

После убийства Домициана (96 г.) и особенно после того, как новые силы ощутили уверенность в победе, началось восстановление Империи на новом уровне. Надо было вернуть «эпоху согласия» и великое прошлое Рима. Завоевательные кампании, развитие экономики, установление баланса в отношениях с сенатом — все это шло рядом с великой задачей восстановления новой культуры великой Империи, когда ее взяли на себя ведущие философы и писатели. Трудно сказать, в какой степени это возрождение происходило по единому плану, но можно отметить, что все крупнейшие авторы «траяновского возрождения» пользовались личной поддержкой императора. Каждый взял на себя важную область идейных отношений. Эпиктет создавал новую философию Империи, примиряя власть со стоической доктриной, так долго бывшей знаменем оппозиции. Плиний — новую идеологию собственного принципата Траяна, Тацит давал оценку предыдущей истории Принципата от смерти Августа (14 г.) до смерти Домициана (96 г.), анализируя ошибки и неудачи того времени, чтобы распрощаться с ними навсегда, а Дион Хризостом и Плутарх, а затем и другие ученые и писатели, должны были подготовить общество к окончательному слиянию греческого и восточного миров. Вставала и еще одна проблема — необходимость создать образ того, с чего все началось, т. е. образ гражданских войн I в. до н. э. примирить Мария и Суллу,

304 Цезаря и Помпея, отдать должное Цицерону, Катону и Бруту, при этом не погрешив против исторической истины.

Итогом стало создание произведений, ставших «лицом» римской культуры, в той же степени, каковыми ранее стали труды Цицерона и Варрона, Вергилия и Ливия, Сенеки и Лукана. Цель была достигнута, и многие поколения познакомились с культурой великой Империи по сочинениям Тацита, Плутарха и Флавия Арриана.

К концу I в. до н. э. стоицизм стал безусловно доминирующим течением в кругах римской знати. Этот стоицизм был специфически римским, созданным на основе римской консервативной идеологии. Это слияние породило Брута и Катона, позже перешло в традицию Тразеи Пета и Бареи Сорана, Гельвидия Приска и Музония Руфа, а также — в более умеренную традицию Цицерона и Сенеки. Августу почти удалось примирить эти традиции, но после Тиберия, Калигулы, Нерона и Домициана этот хрупкий мир был почти полностью разрушен. Это означало не только фронду и молчаливый протест, но и заговоры, мятежи и гражданские войны, противостояние императорских функционеров и сенатского «большинства»[17]. Примечательно, что принципат так и не создал своей идеологии, приступив к этому только теперь. Цезарь и Август сделали первые шаги, но после I в. н. э. все надо было создавать заново.

---

[17] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 71.

Тразея Пет, Барея Соран и Сенека стали жертвами Нерона, Веспасиан буквально против своей воли казнил Гельвидия Приска (Suet. Vesp., 13–15), а репрессии Домициана снова обрушились на стоическую оппозицию (Plin. Epist., III, 11, 3; Suet. Dom., 10, 4). Среди изгнанных были Эпиктет и Дион Хризостом. Нерва вернул всех уцелевших изгнанников (Plin. Epist., I, 5, 15; IV, 22, 2; 13–17; VII, 19), но, видимо, только при Траяне они могли чувствовать себя спокойно. Теперь их защищали Траян и его окружение, в числе которых был и близкий к стоикам Плиний.

Эпиктет (ок. 50–130 гг.) был рабом некоего Эпафродита, затем стал вольноотпущенником и всю жизнь занимался преподаванием. Как и Сократ, Эпиктет не написал ни строчки, а его труды известны по записям учеников. При Флавиях Эпиктет отправился в изгнание, но был возвращен Траяном и стал очень популярным среди знати, а между 112 и 116 гг. его учеником был Кв. Эппий Флавий Арриан, написавший два сочинения, «Беседы Эпиктета» и «Руководство по учению Эпиктета». В 121–124 гг. он был консуляром и позже написал свой главный труд, «Поход Александра» в семи книгах, а образ Траяна как нового Александра и идея сопоставления Александра и Цезаря становится стержневой идеей новой эпохи. Эту идею будут развивать Плутарх и Аппиан (Plut. Alex., 1; App. B. C., I, 149–154), а Рим Траяна особенно ощущал параллелизм ситуации, когда великий план Александра был сорван борьбой диадохов, а план Цезаря не удался из-за гражданских войн 44–31 гг. и последующей

политики Юлиев-Клавдиев. Арриан также написал недошедшие до нас «Историю диадохов», «Историю Индии» и «Историю парфян».

Эпиктет считал, что миром управляет мировой разум, изменить общий порядок вещей и людскую природу невозможно, и задача философа жить так, чтобы быть действительно свободным. Во многом Эпиктет повторял идеи Сенеки, но у него присутствует новое качество, и он уже не проповедует уход от общественной жизни. Человек — часть целого, гражданин своего государства и должен исходить из блага целого. Каждый человек имеет свое призвание, и, если он поставлен на какое-либо место, он должен честно и последовательно выполнять свой долг (Epict. Convers., I, 9, 2–5; II, 5; 23; 10, 14–18; III, 24; 98–102; также — I, 12, 7–19; 29, 9–14; IV, 7, 33–40; 46; 150).

Стоицизм стал основой новой идеологии и почвой для идейного примирения императора и сената, «цезаризма» и «катонизма», а в конце эпохи Антонинов императором станет выдающийся философ-стоик Марк Аврелий.

Дион Хризостом («Златоуст») (40 — ок. 120 гг.) родился в Прусе в Вифинии, был профессиональным ритором и много ездил с речами по греческим городам, а затем отправился в Рим и начал заниматься философией, став учеником Музония Руфа. В 82 г. Домициан удалил его из Рима, а в 96 г. после долгих странствий Дион вернулся в столицу и произносил речи, прямо адресованные Траяну (речи I, IV, VI) и именуемые «речами о царской

власти». Всего известны 78 речей. Многие из них выдержаны в духе традиционной риторики, другие посвящены отношениям между городами Вифинии (речи 38–57). Для Диона Хризостома разум — это единственное прочное и нерушимое основание общности и справедливости (Dio Chrys. Orat., XXXV, 29–32), а космос — это воплощение блага и мудрости, который движется благодаря правящему началу, доброй судьбе, справедливости и предусмотрительности, приобщая нас к общим законам и делая членами единой политии, управляемой единым законом. Он проповедовал умеренную справедливую жизнь, призывал презирать богатство и почести и считал, что только так они сделают мир великим и могущественным (Ibid., XIII, 31–37).

В «царских речах» создается образ идеального монарха, который должен чтить богов, заботиться о людях и уважать наиболее достойных, помня, что он властвует над такими же людьми, как и он сам. Он должен быть готов к войне, но предпочитать мир, быть мужественным и справедливым, нести ответственность за людей. Ему противопоставлен тиран, держащий народ в страхе, не терпящий свободной речи и подозревающий всех. Происходит слияние двух концепций власти, римской идеи «республиканского» принципата и греческо-эллинистической идеи «доброго царя», правящего на благо подданных и имеющего законные основания для своей власти[18].

---

[18] *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному. С. 77–78.

Впрочем, стоические идеи были слишком глобальны, а Риму требовалась своя, римская реальность. Одним из главных ее создателей стал Плиний Младший (61/2–113/4 гг. до н. э.), племянник Плиния Старшего и один из ближайших друзей Траяна. Окончив риторическую школу, в которой преподавал знаменитый Квинтиллиан, он начал выступать в суде и прошел весь cursus honorum от квестора до консула, став консулом-суффектом 100 г. Плиний был близок к кругу Тразеи Пета и Гельвидия Приска и сам вполне мог стать жертвой Домициана. При Траяне Плиний стал близким другом императора и консуляром, а в 111–112 гг. (или в 112–113 гг.) — легатом в Вифинии с особыми полномочиями.

В 100 г. Плиний пишет свой знаменитый «Панегирик», формально-благодарственную речь о получении консульства, превратившийся в манифест сенатских кругов (см. выше). Говоря о Плинии, остается лишь повторить его основные идеи. Плиний считает этот выбор выбором самого достойного человека, знаменитого полководца, восстановившего дисциплину в армии, сумевшего добиться успехов в финансовой и провинциальной политике, «работающего императора», который, будучи наделен огромными полномочиями и властью, является «первым среди равных», помня, что правит людьми и правит по закону, лишен распущенности и жестокости, запрещает славословия в свой адрес и соблюдает республиканские традиции (Plin. Pan., 2–4; 18–20; 36; 41–43; 48; 61; 65; 76–77; 80; 83). Дион Хризостом создавал образ «доброго монарха»,

Плиний — образ «работающего монарха», успешно управлявшего огромным аппаратом Империи.

П. Корнелий Тацит (ок. 55–120 гг.) выполнил, быть может, еще более сложную задачу, создав картину периода между смертью Августа и приходом к власти Нервы (96 г.). Тацит родился во всаднической семье, видимо, галльского происхождения, прошел cursus honorum при Флавиях и стал претором 88 г. Его консульство пришлось на переломный 97 г., когда Нерва сумел отстоять свою власть. При Траяне он был высокопоставленным сенатором, а в 113 г. в разгар подготовки к восточному походу получил назначение в качестве проконсула Азии. Как справедливо отмечает Г. С. Кнабе, Тацит был очень высокопоставленным лицом, входившим в самый близкий круг императора наряду с Вергинием Руфом, Лицинием Сурой, Глитием Агриколой, Аннием Вером, Нератием Приском, Яволеном Приском и Цельсом Полемианом[19].

Принимая хронологию Г. С. Кнабе, можно предположить, что «Агрикола» был написан в 97/98 гг., «Германия» в 98 г., «Истории» в 101–109 гг., а «Анналы» в самом конце жизни.

«Диалог об ораторах» касается крайне важной темы красноречия и его упадка, но явно выходит за пределы данной темы. Один из его участников, Марк Апр, доказывает преимущества жизни судебного оратора, находящегося в гуще современной жизни и имеющего власть, деньги и почести. Ответ

---

[19] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 71.

поэта Куриация Матерна подвергает сомнению доводы Апра, в котором легко узнается оратор домициановского времени. Жизнь таких людей не только аморальна, но и опасна, а человек, живущий нынешним моментом, постоянно от него и зависит. Сам Матерн, разочарованный в общественной жизни, мечтает уйти от нее и заняться поэзией, уже ставшей символом ухода от активной политики в мир вечного и прекрасного.

Вероятно, в этом произведении и проявляется диалектика, которую отмечает Г. С. Кнабе[20]. Апр глубоко антипатичен автору, и моральная правда остается на стороне Матерна, однако и его позиция неприемлема, поскольку она означает отказ от государственной жизни. Империя отказывалась как от принципатов Тиберия, Калигулы, Нерона и Домициана, так и от позиции Лукана, Сенеки и Тразеи Пета, более привлекательной, но столь же далекой от реальности.

Собеседники переходят к более общей теме. На сей раз оппонентом Апра становится Випстан Мессала (Tac. De orat., 25–29). Мнение Апра, что современное красноречие стоит на том же уровне, что и древнее, не разделяют ни собеседники Апра, ни сам Тацит. Общий вывод достаточно ясен и был сформулирован еще Квинтиллианом — время Цицерона было эпохой непревзойденного расцвета красноречия и по сути, и по форме, поскольку в нем было главное, ответственность человека,

[20] Там же. С. 144.

преданного интересам государства. В годы республики нравственность оратора, его искусство и нормы общественной жизни «образовывали единство, утрата которого составляет главную, характеристику флавианской эпохи»[21].

Тем не менее, вывод Мессалы (и самого Тацита) звучит неожиданно. «Красноречие — дитя своеволия, которое неразумно называют свободой» (ibid., 40) и великое ораторское искусство процветало во времена борьбы, смуты и гражданской войны, тогда как pax Romana, конечно, привел к упадку красноречия, но и принес мир и нормальную жизнь, и Тацит, в общем, выбирает последнее. Эта идея будет развиваться и далее, и это сочинение, очень глубокое по сути, часто относят не к началу его творческой жизни, а к 101–106 гг. н. э.[22]

В 97–98 гг. Тацит пишет «Агриколу», жизнеописание своего покойного тестя Гнея Юлия Агриколы, крупного полководца и политика, командовавшего римской армией в Британии в 77–84 гг. Его герой — воплощение традиционных римских добродетелей, а более половины биографии посвящено описанию войн в Британии. Умный, скромный и честный Агрикола, желающий служить обществу и Империи, противопоставлен жестокому, лицемерному и трусливому тирану Домициану и, хотя моральную победу одерживает Агрикола, в реальной жизни побеждает Домициан. Впрочем, приход Траяна привел к власти

---

[21] Там же. С. 150.

[22] Там же. С. 152–153.

именно таких людей, как Агрикола, и написанное в 97 г. сочинение, возможно, выражает и надежду на будущее.

Сразу после «Агриколы» появился трактат «Германия», содержащий подробное описание нравов и быта германцев. Трактат делится на две части: общее описание нравов германцев (Tac. Ann., I, 44) и рассказ об отдельных племенах (ibid., 44ff.). Появление этого труда не удивительно: германцы были главным противником Рима, начиная с Галльских войн Цезаря (58–51 гг. до н. э.) и до времени самого Тацита, а в 96–98 гг. Траян был наместником Верхней Германии.

Тацит четко противопоставляет цивилизацию и варварство. В сочинении Тацита, как отмечает Г. С. Кнабе, «Германия и Рим выступают как враги, ведущие между собой ожесточенные войны»[23]. Это уже вековая борьба, переставшая быть военным конфликтом или кампанией — речь идет о противостоянии двух взаимоисключающих укладов жизни, где столкнулись римский imperium (ibid., 33) и Germanorum libertas (ibid., 37), хаос местнических интересов и эгоистического своеволия[24]. Позиция очевидна, и цель Тацита — показать сильные и слабые стороны противника.

У германцев есть сильные стороны — они не ограничивают число детей, у них простая пища, простой и здоровый образ жизни, более высокая

[23] Там же. С. 137.

[24] Там же.

ответственность, более крепкие семьи, редкие прелюбодеяния и большая физическая сила[25]. Тацит намечает параллели: богатство и бедность, и «мир» и «свобода». «Германская скудость, — продолжает Г. С. Кнабе, — есть одновременно и плюс и минус, зло и благо, и римское изобилие представляют собой зеркально перевернутую систему — те же категории, но с обратным знаком: благо и зло, плюс и минус»[26].

Однако, Тацит и не ставит вопрос о выборе. Варварство — это враг, его надо понять, чтобы вести с ним борьбу, и, отдавая дань идеализации «примитивных» обществ и осуждению благ цивилизации, Тацит всегда остается на стороне последней.

Германцы бедны: убогие хижины, грязь, примитивный уклад (Tac. Germ., 5; 17; 20; 24–27), исполненная суеверий мрачная религия с ее бесчеловечностью и давящим личность страхом, жуткие таинства варварских обрядов (ibid., 39) — такова характеристика этого общества, которое противостоит Риму. Другая черта германцев — это отсутствие развитой государственности, когда цари и вожди не имеют подлинной власти, а германская libertas (ibid., 11; 20) выражается в отсутствии общественной дисциплины и ответственности перед обществом. Быт анархичен, полон постоянных ссор, пьянства, бесконечных междоусобиц и ненависти друг к другу (ibid., 23; 30).

---

[25] Там же. С. 137–139.

[26] Там же. С. 139.

314 Эта анархичная свобода имеет своей оборотной стороной покорность тирании. Ее меньше у племен, близких к римским территориям (хатты, маркоманны, квады) и больше у отдаленных племен (лугии, готоны, свионы и др.) (Tac. Germ., 42; 44–45). Низкий уровень жизни, анархия, постоянная война, тирания — таков образ варварского мира, и Тацит осознает, что победа варваров принесет с собой жуткие последствия, гораздо худшие, чем ужасы правления Нерона, Тиберия, Калигулы и Домициана.

В последние десятилетия жизни Тацит пишет итоговые произведения, «Историю» и «Анналы». В более ранней «Истории» он описывает историю гражданской войны 68–69 гг. н. э. и правление Флавиев до гибели Домициана (69–96 гг. н. э.), а затем, очевидно осознав, что понять это время без понимания предыдущей эпохи Юлиев-Клавдиев (14–68 гг. н. э.) невозможно, он пишет «Анналы».

Мы располагаем лишь частью этих трудов, от «Истории» сохранились книги 1–5 и часть книги 6 (события 69–70 гг.), а от «Анналов» — книги 1–6 (принципат Тиберия) и книги 11–16 (конец принципата Клавдия и правление Нерона — 47–66 гг.). В «Анналах» утрачены книги 7–10 (правление Калигулы и часть принципата Клавдия), книга 5 (заговор Сеяна и террор 31 г.) и, возможно, последние годы правления Нерона (так и неясно, дописал ли Тацит свой труд до 68 г. и если дописал, то почему этот конец не сохранился).

В этих произведениях Тацита развиваются все идеи, намеченные в его «малых» произведениях:

проблемы «мира» и «свободы», варварства и цивилизации, личности и общества. Все это дано на широчайшем историческом фоне: события в Риме, жизнь провинций, большие и малые войны и, наконец, мастерски описанная гражданская война 69 г.

Разные оценки труда Тацита детально разобраны в исследованиях Г. С. Кнабе: Тацит оказывается и «наставником государей», и яростным противником императорской тирании, и историком-моралистом, стоящим над партийной борьбой, и защитником республиканских свобод. Его считали автором политического памфлета, историком позитивистского плана, вынужденным сторонником принципата — таков лишь весьма неполный перечень различных оценок творчества этого великого историка[27].

Возможно и еще одно толкование. Высокопоставленный представитель траяновской элиты, Тацит, несомненно, был абсолютно лоялен и к Империи, и к императорской власти, и к самому Траяну, а потому ему была доверена ответственная роль человека, который мог дать полную, исчерпывающую оценку предшествующего почти столетнего периода, столь важного для того времени, в которое он жил, и осмелиться сказать то, что не могли и не решались сказать другие (Tac. Ann., I, 30). Тацит должен был стать для Империи I–II вв. н. э. тем,

---

[27] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего Рима эпохи ранней империи (конец I начала II вв.): Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Л., 1982. С. 1–79. Совсем недавно вышла фундаментальная монография А. П. Беликова «Корнелий Тацит в российской историографии» (Ставрополь, 2021).

чем стал Ливий для истории республики, ему предстояло обобщить всю предшествующую традицию, в том числе, и оппозиционную, и дать оценку эпохе, сыгравшей столь роковую роль в истории Империи. Тацитовские образы, равно как и вся его концепция, часто подвергались критике в современной историографии, временами, быть может, и вполне обоснованной, однако в самой античной историографии этого не было. Светоний, Дион Кассий и бревиаторы IV в. н. э. никогда не пытались реабилитировать ни Калигулу, ни Нерона, все они не любили Тиберия и сдержанно относились к Клавдию, а Тацит навсегда заслужил репутацию великого историка, которого римляне считали непогрешимым.

Центральной темой больших сочинений Тацита оказывается тема императора и сената, имперской политики и республиканской традиции. Образы императоров у Тацита — одни из самых ярких в римской литературе — волевой, жестокий и лицемерный Тиберий, глупый и безвольный Клавдий и, наконец, жуткий образ тирана Нерона, виновного и в пожаре Рима, и в репрессиях, и в гражданской войне. Вероятно, к этим образам можно было бы добавить Калигулу и Домициана, но у нас нет тацитовских описаний их правлений.

Сильнейшие инвективы против императоров привели к весьма распространенной точке зрения о республиканизме Тацита или, по крайней мере, о его оппозиционности принципату, однако его отношение к республике очень сложно. Для него это — далекое прошлое, а сама республика

ассоциируется не только с древними добродетелями и победами, но и с гражданскими войнами, а потому принципат остается единственным выходом из создавшегося положения.

Тацит уважает сенатские традиции, но реальный сенат с его взаимным соперничеством, сервилизмом, лестью, трусостью, беспомощностью и доносительством не вызывает его сочувствия. Он явно сочувствует оппозиции, как активной (участники заговора Пизона), так и пассивной (стоики), равно как и невиновным жертвам режима, однако и они не являются его настоящими героями.

Более реальной альтернативой являются представители «третьей силы»[28], скромные, незаметные и честные люди типа Агриколы, работающие на Империю, ведущие ее войны и управляющие ее провинциями. Ему явно симпатичны правители типа Веспасиана, Тита и, конечно, Нервы и Траяна, сумевших соединить казалось бы невозможное, «принципат и свободу» (principatum et libertatem — Agr., 3) и тогда уйдут в прошлое и императоры-тираны с их репрессивным аппаратом, и их жертвы, а оппозиция будет сотрудничать с властью, как это уже делали философы-стоики.

Тацит писал о принципате I в. н. э. «всю правду», которая была настолько неприглядна, что его сочли противником принципата, каковым он не был, однако, как и Эпиктет, и его друг Плиний, он

---

[28] *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. С. 38–56; *его же.* Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего Рима… С. 168–194.

создавал (пусть «от противного») идеологию новой Империи, оставляя в прошлом правителей I в. н. э. Плиний это понимал: «Предсказываю — и предчувствие меня не обманывает, что исторические сочинения твои будут бессмертны» (Plin. Epist., VII, 37, 4).

В судьбе Плутарха, как бы это ни парадоксально звучало, есть много общего с Тацитом, а их труды, каждый по-своему, стали вершиной творчества своего времени.

Плутарх (46–120 гг. н. э.) был родом из беотийского города Херонеи. Будучи греком, он не мог рассчитывать на столь блестящую карьеру, как Тацит или Плиний, а его жизнь была спокойнее, чем жизнь Эпиктета и Диона Хризостома. Впрочем, он тоже происходил из состоятельной семьи, получил прекрасное образование в Афинах и Александрии и бывал в Риме, однако его жизнь была связана с Грецией. Плутарх был поклонником Сократа и Платона, читал лекции по философии и занимал высокие должности в своем родном городе и в Беотии.

Т. Моммзен назвал его «одним из самых обаятельных и начитанных, и, в то же время одним из самых популярных писателей Греции»[29]. «Он не пожелал по обычаю даровитых греков, — писал Т. Моммзен, — поступать на государственную службу или избрать профессорскую карьеру и остался верен своей родине, наслаждаясь вместе с любимой женой и детьми в кругу друзей мирной

[29] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. С. 190.

домашней жизнью в прекраснейшем смысле слова, довольствуясь теми должностями и почестями, которые могла предложить ему родная Беотия и пользуясь своим скромным наследственным состоянием»[30]. «В этом гражданине, — продолжает выдающийся немецкий историк, — мы видим образец истинного эллина в противоположность всем лишь эллинизированным людям; эллинизм такого рода был невозможен ни в Смирне, ни в Антиохии, он так же сросся с почвой Эллады, как мед Гимета»[31]. Вероятно, этот дух коренного эллинства, сочетавшийся с глубоким местным патриотизмом, и роднит его с Тацитом, столь же полно выразившим римскую сторону этой культуры.

Жизнь Плутарха, похоже, была столь же спокойна, как и жизнь Греции его времени. После войн 40–30-х гг. I в. до н. э., страна, наконец, получила долгий период мира. Возрождались Коринф и Афины, Дельфы и Платеи. При Августе общим центром новой провинции Ахайя стала Дельфийская амфиктиония с центром в Аргосе. Росло уважение к Панэллинскому союзу, возрожденному Адрианом. Греция не боялась ни внешних войн, ни вражеских вторжений, ни гражданской войны, ее не затронул даже кризис 60-х гг. I в. до н. э., а визит Нерона в 66 г. н. э. носил вполне мирный характер и завершился «освобождением» Греции от налогов, что, правда, было отменено Веспасианом в 73 г. (Suet. Vesp., 2),

---

[30] Там же.

[31] Там же. С. 190–191.

однако и это не особенно ухудшило общее положение. Возрождалась экономика, сохранялись культурные связи. Уже при Флавиях готовилось массовое предоставление грекам римского гражданства. Входит в моду все греческое (от одежды до памятников искусства), выдвигается лозунг возврата к великому прошлому. Греция выходит из кризиса и постепенно начинается подъем всех стран эллинистического Востока, вначале в Малой Азии, а затем и в Сирии и Египте.

Плутарх очень много писал и, вероятно, значительная часть его «Моралий» была создана в этот, более ранний период. Каталог сочинений Плутарха, составленный его сыном Ламприем, насчитывает 227 сочинений, большинство которых — его так называемые Ἠθικά («Моралии»). Это была, в известной степени, «литература будущего», такие же сборники будут составлять авторы II — начала III в. н. э., Клавдий Элиан, Авл Геллий, Афиней, а затем — Макробий и Марциан Капелла. Автор, выдающийся своей эрудицией, старался передать читателю все известные ему знания в самых разных областях.

«Моралии» Плутарха носят историко-антикварный и литературно-исторический характер, многие из них касаются философии, политики, религии. Плутарх был приверженцем философии Платона. Он также писал о морали, семейной жизни, о физике, риторике и медицине. Формой произведений были диалоги, трактаты, послания, новеллы.

Небольшой выборочный перечень этих трудов может передать круг интересов и знаний Плутарха.

Это «Пир семи мудрецов», «Пиршественные исследования», «О демоне (δαιμόνιον) Сократа», «О музыке», «О душевном спокойствии», «О позднем возмездии божества», «О воспитании», «О том, как молодому человеку надо читать поэтические произведения», «Об Озирисе и Изиде». Много трактатов посвящены семье («О любви к детям», «Брачные наставления»), государству («Политические наставления», «О счастье афинян», «О счастье римлян»), литературе и истории («О злонравии Геродота», «Сравнение Аристофана и Менандра») и др. Многие исследователи творчества Плутарха отмечают гуманизм, доброжелательность, мягкость и миролюбие, свойственные и его характеру, и его мировоззрению.

Вероятно, если бы не эпоха Траяна, Плутарх оставался бы известен главным образом, своим современникам, грекам, римлянам и ученым своего времени, но, как и Плиния и Тацита, его востребовало время перемен. Детали мало известны, вероятно, он получил доступ ко двору через одного из своих покровителей, Г. Сосия Сенециона, консула 99 и 107 гг., зятя еще более знаменитого Секста Юлия Фронтина, консула 74, 97 и 100 гг. и автора книг «О военных хитростях» («Стратегемы») и «Об акведуках». Сенецион был близким другом Траяна и Плиния, и посвящение нескольких биографий Сенециону, возможно, говорит о том, что идея «Сравнительных жизнеописаний» была одобрена на самом высшем уровне.

Есть сведения, что Траян пригласил Плутарха ко двору и поручил ему обучение своего двоюродного

племянника, будущего императора Адриана, который стал править со 117 г. н. э. Также есть сведения, что Траян дал Плутарху ранг консуляра и отдал приказ всем властям Иллирии сообразовываться с его мнением и оказывать всяческое содействие. Он также стал главным жрецом Аполлона в Дельфах и прокуратором Ахайи и умер около 120 г. н. э. Эти сведения иногда подвергают сомнению, но близость Плутарха к императору, похоже, весьма вероятна, а написанные в это время «Сравнительные жизнеописания» были определенным «социальным заказом» власти. Говоря об этом труде, нам придется повторить ряд уже высказанных положений.

Плутарх ставил несколько целей. Первая вполне очевидна. Предполагалось новое, более тесное сближение уже романизированных западных провинций с Грецией и Малой Азией, а потому нужно было показать римлянам, что Греция — это цивилизация с великим прошлым, а грекам — что Рим — это цивилизация с великим настоящим. Плутарх шел по стопам Полибия, Посидония. Диодора, Дионисия Галикарнасского и других авторов, взяв за основу биографии наиболее значительных военных и политических деятелей Рима, причем, выбор биографического жанра был вызван тем, что он был гораздо более популярен и мог привлечь значительно большее число читателей. Вместе с тем, передать идею близости цивилизаций через личность было гораздо более действенным и наглядным. Наконец, подобный подход, как это было выражено в знаменитой фразе об Александре Великом (Plut. Alex., 1),

позволял избавить автора от излишней скрупулезности и полноты при передаче фактов и более глубоко выразить идею, заложенную в этом сочинении.

Фраза в начале биографии Александра, вероятно, имеет еще один смысл. Все предшественники Плутарха (от Геродота и Фукидида до Иосифа Флавия и Тацита) писали о войнах и политической борьбе. Плутарху тоже пришлось писать о войнах, но как «человек мира», он ставил своей задачей сближение людей и цивилизаций, а не демонстрацию их противостояния и взаимоуничтожения. Наконец (и эту цель мы увидим уже при рассмотрении биографий), Плутарх ставил рядом людей, которые в жизни были весьма далеки друг от друга, а зачастую становились смертельными врагами.

В отношении Греции это была борьба Афин и Спарты в V–IV вв. до н. э. Афинская традиция представлена у него Тесеем, Солоном, Фемистоклом, Аристидом, Кимоном, Периклом, Никием и Алкивиадом, а затем — Демосфеном и Фокионом; спартанская — Ликургом, Агесилаем, Агисом и Клеоменом. Из 24 биографий 14 относятся к этому афино-спартанскому циклу. Для Рима это — биографии выдающихся деятелей эпохи гражданских войн (от Гракхов до Марка Антония), которые численно превосходят все остальные (13 из 23). Оба эти кризиса Плутарх считал самыми тяжелыми переломными эпохами в истории обоих народов и также, как и в случае с элегиями Августовского форума, хотел если не примирить Перикла

 и Лисандра или Цезаря и Помпея, то, по крайней мере, поставить их рядом,

Плутарха часто упрекают в отсутствии критики источников и находят у него множество ошибок и внутренних противоречий. Все это видно любому исследователю Плутарха, но его «некритический» подход не следует преувеличивать.

Список источников Плутарха очень внушителен, тем более, что очень часто, как и другие античные авторы, он не называет их по имени. Кроме уже указанных знаменитых историков, назовем некоторых других авторов, цитируемых Плутархом, а рассмотрение указателя к изданию этого автора демонстрирует нам целую литературу, которая начинается с Гомера и Гесиода. Поэзия Архилоха, Алкея, Алкмана, Мимнерма, Семонида Кеосского, сочинения логографов Харона из Лампсака, Гекатея Милетского и Гелланика Лесбосского и аттидографов Андротиона и Филохора, комедии Аристофана, Кратина, Менандра, басни Эзопа, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида, медицинский корпус Гиппократа, труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Эфора, Феопомпа, Иеронима Кардийского, Клитарха, Филиста, Тимея, сочинения ораторов Андокида, Антифонта, Ликурга, Исея, Демосфена, Эсхина — таков лишь очень неполный список источников Плутарха. Помимо известной нам традиции источников; встречаются менее известные имена Антигена, Аполлодора, Диокла с Пепаретоса, Иона Хиосского, Гермиппа, Сосибия, Миртила, Филокла. Мы видим у него философские труды Платона и Аристотеля,

сочинения софистов Гиппия и Протагора, Феофраста и Диогена, Зенона из Кития и Деметрия Фалерского, труды Панэтия, сочинения авторов эпохи Александра (Каллисфена, Птолемея и Аристобула), мемуары Арата Сикионского.

Не менее полно представлены римские авторы, речи, трактаты и письма Цицерона и Варрона, речи Квинта Гортензия, труды анналистов Фабия Пиктора, Катона Старшего, Валерия Анциата, Лициния Макра, Л. Кальпурния Пизона Фруги, Г. Фанния, Кв. Клавдия Квадригария, мемуары Лутация Катула, Суллы, Мессалы Корвина и, конечно, труды Сизенны и Саллюстия, «Записки» Юлия Цезаря, произведения Диодора, Страбона, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, мемуары Августа, Агриппы, М. Клувия Руфа и многие другие. В этот список входят почти все известные нам исторические и философские сочинения, равно как и огромное количество произведений художественной литературы, что показывает, воистину гигантскую эрудицию Плутарха и то, что его труды опирались на действительно фундаментальную традицию, которая включала в себя практически всю предыдущую историческую (и не только историческую) литературу.

Мы видим и тенденцию опираться на традицию первоисточников: труды Ксенофонта в биографиях Лисандра и Агесилая, сочинения Филиста и Тимея в биографиях Диона и Тимолеонта, речи Цицерона и Демосфена в биографиях этих великих ораторов, традицию Посидония в римских биографиях I в. до н. э., мемуары Арата, Катула, Суллы, «Записки»

 Цезаря. Везде, где это было возможно, Плутарх предпочитал опираться на наиболее надежных и информированных авторов: Геродота (которого он очень резко критиковал за «любовь к варварам»), Фукидида, Ксенофонта, Эфора, Феопомпа для Греции V в. до н. э., Иеронима Кардийского и Филарха для эллинистической Греции; труды анналистов, Полибия, Посидония и Ливия для римского времени, добавляя к ним и первоисточники, отражавшие мнения современников той или иной эпохи. Добавим к ним и ту историческую традицию, которая до нас не дошла: сочинения Азиния Поллиона, Фенестеллы, Диодора, Страбона, Николая Дамасского и многих других и мы увидим, что источники Плутарха были многочисленны, разнообразны и добротны.

Не менее интересен и выбор биографий: очевидный на первый взгляд, он показывает, как нам представляется, необычайно глубокое понимание хода истории.

Тесей был, вероятно, вторым после Геракла (биография которого тоже имелась в сборнике) героем греческой мифологии. Согласно традиции, он создал Афины, сделал их городом и освободил его от власти критян. Солон был создателем афинского полиса и основателем могущества Афин, он превратил народное собрание в высший орган власти, создал гелиэю и Совет 400, заложив основы будущего демократического государства.

Фемистокл, Аристид и Кимон были победителями в греко-персидской войне (500–449 гг. до н. э.), и их судьба была связана с тремя великими афин-

скими победами, при Саламине (480 г.), Платеях (479 г.) и Эвримедонте (465 г.), Они же создали экономическую, политическую и военную мощь Афин и Афинского союза, которая достигла своей кульминации при Перикле, ставшем подлинным создателем Афинской Империи, начавшей борьбу за гегемонию в Греции, завершившуюся Пелопоннесской войной (431–404 гг. до н. э.), похоронившей и могущество Афин, и шансы на объединение Греции.

Биографии Перикла, Никия и Алкивиада показывают Афины в этой войне. Время Перикла — это начало войны, большие планы и сорвавшая их страшная эпидемия 430 г., биография Никия — продолжение войны в 429–421 гг. до н. э., неудавшаяся попытка мира со Спартой (421 г.) и роковая сицилийская экспедиция 416–414 гг. до н. э., предопределившая афинское поражение (Plut. Nic., 13–30). Наконец, биография Алкивиада — это последние годы войны (413–404 гг. до н. э.) и полное поражение Афин, во многом ставшее итогом их собственной политики.

Возродившись в 90–50-е гг. V в. до н. э., Афины снова стали лидером греческого мира в борьбе с Македонией, но потерпели новое поражение в 50–30-е гг. IV в. до н. э., когда руководителем и символом борьбы с Македонией стал великий оратор Демосфен, продолжавший ее и после смерти Филиппа (336 г.) и Александра (323 г.), тогда как Фокион спас Афины от полного разгрома после Ламийской войны 323–322 гг. до н. э. и, вероятно, был последним крупным политиком независимых Афин.

328 Не менее интересна цепь спартанских биографий. Они начинаются с биографии Ликурга, полулегендарного основателя спартанской «общины равных» и спартанского законодательства, которое реально было итогом долгого развития, завершившегося к V в. до н. э. и сделало Спарту гегемоном греческого мира. Победа в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.) связана с создателем спартанского могущества, наварxом Лисандром, одержавшим окончательную победу при Эгоспотамах (405 г. до н. э.) и снова установившим в Греции спартанскую гегемонию. Итогом этой войны было уничтожение единственной силы, способной объединить Грецию, а победа Спарты означала кризис полиса во всей Греции, включая саму «общину равных». Его политическому наследнику Агесилаю, возглавившему спартанскую политику в 90–60-е гг. IV в. до н. э., удалось максимум возможного: он не смог удержать гегемонию Спарты в Греции и предотвратить распад Пелопоннесского союза, но он сохранил Спарту как независимое государство.

Последняя попытка возродить Спарту была предпринята двумя спартанскими царями, Агисом IV (ок. 244–241 гг. до н. э.) и Клеоменом III (235–222 гг. до н. э.), но и она закончилась гибелью Агиса (241 г.), разгромом Клеомена при Селассии (222 г.) и ликвидацией их реформ.

Плутарх написал и биографии двух фиванских военачальников и государственных деятелей, внесших, быть может, самый значительный вклад

в крушение спартанской гегемонии, Пелопида и Эпаминонда (вторая до нас не дошла), а также — биографию Арата Сикионского, фактического создателя Ахейского союза, его бессменного руководителя в 245–213 гг. до н. э. и противника Клеомена.

Итак, впервые со времен эпохи Августа Плутарх дал свое глубокое осмысление истории Греции, столь важной для наступающей эпохи греческой истории и «греческого возрождения». Эпоха эллинизма интересовала его меньше, но и здесь мы видим людей, чья деятельность отражала основные вехи ее истории — создателя эллинистической цивилизации Александра Великого, последнего борца за единство его Империи Эвмена Кардийского, последнего значительного участника борьбы диадохов и эпигонов, Деметрия Полиоркета, и первого греческого полководца, воевавшего с римлянами, эпирского царя Пирра.

Таким же образом построено осмысление римской истории. Начав с двух основателей римского государства, Ромула и Нумы Помпилия, и фактического создателя римской республики Публия Валерия Публиколы, он переходит к биографиям Гая Марция Кориолана, после похода которого в 491–488 гг. до н. э. начались тяжелые войны с вольсками и их союзниками эквами (Liv., II, 38–40), и Марка Фурия Камилла, победителя Вей (396 г.), спасителя Рима от галльского разгрома (390 г.), возглавившего римлян в тяжелый период 80–70-х гг. II в. до н. э. и сумевшего создать основу для гегемонии Рима в Италии.

330 Далее идут герои Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.), спасшие Рим от Ганнибала, Квинт Фабий Максим, Марк Клавдий Марцелл и Сципион Африканский Старший, биография которого до нас не дошла. У каждого из них есть своя «смысловая роль», Фабий был символом и создателем той обороны, которая помогла Риму выстоять после страшных поражений при Треббии (218 г.), Тразименском озере (217 г.) и Канн (216 г.), Марцелл — символом того перелома 215–212 гг. до н. э., когда римляне перешли в наступление, важным этапом которого стало взятие Сиракуз (214–212 гг.) и, наконец, имя Сципиона было связано с конечной победой в Испании (210–206 гг.) и Африке (204–201 гг.).

Катон Старший был фактическим лидером римского сената в 80–50-е гг. II в. до н. э. в эпоху расцвета республики, а деятельность Т. Квинкция Фламинина и Л. Эмилия Павла были особым образом связаны с Македонскими войнами, победами при Киноскефалах (196 г.) и Пидне (168 г.) и установлением римского господства в Греции. Эти два персонажа принадлежат, вероятно, к самым симпатичным для Плутарха. Видимо, этот круг завершала биография Сципиона Эмилиана, которая до нас не дошла.

Теперь Плутарх переходит к главному блоку биографий — жизнеописаниям великих деятелей эпохи гражданской войны, которые численно превосходят все остальные (13 к 10): Гракхи, Марий, Сулла, Серторий, Лукулл, Красс, Помпей, Юлий Цезарь, Цицерон, Катон Младший, Брут и Марк Антоний. Конечно, это быть может, — самые яркие личности

в римской истории, а сведений о них больше, чем о других, но смысл был не только в этом. Как и Ливий, Плутарх хотел прежде всего, осмыслить именно эту эпоху. Вместе с тем, как и у Тацита и Плиния, у Плутарха была особая цель — цель примирения.

Разбор биографий показывает интересную особенность Плутарха. Знаменитый историк и писатель предпочитает давать в самой биографии позитивную информацию и, наоборот, переносить негативные сведения в биографии других персонажей, что хорошо видно на примере биографии Цезаря[32]. Эта особенность труда Плутарха позволяла показать ему своих героев в более или менее позитивном свете.

Другая особенность — стремление показать роль своих персонажей во внешних войнах, делая особый акцент на победах над врагами Рима. В биографии Мария подробно рассказывается о его победах над германцами при Аквах Секстиевых и Верцеллах (Plut. Mar., 11–27), в биографии Суллы — о Первой Митридатовой войне (Plut. Sulla, 11–24), в биографии Лукулла большая часть — это рассказ о Третьей Митридатовой войне (Plut. Luc., 11–24), в биографии Помпея значительная часть — это его войны 60-х гг. (Plut. Pomp., 24–47), в биографии Цезаря огромное внимание уделено Галльским войнам (Plut. Caes., 15–23), и даже в биографиях Красса (Plut. Crass., 17–34) и Антония (Plut. Ant., 35–54),

---

[32] См.: *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. С. 469–473.

большое внимание уделяется войнам с парфянами, то есть, хотя и неудачным, но все-таки войнам с внешним врагом.

Даже там, где представить подобные примеры было бы сложно, Плутарх все-таки пытается это делать: он показывает активное участие Сертория в германских и испанских войнах (Plut. Sert., 1–4) и успехи Тиберия Гракха под Карфагеном и Нуманцией (Plut. Tib. Gr., 1–3). Участию в гражданской войне уделено меньше внимания (Plut. Mar., 41–44; Sulla, 7–8; 25–33; Luc., 2; Crass, 6–7; Pomp., 6–13), и, по крайней мере, до биографии Помпея это правило соблюдается. Выдающиеся деятели I в. до н. э. как бы «выстраиваются» в единый ряд: победитель германцев Марий, победившие Митридата Сулла, Лукулл и Помпей и, наконец, победитель Галлии, а также — Египта, Фарнака и Нумидии Юлий Цезарь, одолевший всех врагов Рима и сделавший Рим мировой державой. Плутарх находит то, что их объединяет: все они воевали за Рим и его Империю.

И все-таки молчать о гражданских войнах Плутарх не мог, и, в общем, не хотел. Очень подробное их описание мы видим в биографиях Сертория (Plut. Sert., 1–4), Помпея (Plut. Pomp., 64–80), Цезаря (Plut. Caes., 29–56), Катона (Plut. Cato, 52–58), Брута (Plut. Brut., 25–33) и Антония (Plut. Ant., 5–8; 21–22; 56–86). Впрочем, и здесь есть свой акцент. У Плутарха нет подробных описаний Союзнической войны 90–89 гг. и гражданских войн 83–82 гг. до н. э., однако он обращает большое внимание на войны 49–45 гг.

и 44–31 гг. до н. э., в которых отмечено гораздо большее участие внешних сил.

Тем не менее, эти войны присутствуют, и Плутарх очень ярко показывает их через параллели с греческими персонажами. Эти исторические параллели, как правило, очевидны. Основатели Афин и Рима Тесей и Ромул, создатели основ спартанской и римской государственных организаций Ликург и Нума Помпилий, создатель афинского полиса Солон и основатель римской республики П. Валерий Публикола. Это также — победители угрожающего стране вражеского нашествия Фемистокл и Камилл, предавшие свое отечество, но сумевшие остановиться в последний момент Марций Кориолан и Алкивиад, и спасшие греков от карфагенской угрозы и власти Македонии Тимолеонт и Эмилий Павел.

Мы видим молодых, честных реформаторов, погибших в неравной борьбе с правящей олигархией (Агис и Клеомен и братья Гракхи), благородных изгнанников Эвмена и Сертория, которые были вынуждены сражаться против своего государства, но оставались людьми, преданными той родине, которой они служили, великих ораторов, Демосфена и Цицерона, также до конца боровшихся за свое дело, непреклонных и неподкупных моралистов, Фокиона и Катона, и, наконец, «тираноубийц» Диона и Брута. Иногда параллели более сложны. Герои войны, Пелопид и Клавдий Марцелл погибли при сходных обстоятельствах, став жертвами собственной неосторожности и так и не дожив до заслуженной победы. Перикл и Фабий Максим были

создателями «стратегии измора», которая была единственным способом борьбы с опаснейшим противником, соответственно, спартанцами и карфагенянами, но в первом случае она не удалась, а во втором привела к конечной победе. Наконец, Пирр и Гай Марий, впервые сразились с опасным противником из «варварского мира», римлянами и германцами. Пирр, несмотря на блестящие победы, в конечном счете, потерпел поражение, тогда как Марий завершил войну полной победой. Впрочем, римляне, которых греки времен Пирра, считали варварами, все-таки оказались вовсе не «варварским» народом. В подавляющем большинстве примеров мы видим не столько личностное сходство, сколько сходство исторической судьбы. Задача создания единой истории Греции и Рима была выполнена блестяще, и одни судьбы (как государств, так и государственных деятелей) становились более понятны благодаря другим.

Плутарх смог разрешить проблему гражданской войны. Вероятно, первым шагом на этом пути стала реабилитация Гракхов, и если традиция Ливия считала их виновниками гражданской войны (Liv. Epit., 58–59; Vell., II, 3, 6; De v. ill., 64–65), то Плутарх показал их честными и благородными реформаторами и патриотами, стремившимися к благу своей страны и проводившими реформы максимально безболезненным путем, тогда как вина за их гибель падала на их противников. Именно провал их реформ, а не само выступление, повел Рим по кровавому сценарию, которого могло бы

не быть, если бы власти прислушались к их предложениям[33].

Происходит и частичная реабилитация Мария. Он предстает, прежде всего, как выдающийся полководец, отразивший опасное нашествие германцев, угрожавшее существованию Рима, однако его союз с демагогами, Сатурнином и Сульпицием, оказался губительным для Рима, а его честолюбие и жестокость привели к развязыванию гражданской войны (Plut. Mar., 30–34; 43–44), победителем в которой оказался Сулла, который (и здесь особенно ярко звучит параллель с Лисандром) своей победой и террором загнал общество в тупик и создал тяжелейший политический кризис, сделав ситуацию безысходной, а жертвами этой трагедии становились последующие герои. Сулла умер непобежденным, в отличие от Лисандра, который увидел крах своего «дела», но римский диктатор оставил этот крах в наследство своим преемникам.

Именно последние отодвинули Империю от «роковой черты». Перед нами проходят последний марианец Квинт Серторий, ставший вождем антиримского восстания, но всегда остававшийся патриотом Рима, и, возможно, именно он не дал преемникам Суллы продолжать его «дело» и заставил пойти на перемену курса (Plut. Sert., 9; 22; 25), верный сулланец Лукулл, предпочитавший, однако, служить Риму в войнах с внешним, а не «внутренним»

---

[33] *Егоров А. Б.* Гракханские реформы, историографическая традиция и проблема оценки. С. 29–47.

противником (Plut. Luc., 42–44), что было характерно, вероятно, для многих сулланских полководцев. Здесь же появляется богач Красс, разбогатевший на проскрипциях Суллы, но понявший обреченность режима и пошедший на союз с оппозицией и, наконец, Гней Помпей (опять-таки замечательна параллель с Агесилаем), ставший главным наследником «дела Суллы», спасавший Империю в течение 30 лет (78–50 гг. до н. э.), но, в отличие от Агесилая, едва не погубивший ее в конце своей деятельности.

Плутарх провел и реабилитацию Цезаря. После времен Тиберия, Калигулы, Нерона и Домициана, господства «цицеронианства» в культуре и духовной жизни и усиления интереса к Катону и «катонизму» в политике, создавалась парадоксальная ситуация, когда основатели Империи, Цезарь и Август, переставали быть символами этой эпохи, и именно у Плутарха они снова стали тем, чем они были. Цезарь у Плутарха становится популяром и защитником народа, великим полководцем и политиком, сумевшим вывести Рим из кризиса и победителем в самой большой и успешной войне (Галльские войны), которые когда-либо вели римляне (Plut. Caes., 1; 15–16; 57–59). Вероятно, особенно важным является то, что Цезарь сопоставляется с Александром Великим как два главных героя античной истории, не лишенные недостатков, но возвышающиеся над всеми остальными.

Оставалась проблема его противников, и Плутарх попытался решить и ее. Цицерон оставался величайшим оратором, а в политике подчеркивалась

не его вражда с Цезарем, а борьба против Катилины (Plut. Cic., 10–22), Клодия (ibid., 29–36) и Антония (ibid., 42–43), Катон оставался символом человеческой порядочности, борющимся с миром коррупции, подкупа, властолюбия и бесчестия (Plut. Cato, 44), трагически переживавшим гражданскую войну (ibid., 52–53), но, в конечном счете, ставшим его жертвой (Plut. Brut., 55–57). Такой же жертвой становился и Брут, втянутый в заговор ловким интриганом Кассием, но пошедший до конца и погибший в этой борьбе. И все же, в сопоставлении Диона и Брута звучит сомнение. Дион победил в открытом бою и стал жертвой заговора, в случае с Брутом все было наоборот (ibid., 57). Вставал и другой вопрос, можно ли сравнивать кровавый режим сиракузских тиранов с великой державой Цезаря (ibid., 53–57). В образах Цицерона, Катона и Брута угадываются образы Сенеки, Тразеи Пета и участников заговора Пизона, и здесь явной целью было примирение враждебных традиций.

Биография Антония, вероятно, показала другую идею, бессмысленность династических войн, когда талантливый военачальник, спасавший «дело Цезаря» в 44–42 гг. стал орудием в руках Клеопатры, и если в биографии Цезаря подчеркивалась его историческая правота, то теперь речь шла об историческом оправдании Октавиана Августа.

Плутарх делал то, что делали Цезарь, Август, Веспасиан и Траян в политике, а Вергилий, Тит Ливий и Тацит в литературе и историографии. Этой целью было закончить длившуюся более ста лет

 после своего окончания гражданскую войну, которая вплоть до его времени продолжала разъединять людей, принимая самые различные формы, от процессов об оскорблении величия до династической борьбы и провинциальных восстаний. Три выдающихся писателя добились своего: последующие поколения увидели эпоху Траяна через восприятие «Панегирика» Плиния Младшего, сложный I в. н. э. через труды Тацита, а гражданские войны I в. до н. э. через биографии Плутарха.

Приложение

Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик

Личность и политическая деятельность Марка Лициния Красса всегда вызывала немалый интерес исследователей, хотя в этом он как и при своей жизни, уступал своим более знаменитым современникам Цезарю, Помпею и Цицерону. «Было знамением времени, что посредственный офицер и политик, принимавший свою подвижность за энергию, а свою алчность за честолюбие, обладавший, в сущности, только колоссальным богатством и купеческим талантом завязывать связи — что такой человек, опираясь на всемогущество котерий и интриг, мог считать себя равным первым полководцам и государственным деятелям эпохи...»[1]. Заметим, что автор этих строк, Т. Моммзен, был одним из лучших в истории антиковедения мастеров политической и психологической характеристики, а его влияние на восприятие последующими поколениями античных образов сохраняется и по сей день. Уже в наше время, другой немецкий исследователь,

[1] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. С. 15.

342 Г. Хефлинг, написал о нем следующее: «Несмотря на то, что Красс мастерски умел завоевывать доверие людей услужливостью и обходительностью, сам он был также падок на лесть. Кроме того, этот исключительно тщеславный и корыстолюбивый человек ненавидел и презирал всех, похожих в этом на него самого»[2].

Интересно, что и после смерти Красса его опасения, что Цезарь и Помпей (а, возможно, и не только они) оттеснят его на обочину истории, полностью оправдались. Древность не любила политиков, не умевших или не желавших скрывать свои материальные интересы, а потому алчность Красса стала одной из важнейших составляющих его античного имиджа (Plut. Crass, 2; 32–33). В современной историографии за ним закрепились сразу несколько достаточно различных образов: жестокий палач Спартаковского восстания, воплощавший безжалостный империализм Рима и еще более уродливое и жестокое лицо римского рабовладения[3]; неудачливый, бездарный и даже заслуживающий известного

---

[2] *Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992. С. 223.

[3] О восстании Спартака см. напр.: *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. М., 1936; *Коржева К. П.* Восстание Спартака в советской историографии // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 118–134; *Ковалев С. И.* История Рима. С. 403–409; *Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 143–190; *Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы; *Brisson J.-P.* Spartacus. Paris, 1959; *Münzer F.* Spartacus // RE. Stuttgart, 1918. Tl. 2. Bd. 3. Sp. 760–784; *Grant M.* Die Gladiatoren. Stuttgart, 1970; *Vogt J.* Struktur der antiken Sklavenkriege. Wiesbaden, 1957.

сожаления полководец, погубивший римскую армию в месопотамских песках[4], и, наконец, своеобразный «третий лишний» в триумвирате, заслоняемый более масштабными фигурами Цезаря и Помпея[5]. Не будем опровергать эти оценки, тем более, что в каждом из них есть своя доля правды, отметим лишь, что такого рода выборочные имиджи не позволяют составить цельный образ этого достаточно важного исторического персонажа и определить его реальную историческую роль. Более того, многие факты остаются как бы «неуточненными»

---

[4] Помимо общих исследований см. напр.: *Бокщанин А. Г.* Битва при Каррах (война Марка Лициния Красса с Парфией в 54–53 гг. до н. э.) // ВДИ. 1949. № 4. С. 41–50; *его же*. Парфия и Рим. М., 1966. Т. 2. С. 56 слл.; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 206 сл.; *Беликов А. П.* Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 296–312; *Adcock F. E.* Marcus Crassus, Millionaire. Cambridge, 1966; *Stark F.* Rome on the Euphrates. London, 1966; *Keaveney A*. Roman Treaties with Parthia circa 95 — circa 64 B. C. // AJPh. 1981. Vol. 102, No. 2. P. 195–212.

[5] О триумвирате см. напр.: *Ковалев С. И.* История Рима. С. 424; *Машкин Н. А*. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 21–28; *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 60 сл.; *Чеканова Н. В.* Система триумвирата в политической жизни Рима при переходе от Республики к Империи. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л., 1988. С. 110–157; *Syme R*. The Roman revolution. Oxford, 1939. P. 337–340; *Hanslik R. M.* Cicero und das erste Triumvirat // Rheinisches Museum für Philologie. 1955. Neue Folge, Bd. 98. H. 4. S. 324–334; *Kornemann E*. Römische Geschichte. Bd. 1. Die Zeit der Republik. Bd. 2. Kaiserzeit. Stuttgart, 1938–1939; *Meyer Ed*. Caesar's Monarchie und das Principat des Pompeius. Stuttgart; Berlin, 1919. S. 59 ff.

и задачей данной статьи будет как раз попытка составления общей картины политической биографии Красса. Учитывая разработанность ряда ее важнейших эпизодов, мы намерены остановиться на менее известных фактах и указаниях источников, ограничиваясь общими суждениями там, где они уже, в основном, были сделаны.

Происхождение Красса, которому, как правило, уделяется достаточно мало внимания, во многом предопределило ту сложную роль, которую он сыграл в истории Рима. Род Лициниев, вероятно, этрусского происхождения[6], стал одним из первых плебейских родов, вошедших во властную элиту патрицианского Рима. Древнейшая ветвь, Кальвы[7], были консулярными трибунами 400, 396 и 378 гг. до н. э.[8] Вероятно и боле раннее появление рода: известны трибуны 481 г. и, возможно, представитель Лициниев (Гай Лициний) был народным трибуном в 494 г. (первый год появления трибуната)[9]. На другом этапе «плебейской революции» ее, видимо, самым значительным лидером был Гай Лициний Столон, инициатор законов Лициния-Секстия, переломивших ход сословной борьбы, и консул 364 г. (Liv., VI, 35, 4)[10].

---

[6] *Münzer F.* Licinii // RE. Stuttgart, 1920. Bd. 13. Hbd. 25. Sp. 214.

[7] Ibid. Sp. 220.

[8] Здесь и далее все даты — до нашей эры.

[9] *Münzer F.* Licinii. Sp. 220.

[10] Примечательно, что Лициний Столон стал жертвой одного из собственных законов (Liv., VII, 16, 9).

Впрочем, после этого Лицинии надолго сходят с политической сцены и только в конце III в. их главная ветвь, Крассы, выходит в большую политику. Заметим, что древняя история рода сочетает с одной стороны — аристократизм и прочное положение в новом нобилитете, все больше утрачивающем разделение на патрициев и плебеев, а с другой — достаточно значимые революционно — демократические традиции. В последующей истории отразилось и то, и другое: если одни ветви Лукуллы или Крассы, скорее поддерживали нобилитет, то другие (Лициний Макр; Лициний Кальв) были активными деятелями-популярами.

Основателем ветви был активный участник Второй Пунической войны, П. Лициний Красс, начальник конницы 209, консул 205 г. и великий понтифик, сражавшийся с Ганнибалом в последние годы пребывания карфагенского полководца в Италии (Liv., XXVII, 5, 14–19 — XXVIII, 38; XXIX, 36)[11]. Неизвестно, был ли он первым, кто носил свое родовое прозвище (crassus — «толстый»). Поколением позже[12] встречаются консул 171 г. П. Лициний Красс и консул 168 г. Г. Лициний Красс. Далее следует ряд знаменитых представителей рода: П. Лициний Красс Муциан, консул 130 г., знаменитый оратор, консул 95 г. Л. Лициний Красс и консул 97 г. и цензор

---

[11] *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1976. С. 258, 274, 275, 279, 284.

[12] Точное родство между тремя Красами неизвестно, хотя, вероятно, оно было достаточно близким.

89 г., П. Лициний Красс, отец интересующего нас персонажа.

Крассы занимали особое место в римской политической элите. Прежде всего, они были одними из самых образованных ее представителей и внесли большой вклад в римскую культуру. Красс Муциан был известным оратором (Gell. N. A., I, 13), а консул 95 г. Л. Лициннй Красс, наряду с Марком Антонием, консулом 99 г., считался лучшим оратором всего поколения. Именно на примере Красса Цицерон строит свою модель идеального оратора, знатока права, философии, истории, владеющего основами всех наук, мастера древних и современных риторических технологий, вместе с тем, имеющего огромный опыт политических и судебных выступлений. Именно Красс является центральным персонажем диалога «Об ораторе», главного риторического диалога Цицерона, а, согласно свидетельству знаменито оратора, в 90-е гг. практически все судебные дела проходили при участии шести адвокатов: Красса, Антония, Цезаря Страбона, а также — младших членов кружка, Г. Аврелия Котты и П. Сульпиция Руфа. Только один человек, консул 91 г. Л. Марций Филипп, не примыкал к этому кругу (Cic. Brut., 57, 207).

Примерно в 70-е гг. II в. род Крассов вступает в контакты с другим родом, Муциями Сцеволами, давшим Риму целую плеяду правоведов и великих понтификов[13]. Сцеволы были известны как

[13] Великими понтификами были, по крайней мере, три представителя рода: Кв. Муций Сцевола (П. Лициний Муциан)

специалисты в области сакральной жизни, знания древних обычаев, юриспруденции и сакрального права[14]. Консул 133 г. П. Муций Сцевола был издателем «Великих анналов», а другой представитель рода, Кв. Муций Сцевола-авгур, обучал праву Цицерона, который считал его лучшим специалистом в этой области (Cic. Lael., I; Plut. Cic., 3). Были и другие связи; Сцевола-авгур был отцом Муции Секунды, жены оратора и консула 95 г, Л. Линия Красса, он также являлся двоюродным братом Красса Муциана и П. Муция Сцеволы, консула 133 г., сыном последнего был Квинт Муций Сцевола, консул 95 г., друг оратора Красса и его коллега по должности. Наконец, Красс Муциан был Сцеволой по рождению и родным братом консула 133 г.

Образованность и роль в интеллектуальной жизни Рима во многом определили политическую ориентацию Крассов-Сцевол, их связи и политическую судьбу. Их политика была политикой умеренной ориентации, стремления бескровного выхода из кризиса, «средней линии» и неприятия радикальных идей, течений и конкретных политиков.

был великим понтификом 131–130 гг., его брат, П. Муций Сцевола был великим понтификом 130–115 гг., в 89–82 гг. должность занимал сын последнего, Кв. Муций Сцевола. Столь частое занятие должности членами одного рода никоим образом нельзя объяснить только его политическим влиянием.

[14] Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари: Римская интеллигенция и кризис конца II — начала I вв. до н. э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 191–204.

348 Античные авторы, включая самого Цицерона, избегают называть их оптиматами или популярами, а в области культуры этот круг, понимая и принимая культуру греков, скорее ориентировался на почвеннические интересы (римское право, антикварные изыскания, латинская филология).

Практически все реформаторы, от Гракхов до Ливия Друза и Сульпиция Руфа, были так или иначе связаны с Крассами-Сцеволами. Консул 133 г. П. Муций Сцевола и его родной брат, Красс Муциан, были, вероятно, разработчиками гракханской реформы и активными участниками событий 133–129 гг., поддерживавшими Гракхов (Cic. De re p., I, 31; De orat., 52; De dom., 136; Plut. T. Gr., 9), а дочь Муциана, Лициния, была женой Гая Гракха.

Новый всплеск деятельности Крассов-Сцевол происходит в 90–80-е гг., и это время будущий триумвир застал уже в зрелом возрасте. Вокруг оратора Красса собирается кружок, в который, наряду со старшими членами, Кв. Муцием Сцеволой и Марком Антонием, вошли будущие реформаторы, М. Ливий Друз, П. Сульпиций Руф и Г. Аврелий Котта. Сюда вошли и несколько членов Юлиев Цезарей[15].

---

[15] Там же. С. 197. Ветвь Цезарей начинается от Секста Цезаря, претора 208 г., у которого было два сына: консул 156 г. Секст Юлий Цезарь и претор Луций Юлий Цезарь. Детьми Луция были Секст Юлий Цезарь, консул 91 г., претор Гай Юлий Цезарь, отец будущего диктатора и Юлия, жена Мария, а внуком Л. Цезаря был сам знаменитый диктатор. Ветвь, идущая от Секста Цезаря, представлена двумя сыновьями, Секстом

Марк Лициний Красс, несомненно, вырос в культурной ауре этого кружка и, несмотря на молодость, явно унаследовал его взгляды. Он родился в 115 или 114 г.[16] и был младшим сыном Публия Лициния Красса, консула 97 г. Точное родство между Публием Крассом и Крассом-оратором не установлено, но оно, несомненно, было достаточно близким, и, хотя Публий был скорее военным и политиком, у него явно были связи с ораторским кружком. Похоже, что все поколения Крассов очень ценили образование. Несмотря на обстоятельства молодости, явно мешавшие его интеллектуальным занятиям, Марк Красс был блестящим оратором, многократно выступал в качестве адвоката (Cic. Brut., 233; 311; Plut. Crass, 3; 7), прекрасно знал философию и был поклонником Аристотеля (Plut. Crass, 3). Высокообразованным человеком был, по крайней мере, один из его сыновей, Публий, который, по традиции своего времени, был поклонником Цицерона и постоянно мирил с ним отца, вовсе не разделявшего всеобщий восторг перед великим оратором (Cic. Ad Q. fr., II, 7, 2; V, 8, 4; Brut., 281; Plut. Crass, 13; Cic., 33).

90-е гг. были временем политического взлета Крассов-Сцевол и близких к ним людей. Известным политическим дебютом стал 100 г., когда практически все значимые члены кружка вместе

и Луцием, а детьми Луция были консул 90 г. Л. Цезарь и известный оратор, Г. Цезарь Страбон.

[16] *Münzer F.* Licinius (68). Sp. 295.

350 с оптиматами приняли участие в подавлении мятежа Апулея Сатурнина. Этот старт четко обозначен в речи Цицерона «За Рабирия» (Cic. Rab., 21). Оратор упоминает об участии в выступлении «всех Крассов» (omnes Crassi), имея в виду, в том числе и оратора Красса, и будущего консула 97 г. и поименно называя обоих (Cic. Rab., 21; Phil., VIII, 15), и «всех Юлиев» (omnes Iulii), имея в виду отца будущего диктатора, Гая Юлия Цезаря, и будущих консулов 91 и 90 гг. Секста и Луция (Cic. Rab., 21). Среди явившихся на форум были двое Сцевол (Сцевола-авгур и Сцевола — консул 95 г.) (Ibid.), а оратор Марк Антоний командовал вооруженным отрядом, находясь за городом (Ibid., 26).

Наряду с оптиматами, круг Крассов-Сцевол стал одной из влиятельнейших сил, определявших политику 90-х гг. В 99 г. консулом был Марк Антоний, в 97 г. — отец Красса, П. Лициний Красс, в 95 г. — оратор Красс и Кв. Муций Сцевола, в 91 г. — С. Юлий Цезарь, в 90 г. — Л. Юлий Цезарь. Политическим курсом этого круга был ярко выраженный центризм, что отражается даже в словоупотреблении авторов (Sall. Hist., III, 48, 1–11). Новые лидеры пытались решить две проблемы, представлявшие смертельную опасность для республики: проблему провинции Азия и вторжения Митридата и проблему восстания союзников и возможной гражданской войны. В союзническом вопросе им противостояли оптиматы, а в вопросе об Азии, произволе публиканов и всаднических судах им противостояли марианцы и всадническое лобби.

В 94–98 гг. Муций Сцевола, ставший проконсулом Азии и его легат П. Рутилий Руф пытались защитить интересы провинциалов против публиканов. В 92 г. процесс Рутилия Руфа показал могущество и степень произвола всаднических судов[17]. Реформы Друза и особенно — его закон о союзниках, поддержанный оратором Крассом и его окружением, стали последней неудачной попыткой предотвратить кризис. Правящие круги Рима, прежде всего, оптиматы, развязали кровавую бойню, стоившую жизни сотням тысяч римлян и италиков[18], а действия марианцев спровоцировали конфликт с Митридатом[19]. Жертвой этой бойни стала и партия Крассов-Сцевол.

Надо заметить, что эта последняя пыталась помешать развитию катастрофического сценария. Оратор Красс активно защищал дело Друза и умер

---

[17] Подробнее о процессе Рутилия см.: Cic. De orat., I, 229; Dio, XXVIII, fr. 97; Vell., II, 13; Flor, III, 17. Ни один из источников не сомневается в том, что процесс был сфальсифицирован. Если одни исследователи видят в этом конфликт сената и всадников (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. С. 201–202; *Ковалев С. И.* История Рима. С. 375), то другие склонны считать, что именно марианцы, а, возможно, и лично Марий были главной пружиной интриги. См.: *Nicolet C.* L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 a. C). T. 1. Définitions juridiques et structures sociales. Paris, 1966. P. 34.

[18] Веллей Патеркул оценивает военные потери в Союзнической войне в 300 000 человек с обеих сторон (Vell., II, 15, 3), согласно Евтропию, в войне 83–82 гг. погибли 150 000 человек (Eutr., V, 9). В Митридатовой войне только потери мирного населения во время резни 88 г. достигло 80 000.

[19] *Hind J. G. F.* Mithridates // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 145–149.

во время выступления 20 сентября 91 г. до н. э. (Cic. De domo, 50; Pro Mil., 16). Оратор Антоний с трудом смог оправдаться от обвинения в комиссии Вария (Cic. Tusc., II, 57). В 90 г. отец Красса был легатом консула Л. Юлия Цезаря в Союзнической войне (Plut. Crass., 1), а в конце 90 г. консул Цезарь предложил закон Юлия о предоставлении гражданских прав италикам и, вероятно, поддержал другой закон, Плавтия-Папирия. В 89 г. Луций Цезарь и Публий Красс были цензорами, возможно, пытаясь продолжить свою политику[20], сорванную переворотом Суллы в 88 г.[21]

В 87 г. до н. э., когда Октавий и оптиматы защищали Рим от марианцев Публий Красс, видимо, имевший репутацию военного специалиста был одним из руководителей обороны города (App. B. C., I, 69; Licin., 26; 29 Bonn). Победа Мария и Цинны привела к физическому уничтожению кружка Красса, После вступления в Рим, марианцы начали жестокий террор, жертвами которого стали как лидеры оптиматов (Октавий, Лутаций Катул, Корнелий Мерула, Л. Корнелий Лентул), так и «умеренные». Первая волна уничтожила Луция Цезаря и его брата оратора Цезаря Страбона (Cic. De

[20] Данные 89 г. до нас не дошли. Следующий ценз 86 г. проводился с некоторым учетом союзников, возможно, этот принцип использовался и после закона Юлия. Впрочем, даже данные 86 г. (463 000 человек) явно показывают достаточно небольшой учет «новых граждан».

[21] После переворота, Сулла отменил законы Сульпиция, в том числе — закон о равном распределении италиков по всем 35 трибам.

orat., III, 10; Brut., 307; App. B. C., I, 69; Flor, II, 9), оратора Марка Антония и П. Лициния Красса (Liv. Epit., 80; Plut. Crass, 4). Вместе с отцом прогиб и старший брат Марка. Позже, в 82 г. погиб последний представитель кружка, консул 95 г. П. Муций Сцевола. Хотя между Крассом и Суллой, равно как и его аристократическим окружением[22], не было никаких связей, у него не было иного выхода. Мстить за отца и брата и спасать собственную жизнь можно было только в лагере Суллы, и только последний мог бороться с новыми хозяевами Рима. Сулла также был рад любому союзнику.

Тем более примечательно, что путь Красса к Сулле был достаточно долгим. В 85 г. до н. э. он с тремя друзьями и 10 рабами бежал в Испанию, где скрывался 8 месяцев (Plut. Crass, 4), а затем начал партизанские действия с отрядом в 2500 человек (Plut. Crass, 6). В 84 г. он соединился с Метеллом Пием в Африке и после ссоры с ним направился к Сулле, застав последнего уже в Брундизии (83 г.) (Ibid.). Примечательно, что Сулла не дал Крассу войск и, заявив, что «дает ему в провожатые отца и брата», напротив, сам послал молодого офицера для набора войск в область марсов (Ibid.). Реплика Суллы, вероятно, была для Красса довольно болезненной, поскольку командующий косвенно ставил ему в пример Метелла Пия и Гнея Помпея, соперничество

---

[22] О составе сулланской элиты см.: *Егоров А. Б.* Римская правящая элита в 80–50 гг. I в. до н. э. (К вопросу о диктатуре Суллы и «принципате» Помпея // Актуальные проблемы всеобщей истории. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 5. С. 31–45.

с которым началось уже к тому времени. Все трое были не просто «генералами». Сулла Метелл Пий — главой клана Метеллов, Помпей — сыном Помпея Страбона, консула 89 г. и второго победителя в Союзнической войне (91–88 гг.), а Красс — единственным оставшимся в живых представителем группировки Крассов-Сцевол. Отцы Помпея и Красса руководили обороной Рима от марианцев в 87 г. и, таким образом, Сулла консолидировал главные группировки римской оптиматской элиты.

Впрочем, определяющим фактором стали личные качества. В 82 г. до н. э. Красс вместе с Помпеем и Метеллом успешно сражался против Карбона и Каррины (App. B. C., I, 90), однако его звездный час наступил 1 ноября 82 г., когда молодой полководец фактически выиграл для Суллы решающую битву у Рима и после этого вошел в ближайшее окружение диктатора.

Несмотря на реально высокое положение, Красс стал сенатором во время сулланского «пополнения»[23] и до 73 г. прошел часть cursus honorum, будучи квестором и эдилом. Впрочем, о его политической деятельности до восстания Спартака ничего определенно не известно и, вероятнее всего, он был занят деятельностью несколько иного рода.

[23] Пополнение 81–80 гг., когда Сулла добавил в сенат 300 человек. Красс не занимал никаких магистратур до своего изгнания в 85 г. и маловероятно, что он мог быть сепатором-педарием, тем более при марианцах. В этом нет ничего удивительного, Помпей был всадником почти до времени своего консульства.

Крассы были очень богаты, и прозвище Dives имел уже консул 205 г. Очень богат был Красс Муциан[24], хотя, похоже, что в жизни Красса-оратора и Публия Красса-старшего капиталы особой роли не играли. Марк Красс в полной мере вернул капиталы семьи. Возможно, отчасти речь шла о реституции, однако Красса, видимо, справедливо обвиняют в откровенных хищениях и спекуляциях, вызвавших даже гнев Суллы, отстранившего его от должности своего эмиссара в Бруттии. Красс богател за счет скупки горелых зданий и спекулятивного строительства, а, возможно (и даже наверняка) — за счет денежных операций и, вероятно, откупа, который он (как сенатор) мог вести через подставных лиц[25]. Согласно Плутарху, стартовый капитал Красса составлял 300 талантов (7,2 млн сестерциев), а к 55–54 гг. он достиг 42,6–45 млн денариев (160–180 млн сестерциев) (Plut. Crass, 2; Plin. N. H., XXXIII, 1). Это было самое большое состояние в Риме.

Масштабы были действительно фантастичны. По подсчетам Т. Моммзена, в очень благополучном 62 г. в казне было 200 млн сестерциев, а походы Помпея увеличили ее еще на 85 млн. Военный бюджет достигал 70–80 млн, на программу строительства флота или снабжения Рима зерном уходило

---

[24] Состояние Красса Муциана оценивалось в 100 млн сестерциев. См.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. С. 371.

[25] Сенаторы не имели права заниматься откупными операциями, но их реальное участие в этом процессе было весьма распространенным явлением: *Richardson J.* The Administration of the Empire // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 584–585.

356 30–35 млн[26]. Деньги Красса стали важным фактором римской экономики, и сам мультимиллионер мог позволить себе находиться вне партий (Dio, 37, 50 — δια μέσου έχώρεσεν; Sall. Hist., III, 48). Похоже, что Красс значительно опережал даже таких олигархов, как Лукулл, Помпей, Квинт Гортензий и Домиций Агенобарб, равно как и нуворишей — коррупционеров типа Верреса[27]. Имея такой огромный капитал, Красс мог не только занять ключевые позиции политическом и финансовом мире Рима, но и бросить вызов «собратьям по классу» и управляемому ими государству. Похоже, именно это он и решил сделать.

Исследователи достаточно много писали об участии Красса в Спартаковой войне. Отметим, что его действия оказались очень эффективными, и, в этом плане, Красс действовал на уровне лучших полководцев своего времени, Метелла, Помпея, Лукуллов и Сервилия. Выбор Красса был не только его волей, он был естественен со всех точек зрения. Все вышеупомянутые полководцы воевали в провинциях, а военачальники «второго» уровня, консулы 72 г., Л. Геллий и Гн. Корнелий Лентул, равно как и проконсул Г. Кассий Лонгин, были разбиты Спартаком, показали свою неспособность справиться с ситуацией. В Риме прекрасно понимали опасность войны и ее масштабы, и Красс был, вероятно, единственным вариантом командующего.

---

[26] См.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. С. 304.

[27] Сумма ущерба, нанесенного Верресом, оценивалась Цицероном в 100 млн сестерциев, 40 млн удалось доказать в судебном порядке.

Спартак столкнулся не с мощью Рима, а с достаточно слабым государством, пережившим катастрофу 80-х гг. и находившимся в состоянии крайнего военного напряжения: в 74 г. римляне выставили 33, в 73 г. — 38 легионов (вдвое больше, чем в худшие периоды Второй Пунической войны), в 72 г. напряжение возросло до 42 легионов, что приближалось к ситуации гражданской войны 83–82 гг.[28] Это были действительно последние резервы республики. Наконец, армия Красса, достигшая 10 легионов, была, возможно, самой большой сражающейся армией: две армии в Испании насчитывали 13–14 легионов (войска Метелла и Помпея), а Лукулл на востоке имел 8. Картина тотальной войны, нарисованная выдающимися писателями-романистами, Р. Джованьоли и Г. Фастом, явно ближе к истине, чем описания античных авторов, не желавших показывать подлинные масштабы «позорной» войны с рабами. Не в меньшей степени, чем Помпей, Красс мог претендовать на роль «спасителя Рима».

Красс действовал крайне жестоко, но эта жестокость была достаточно обычна на фоне действий римских полководцев, а восставшие рабы не считались «воюющим противником», на которого распространялись хотя бы какие-либо правила. Его

---

[28] См. *Brunt P. A.* Italian manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxford, 1971. P. 344ff. Обычная численность римской армии в период 200–90-е гг. не превышала 4–10 легионов, в период Второй Пунической войны она доходила до 20–25 легионов, в гражданской войне 83–82 гг. численность сражающихся армий достигла 54 легионов.

358 соперник Помпей вел себя точно также (Plut. Pomp., 21), аналогичным образом действовали Сервилий в Исаврии (Sall. Hist., II, fr. 87) и Метелл Критский во время операции против критских морских разбойников. Явно оправдывая жестокости римлян, Саллюстий описывает аналогичные действия восставших в Кампании, Лукании, Ноле, Мегапонте и Фуриях (Ibid., III, fr. 96, 98), но полностью отрицать эти факты, наверное, невозможно.

С 70 г. начинается поворот. Армии Красса и Помпея, стоявшие у города, были распущены. Помпей получил триумф, Красс — овацию (Plut. Crass, 11). Несмотря на неравенство наград, общество оценивало их заслуги примерно одинаково. Некоторые ученые полагают, что Рим был на грани новой гражданской войны[29], другие, видимо, более правомерно полагают, что таковой угрозы все-таки не было.

70 г. стал временем «мирной революции» против сулланской системы. По сути, это было всеобщее движение, объединившее остатки марианцев, популяров и «умеренных»; Суллу ненавидели жители Рима, италики и провинциалы, а к власти пришли сулланские военные, готовые на компромисс с оппозицией, чтобы спасти систему. Среди сторонников реформ оказались не только Красс и Помпей, но и другие военные (Геллий, Лентул и др.). Главными итогами революции стали восстановление власти трибунов (Plut. Pomp., 21; Vell., II, 32; Liv. Epit., 97), новый ценз, впервые учитывающий «новых

[29] Напр.: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. С. 3, 65–71.

граждан» и зафиксировавший их огромное увеличение[30], закон Аврелия Котты о судах и первые

[30] Ценз 86 г. дал 463 000 граждан, согласно цензу 70 г. это число выросло до 910 000. Единственным достоверным объяснением является то, что новый ценз (в отличие от предыдущего) реально учитывал италиков. Впрочем, как справедливо полагает Я. Ю. Заборовский, даже эта цифра показывает, что республика никогда не учитывала все население, подлежащее получению гражданских прав (*Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 56, 193–194).

Современные исследователи все чаще и чаще показывают сходство между различными, казалось бы весьма неоднородными событиями кризиса II–I вв. до н. э. «Столетие между Гракхами и Юлием Цезарем, — пишет К. Николе, — было временем постоянных беспорядков, следующих один за другим постоянных „кризисов“ или „революций“: аграрный кризис 133–121 гг., военные перевороты и гражданские войны 103–100, 88–80, 78, 73–71, 63, 49–44 гг., италийское восстание 90–88 гг., рабские войны 136, 106, 73 (и даже 47 и 36 гг.). В каждом из этих событий источники подчеркивают, прежде всего, их социальное измерение: „богатые“ и „бедные“, „нобили“ или „лучшие люди“ (оптиматы) против „народа“ или „низших классов“. Политическая история, даже на чисто нарративном уровне, постоянно имеет глубокие корни (как было бы естественно ожидать) в социально-политическом контексте» (*Nicolet C.* Economy and Society… P. 600). Сближение Спартаковой и Союзнической войн идет «с двух сторон». Э. Габба, один из крупнейших исследователей Союзнической войны, отмечает активное участие рабов и бедноты в восстании союзников, армии которых «иногда напоминали армии гражданской войны» (*Gabba E.* Rome and Italy: The Social War. P. 120–121). С другой стороны, исследовавший восстание Спартака Я. Ю. Заборовский отмечает, что Спартак, вне всякого сомнения, пользовался поддержкой сельского населения Италии (городское было неизменно враждебно), его маршрут пролегал по районам, ранее охваченным восстанием союзников, а новый ценз,

удары по сулланской коррупции (чистка сената и дело Верреса).

Хотя Красс стал одним из гарантов «революции», он был гораздо менее активен, чем Помпей. Похоже, его больше беспокоили отношения с соперником. Красс поддержал главный закон Помпея о восстановлении трибуната (Cic. De leg., III, 22; 26; Plut. Pomp., 22), после чего совместных акций не было, между консулами произошел конфликт. В конце концов, они примирились (Plut. Crass, 12; Caes., 19; Pomp., 23), но все же их пути разошлись. События 70 г. происходили скорее по «сценарию» Помпея: наиболее одиозные реформы Суллы были отменены, но основы системы сохранились, а Помпей стал главным полководцем республики и «символом» революции. Красса это не устроило.

Встает вопрос, почему? По большому счету, он был чужим среди сулланцев, не будучи связан ни с кланом Метеллов, бывших аристократическим ядром сулланцев, ни с военными, центром которых все больше становился Помпей Магн. Позже Красс столкнулся и с Катулом, лидером сулланского сената и, вероятно, главным идеологом режима.

наконец-то учитывавший италиков, произошел именно после 73–71 гг. (*Заборовский Я. Ю.* Очерки… С. 160–164; 169–170). По справедливому мнению Я. Ю. Заборовского, без поддержки Спартак продержался бы не более одного-двух месяцев.

Впрочем, без восстания Спартака, вероятно, не было бы ценза 70 г. до н. э. Примечательно, что цензорами этого года были разбитые Спартаком консулы 72 г. Л. Геллий и Гн. Корнелий Лентул, а консулами — Красс и Помпей.

Впрочем, похоже, что умный и вдумчивый наблюдатель, Красс отчетливо увидел перспективу скорого краха сулланского и постсулланского Рима, а, будучи деловым человеком, не хотел делать ставку на «неперспективный» режим. С азартом биржевого игрока Красс поставил на оппозицию и, в конечном счете, выиграл. Спартакова война могла сыграть известную роль: современные исследователи склонны видеть в ней не просто восстание рабов, но одну из форм все того же движения «бедной» Италии против «богатой», и даже неким продолжением Союзнической войны. Похоже, что это понимал и Красс. Едва ли стоит подозревать мультимиллионера в сочувствии беднякам, а в разгроме Спартака он, несомненно, видел «выполненный долг» и шанс к личному выдвижению. Тем не менее, Красс должен был ясно видеть гибельность борьбы «двух Италий». Помочь это понять помогли и новые союзники.

Первым из них стал Цезарь. Известную роль должны были сыграть старые политические связи и семейные отношения, а Т. Моммзен относит их альянс ко времени «мирной революции» 70 г.[31] Так или иначе, можно сказать одно: союз возник задолго до Первого триумвирата и был весьма прочен, выдержав испытание временем и обстоятельствами. Первым известным нам его проявлением были события 66 г.

В этом году Красс выступил в защиту одного из ведущих популяров в 70-е гг. Г. Лициния Макра,

---

[31] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. С. 68–72.

 известного историка и активного участника борьбы за восстановление трибуната. После претуры в 68 г., Макр (несомненно, без каких-либо оснований) был обвинен в вымогательствах, однако Красс добился его оправдания (Cic., Att., I, 4, 2), не дав сулланской элите расправиться с одним из самых значительных противников. Тогда же Красс начал лоббировать Катилину.

60-е гг. были временем выдвижения Цезаря, стремительно превращающегося в лидера популяров. В 68 г. Цезарь стал квестором и впервые заявил о реабилитации Мария в речи на похоронах его вдовы и своей тетки Юлии (Suet. Iul., 6; Plut. Caes, 6), в 67 г. он был квестором в Испании и совершил поездку по Цизальпийской Галлии, а, вернувшись, поддержал законы Габиния и Манилия о чрезвычайных полномочиях Помпея (Plut. Pomp., 25). В конце 66 г. происходит странный «первый заговор» Катилины.

Победу на выборах в консулы 65 г. одержала группировка Катилины, что создало опасность радикальных перемен в структуре властной элиты. К власти рвалась самая опасная группировка сулланцев, ее криминальные круги, связанные с другими группами сулланцев и, вместе с тем, представляющими для них опасность. Консулами стали П. Автроний Пет и дальний родственник диктатора, П. Корнелий Сулла. Оба были обвинены в подкупе, выборы признались недействительными, а новыми консулами были избраны их противники, Л. Аврелий Котта (инициатор закона о судах 70 г.)

и сулланец и оптимат Л. Манлий Торкват. Далее сообщения расходятся. Согласно Саллюстию, был организован заговор во главе с Катилиной и другим молодым авантюристом, Гнеем Кальпурнием Пизоном. Планировались убийство Котты и Торквата, провозглашение консулами Катилины и Автрония и посылка Пизона в качестве наместника испанских провинций. Сигнал к выступлению должен был дать Катилина, который почему-то этого не сделал (Sail. Cat., 18–19).

Светоний, ссылаясь на недошедшие до нас эдикты Бибула, речи Гая Куриона и «Историю» Танузия Гемина, а также — косвенный намек в письме Цицерона к Акцию (также не сохранившееся), сообщает, что заговором руководили Цезарь и Красс. Светоний сообщает о более «мирном» варианте. Предполагалось назначить Красса диктатором, а Цезаря — начальником конницы, после чего они должны были провести комиции и вернуть консульство Сулле и Автронию (Suet. Iul., 14).

Из истории «первого заговора» (даже если не отвергать ее полностью), можно извлечь самые общие сведения. Отметим молчание Цицерона, Аппиана и Плутарха. Можно предположить наличие предвыборных интриг, оставшихся на уровне намерений и слухов. Похоже, что Красс лоббировал Катилину или других его сторонников. Согласно Асконию, он финансировал Катилину и Автрония (Asc., p. 82–83), а Саллюстий пишет, что Красс помог Пизону получить высокую должность quaestor pro praetore в Испании, но убийство Пизона сорвало и этот план

364 (Sall. Cat., 19; 21; Suet. Iul., 9). По сути дела, этим сотрудничество Красса и Цезаря с Катилиной и ограничилось и, хотя Цезарь выступал в защиту Катилины 5 декабря 63 г., поведение Красса было иным. С безошибочной интуицией дельца Красс не стал «ставить» на катилинариев — Красс и Цезарь имели с ними общего противника, но не общие интересы.

В 65 г. Красс и Катул стали цензорами. Красс планировал аннексию Египта и чрезвычайные полномочия себе и Цезарю (Cic. De leg. agr., I, 1; II, 41; Suet. Iul., 11). Сопротивление Катула и оптиматов сорвали этот план. В том же 65 г., став курульным эдилом, Цезарь полностью реабилитировал память Мария. Должность требовала огромных расходов, и, вероятно, уже в самом начале Красс начал финансировать Цезаря, дав набирающему силу движению популяров то, в чем они особо нуждались, деньги.

Достаточно трудно хотя бы примерно определить структуру состояния Красса. Хотя, как и у других олигархов, часть денег, вероятно, была вложена в землю, он, в отличие от Помпея или Домиция Агенобарба (Caes. B. C., I, 17; 34; 52)[32], не был крупным

---

[32] Согласно Цезарю, в 49 г. под Корфинием Домиций обещал каждому из солдат, находившихся с ним 30 когорт, т. е. 15 000 человек, по 4 югера (1 га) земли плюс дополнительные раздачи центурионам и трибунам. Позже, олигарх прибыл к Массилии, укомплектовав 7 кораблей своими рабами, либертами и колонами. Земельные владения в 60 000 югеров, несомненно, едва ли намного уступали по стоимости капиталам Красса. О состоянии Помпея см.: *Münzer F.* Pompeius

латифундистом. Немалая доля его капитала была вложена в городскую собственность (дома, городские предприятия) и рудники (Plut. Crass, 2) или находилась в обороте в денежной форме. Как полагает В. Хефлинг, значительная часть Рима была в его руках[33]. Он же отмечает, что немалая часть денег была «вложена» в дорогостоящих квалифицированных рабов (строители, квалифицированные рабочие, «рабская интеллигенция» и управленческий персонал)[34]. Конечно, было бы ошибочно идеализировать отношения Красса с его рабами, но высокие цены были определенной гарантией от тех наиболее жутких форм эксплуатации, которые преобладали на латифундиях с их дешевым рабским трудом. Хотя у нас мало данных для такого рода вывода, было бы заманчивым видеть в противостоянии Красса и других олигархов, противостояние консервативной аграрной и более динамичной прогрессивной и «капиталистической» городской

---

(31) // RE. Stuttgart, 1950. Bd. 21. Hbd. 42. Sp. 2210–2210. Хотя часть его состояния составляли военная добыча и городские постройки, большая часть его капитала (около 70 млн сестерциев) были вложены во владения в Пицене и Лукании, поместья у Альбы, Формий и Тускула и загородные виллы у Кум, Байй, в Этрурии и у Тарента. Может быть, отметим еще один тип богатства, более ориентированный на роскошные дома и виллы, демонстративное потребление, предметы роскоши и раритеты (в том числе книжные), который можно обнаружить у Лукулла (Plut. Luc., 39–51). Цицерон называет его и Гортензия «владельцами рыбных садков».

33 *Хёфлинг Г.* Римляне, рабы, гладиаторы. С. 281.

34 Там же.

366 денежной собственности[35]. В отличие от Лукулла и Гортензия, вкладывавших огромные средства в демонстративное потребление, Красс жил относительно скромно. В 63 г. Красс и Цезарь (впервые после Суллы) выступили с серьезной аграрной программой (закон Рулла), продолжая программу Гракхов по воссозданию класса мелких и средних собственников, теперь фактически разгромленного Суллой, заменившего их своими ветеранами. Эта программа могла быть реализована в условиях поступления беспрецедентных средств, которые ожидались с победой Помпея. Первая попытка закончилась неудачей. Дело было не только в ораторском даре Цицерона, провалившего проект своими речами, но и в сопротивлении Помпея и оптиматов.

Закон Рулла стоит у истоков важной экономической реформы, призванной оздоровить экономику Империи. В 59 г. аграрный закон Цезаря дал землю минимум 50 000 граждан, в 45–44 гг. цезарианская аграрная колонизация затронула 80 000 человек, а при Августе землю в Италии и провинциях получили 300 000 граждан[36]. Переворот привел

---

[35] Как отмечает К. Николе, основные капиталы римлян того периода делались не в экономике как таковой, а в процессе ограбления провинций, т. е. в политике (*Nicolet C.* Economy and Society… P. 640–642) и в этом плане экономическая деятельность Красса, при всей ее коррумпированности и «империалистической» ориентации, все же имела и немалую «экономическую» составляющую.

[36] *Brunt P. A.* Italian manpower… P. 266; *Щетинин М. Н.* Император Август и распространение римского гражданства

к изменению структуры сельского хозяйства Италии, а позже и провинций, и способствовал как экономическому подъему эпохи ранней Империи, так и «правовой революции» в провинциях.

Провал закона сопровождался крушением другого, уже не интересовавшего Красса плана, заговора Катилины. Красс явно решил не связывать себя с катилинариями. 20 октября 63 г. он получил письмо, в котором содержалось предупреждение о планах Катилины, и сообщил о нем Цицерону (Plut. Cic., 15; Crass, 13). Впрочем, 7 ноября на заседании сената Красс заявил о преждевременности принятия senatusconsultum ultimum (Cic. Cat., I, 30; II, 14; IV, 10). В декабре в сенате появились компрометирующие слухи о связях Красса с катилинариями, и в этой ситуации олигарх решил вести себя осторожнее. Растущее неприятие Катилины в римском обществе заставляло пойти на компромиссы даже всемогущего мультимиллионера. Трудные времена были и у его союзника, Цезаря: несмотря на успехи на выборах в верховные понтифики и преторы в 63 г., он также испытал на себе опасность быть связанным с делом Катилины.

Стороны пришли к соглашению. Цицерон и оптиматы не решились трогать Красса (Sall. Cat., 48), но и последний не стал эпатировать общественное мнение. Красс открыто выступил, предложив почести Цицерону, и взял на себя обязанность по охране

в провинциях // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2004. № 3. С. 287–289.

368 одного из руководителей заговора, Габиния (Sall. Cat., 47), а когда 4 декабря Л. Тарквитий сообщил сенаторам, что был послан Катилиной к Крассу, последние попросту не приняли это во внимание (Ibid.; Plut. Crass, 13). На знаменитом заседании 5 декабря Красс отсутствовал (Cic. Cat., IV, 10), а спустя несколько дней, он, вместе с Цицероном и Гортензием, защищал от обвинения в подкупе нового консула 62 г. Л. Лициния Мурену, важного союзника Цицерона.

В 62–60 гг. Красс сближается с оптиматами, причем, на сей раз совершенно искренне поддержав «партию власти» в борьбе с Помпеем. Страх был столь велик, что по возвращении последнего Красс даже уехал из Рима (Plut. Pomp., 43). Тогда же он проводил и Цезаря, отправившегося в Испанию в качестве пропретора. Перед тем, как он уехал, Красс оказал Цезарю неоценимую услугу, поручившись за него на огромную сумму в 830 талантов (около 20 млн сестерциев) (Plut. Caes., 11; Crass, 7; Suet. Iul., 18).

В 61 г. Красс поддержал еще одного лидера популяров, Публия Клодия. Оптиматы решили воспользоваться деликатной историей с инцидентом на празднике Доброй Богини и романом Клодия с женой Цезаря, Помпеей. Процесс угрожал карьере Клодия и репутации Цезаря, а потому Красс, видимо, помогая своему старому союзнику и желая приобрести нового, подкупил суд, оправдавший молодого популяра (Cic. Att., I, 16).

Впрочем, большую часть времени, прошедшую до возвращения Цезаря, Красс, по всей вероятности,

занимался борьбой с Помпеем. Плутарх называет Красса и Катона лидерами сената в борьбе с Помпеем (Plut. Luc., 42). Особенно активно он поддерживал Лукулла и Катона в их противодействии учреждениям Помпея на востоке (App. B. C., II, 9; Dio, 37, 54). В июле 60 г. из Испании вернулся Цезарь, и теперь лидер популяров, которому несколько лет спустя было суждено стать величайшим полководцем Рима, и богатейший олигарх, располагавший гигантскими денежными средствами, уже всегда шли вместе.

Проблемы Первого триумвирата детально разобраны в историографии, и мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями, как это было в случае со спартаковским восстанием. Как мы видели, связи были уже давно, однако после возвращения Цезаря происходит какое- то дополнительное соглашение, механизм которого достаточно интересен. Многие исследователи датируют создание триумвирата временем лета 60 г. — началом 59 г.[37], тогда как другие более осторожно считают, что точную дату заключения союза определить невозможно, а 59 г. был временем первой манифестации триумвирата[38].

Перед тем, как ответить на этот вопрос, попробуем сделать ряд суждений о «механизме» альянса.

---

[37] *Kornemann E.* Römische Geschichte. Bd. 1. S. 571; *Syme R.* The Roman Revolution. P. 77; *Meyer Ed.* Caesar's Monarchie… S. 59–60; *Ковалев С. И.* История Рима. С. 424.

[38] *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. С. 59; *его же*. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 93; *Чеканова Н. В.* Система триумвирата… С. 114–115.

370 Союз трех был союзом между тремя лидерами, а потому решающую роль играли их конкретные соотношения. Инициатива и даже идея, несомненно, принадлежала Цезарю. Более того, переговоры Красса и Помпея (даже если бы таковые могли состояться) без посредника были бы обречены на провал. Идея была не столь оригинальна — перед глазами Цезаря, несомненно, стояла ситуация 70 г. Противник был тот же, популяры (в его собственном лице) значительно усилились, а гарантами второй фазы революции были все те же Красс и Помпей. Основа союза была создана: отношения Цезаря и Красса, уже имевшие более чем десятилетнюю историю, не нуждались в каком-либо оформлении. Поразительно то, что никому не доверявший Красс всегда шел на политические комбинации, предлагаемые Цезарем, и был готов «вложить» в них свои деньги. Сложнее было с Помпеем, и триумвират можно скорее назвать не «союзом Цезаря, Помпея и Красса», а «союзом Цезаря и Красса с Помпеем». Договориться с Цезарем было несложно: Помпей еще не видел в Цезаре соперника, а на протяжении 60-х гг. лидер популяров минимум трижды активно поддерживал знаменитого полководца. Это были ситуации законов Габиния и Манилия и политический конфликт 62 г., когда Цезарь поддержал Метелла Непота. С другой стороны, Помпей не смог добиться от оптиматского сената утверждения своих распоряжений на востоке и аграрного закона в интересах его солдат, а потому был готов к новому альянсу, вероятно, получив от Цезаря соответствующие

гарантии. Оставалось самое трудное — примирить Помпея и Красса. Хотя и в данном случае действующей стороной был Цезарь, а от двух других триумвиров было достаточно договоренности о «прекращении вражды» (Cic. Att., II, 3, 3).

Плутарх сообщает о конкретной декларации о совместных действиях (Plut. Crass, 14; Dio, 37, 55–56), а Дион Кассий — об обязательствах взаимопомощи (Dio, 37, 55–56). Согласно Светонию, все трое приняли решение не допускать, чтобы что-либо в государстве происходило без их желания (Suet. Iul., 19). Дион Кассий сообщает о взаимных клятвах (Dio, 37, 55–57), хотя мы не можем с уверенностью отрицать, что информация является экстраполяцией событий Второго триумвирата.

Явной экстраполяцией является и мнение античных авторов и многих современных исследователей[39] о «монархическом характере» триумвирата, стремлении всех троих (и каждого в отдельности) к единоличной власти и даже «союзе трех монархов» (Plut. Caes., 13; Suet. Iul, 19; Flor, II, 13, 1; 8–10). Даже если признать наличие подобных амбиций, триумвиры не могли не осознавать, что контроль над сенатом находится в руках постсулланской знати и оптиматов. Говоря современным языком, это был не захват власти, а объединение

---

[39] *Kornemann E.* Römische Geschichte. Bd. 1. S. 575; *Meyer Ed.* Caesar's Monarchie… S. 377; Schwarz Ed. Cassius Dio // RE. Stuttgart, 1899. Bd. 3. Sp. 1984; *Hanslik R. M.* Cicero und das erste Triumvirat.

372 всех антисенатских сил[40], которые (особенно в 59 г.) могли претендовать не более, чем на определенное равновесие. Наряду с оптиматской «партией власти», которая никуда не исчезла, появилась достаточно аморфная и разнородная «вторая партия» (это расплывчатое определение, как ни парадоксально, является самым точным), установившая политическое равновесие, просуществовавшее до смерти Красса. Это разделение чем-то напоминает современные двух- и многопартийные политические системы, но главным отличием было даже не отсутствие (или наличие) каких-либо формальных признаков партийной жизни, а то обстоятельство, что ни одна из партий не мыслила ситуацию иначе как временную, будучи ориентирована на полное устранение соперника.

Совершенно очевидно, что все трое должны были поддержать Цезаря на консульских выборах, поскольку это был единственный механизм преобразований. Какие-то конкретные договоренности в отношениях между Цезарем и Крассом едва ли были необходимы. Похоже, их не было и между

---

[40] *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. С. 60–61. Анализ состава консуляров 59 г. показывает, что из 22 консуляров 11 принадлежали к оптиматам и противникам триумвиров. Объединение трех лидеров могло создать (вместе с ними самими) примерно такую же альтернативную «партию», явно уступавшую сопернику в плане стабильности и сплоченности. Подробнее см.: *Егоров А. Б.* Цезарь, Август и римский сенат // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. Сб. науч. статей / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 126–136.

Крассом и Помпеем (соперничающих политиков можно было лишь удержать от открытого конфликта), а потому центр тяжести альянса сместился в сторон) оси «Цезарь—Помпей». В интересах Помпея было утверждение его распоряжений в восточных провинциях (Plut. Pomp., 47; Luc., 42; App. B. C., II, 12; Dio, 38, 7) и, вероятно, учет его ветеранов в аграрной программе. Что касается остальных мероприятий Цезаря, поддержанных двумя другими триумвирами, то их характер (речь, прежде всего, идет об аграрном законе и законе о вымогательствах) носил общегосударственный характер. Возможно, специфические интересы Красса могли быть связаны с законом о снижении арендной платы для публиканов (App. B. C., II, 13; Suet. Iul., 20, 4; Dio, 38, 7; Val. Max., II, 10), но главной целью закона было срочное пополнение казны.

Красс активно поддержал все действия Цезаря. Оптиматы использовали огромные деньги, и даже Катон заявил, что массовый подкуп избирателей происходит «в интересах государства» (Plut. Cato, 31–33; Suet. Iul., 19). Это требовало ответных мер, и деньги Красса должны были сыграть немалую роль. Во время консульства Красс был очень активен: как и Помпей, он открыто поддержал проект аграрного закона во время развернувшихся вокруг него дебатов (Dio, 38, 5; App. B. C., II, 36). После принятия закона, он вошел в аграрную комиссию (Dio, 37, 1), а в конце 59 г., вместе с Помпеем был инициатором закона о предоставлении Цезарю Нарбонской Галлии (Vell., II, 44; Plut. Crass, 14). Авл Геллий

374 сообщает, что во время консульства Цезарь неизменно предоставлял Крассу первое слово, делая его «негласным» принцепсом сената и только после брака Помпея с Юлией, стал давать первое слово второму триумвиру (Gell. N. A., X, 5). Возможно, речь идет не об «изменении отношений», а об определенной, заранее оговоренной процедуре, подчеркивающей паритет триумвиров. Так или иначе, благодаря Крассу, а особенно — Помпею, триумвиры создали сильную группировку в элите сената (консуляры), способную соперничать с оптиматами.

Как правило, говоря о триумвирате, исследователи сразу переходят к событиям 55 г., между тем, как контакты Красса и Цезаря не прекращались и в промежуточный период, даже, несмотря на то, что брак Помпея и Юлии сближал Цезаря и Помпея. Особенно важным было присутствие в армии Цезаря Публия Лициния Красса, сына триумвира, бывшего квестором командующего и фактически третьим человеком в армии после самого Цезаря и legatus pro praetore Тита Лабиена. Публий Красс отличился во всех кампаниях и провел ряд ответственных операций: в 58 г. он участвовал в гельветской кампании и отличился при Вензотионе, отдав приказ об атаке третьей линии, решившей исход битвы (Caes. B. G., I, 51–53). Красс-младший, несомненно, участвовал и в бельгском походе 57 г., а в 56 г. Цезарь поручил ему несколько самостоятельных операций, Публий занимался подготовкой к войне с венетами (Ibid., III, 8–9) и возглавил поход в Аквитанию (Ibid., 21–27). Сыну Красса была поручена и важнейшая

политическая операция по организации явки «отпущенных в увольнение» солдат Цезаря на консульские выборы на 55 г. (Plut. Crass, 14; Pomp., 54). Цезарь очень тепло пишет о Публии, и можно предположить, что отношения между молодым подающим надежды военачальником и выдающимся полководцем, идущим от победы к победе, выходили за рамки чисто официальных, тем более, что у Цезаря не было сыновей и он только что выдал замуж дочь. Можно предположить, что он неохотно отпускал Красса-младшего в далекую Парфию. С 53 г. место Публия занял второй сын Красса, Марк, прошедший вторую половину галльской кампании. Зимой 54/53 гг. Марк командовал легионом (Caes. B. G., V, 24), а затем участвовал в деблокаде легиона Квинта Цицерона, осажденного восставшими галлами (Ibid., 46). Надо полагать, что он был в армии Цезаря и в 52–51 гг. Видимо, не случайно потерявший отца и брата Марк оказался в это время под покровительством старого союзника Красса-старшего. В 49 г., перед гражданской войной Марк Красс-младший был наместником особо важной провинции, Цизальпийской Галлии, главной стратегической базы Цезаря. Тогда же Красс-младший и умер. Заканчивая об отношениях Цезаря с семьей Красса, можно вспомнить и сообщение Светония о романе Цезаря с Тертуллой, женой Красса и матерью Марка и Публия (Suet. Iul., 50). Возможно, это просто вымысел, но, так или иначе, на отношения двух триумвиров это влияния не оказало, они шли своим чередом. Плутарх сообщает, что мультимиллионер

376 был очень консервативен в семейной жизни: он женился на Тертулле, вдове своего брата, она была его единственной (по крайней мере, официальной) супругой, а дети воспитывались в условиях старой патриархальной семьи (Plut. Crass, 1).

В 58 г. Красс продолжал лоббировать Клодия, хотя, как и Цезарь, не проявлял в отношениях с мятежным трибуном особой активности. Зато он активно поддержал Клодия и консулов 58 г. Гн. Кальпурния Пизона и А. Габиния против своего старого недруга Цицерона (Cic. Pro Sest., 39, 41). Красс оказался одним из самых непримиримых противников возвращения оратора из ссылки, и понадобились активные уговоры Публия, сумевшего (хотя бы внешне) примирить отца с великим оратором (Plut. Cic., 33). 29 сентября 57 г. Красс, будучи понтификом, поддержал Цицерона в процессе о его доме, снесенном Клодием (Cic. De har. resp., 12; Att., IV, 2, 3).

Возвращение Цицерона изменило ситуацию. Происходит консолидация оптиматов и их сближение с Помпеем, получившим от сената ответственное поручение по снабжению Рима продовольствием. Зимой 57/56 гг. при поддержке Клодия Красс безуспешно пытается получить командование в Египте (Cic. Ad Q. fr., II, 3, 2; Plut. Pomp., 48). Инициативу перехватил Помпей, в Египет была направлена армия его сторонника Авла Габиния, бывшего тогда наместником Сирии. Начались трения между Крассом и Помпеем. Достаточно опасным было и положение Цезаря: начались дебаты вокруг его

аграрного закона 59 г. (Cic. Ad Q. fr., I, 9, 8) и продления полномочий в Галлии, Катон собирался стать претором, в консулы на 55 г. баллотировался Домиций Агенобарб. Главным их пунктом программы было прекращение галльского командования Цезаря. Красс и Цезарь оказывались в изоляции, и Красс явно забеспокоился.

Знаменитая встреча в Луке началась в марте 56 г. в Равенне с односторонних переговоров Цезаря и Красса. Помпей присоединился к ним только в апреле. В Луку прибыли почти все магистраты и около 200 сенаторов, что было демонстрацией силы «второй партии». Лукская встреча отмечена двумя новыми тенденциями, которые отражены в характеристиках античных авторов (Plut. Crass, 14; Flor, II, 13; Vell., II, 34): стремление триумвиров стать особой структурой и стремление к равновесию не только с противником, но и между собой. Явно новым фактором было резкое усиление Цезаря, превратившегося из соискателя консульства и фаворита избирателей в покорителя Галлии, за спиной которого находилась огромная территория, сильная армия, «личная партия» и не меньшие, чем у Красса, денежные средства. Зависимость от денег Красса фактически закончилась, и, хотя отношения Красса и Цезаря, похоже, не изменились, Красс все больше и больше должен был думать о паритете, теперь уже с обоими партнерами.

55 г. был небогат событиями. Помпей и Красс стали консулами, а триумвират в целом уверенно контролировал ситуацию. По закону Требония, Помпей

378 получил в управление три испанские провинции (Ближняя и Дальняя Испании и Лузитания) сроком на 5 лет, а Красс (на тех же условиях) — провинцию Сирию и право войны с парфянами (Liv. Epit., 105; Vell., II, 46; Flor, IV, 12, 2; App. B. C., II, 18; Plut. Pomp., 52; Caes., 28; Crass, 15). По закону Лициния-Помпея Цезарь получил право на 5-летнее продление полномочий в Галлии (Vell., II, 46; Flor, IV, 2, 12; Plut. Pomp., 52; Caes., 28; Crass, 15; Cato, 43; Dio, 39, 33–36; Suet. Iul., 24). Не будем останавливаться на последствиях этих решений для Цезаря и Помпея (отметим лишь, что в руках триумвиров оказалась почти вся армия республики)[41], но для Красса это был шанс сравняться со своими коллегами. Он располагал теми же силами, что и они и (в случае удачи) мог сравняться с ними в плане престижа и создать на востоке базу, аналогичную той, в которую Цезарь превратил Галлию, а Помпей — Испанию.

Парфянский поход Красса является самостоятельным предметом исследования, в том числе и в отечественной историографии, и надо заметить — достаточно разработанным[42]. В отечествен-

---

[41] См.: *Brunt P. A.* Italian manpower… P. 246. Согласно этим подсчетам, численность римской армии в 59–53 гг. была относительно невелика, от 10 легионов в 59 г. до 18 — в 57, 56 и 53. Из них, 6–10 легионов составляли армия Цезаря в Галлии. В 55–53 фактически все вооруженные силы находились под контролем Цезаря, Помпея и Красса.

[42] *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. С. 60–61; *Никоноров В. П.* Развития конского защитного вооружения античной эпохи //

ной литературе можно отметить специальные труды А. Г. Бокщанина, а также — вышедшие уже совсем недавно исследования В. П. Никонорова и А. П. Беликова[43]. В частности, перу последнего принадлежит очень детальный обзор причин поражения Красса и, по большому счету, с ним нельзя не согласиться. А. П. Беликов (равно как и другие исследователи) отмечает низкий политический и военный уровень подготовки похода. Римляне не сумели провести должную дипломатическую и моральную подготовку войны, не учли ни географические, ни климатические особенности театра военных действий, а боевые качества их восточной армии были достаточно низкими[44]. Римская армия имела плохо организованную разведку, не знала местности, совершила ряд непростительных стратегических и тактических ошибок[45], а главное — римляне совершенно недооценили противника, и сильные атаки бронированной конницы оказались для них полным сюрпризом. Пожалуй, добавим еще одно обстоятельство, впрочем, отмеченное и А. П. Беликовым, Карры были не только поражением римлян, но и блестящим успехом парфян под командованием, несомненно, выдающегося полководца Сурены[46]. Совершенно справедливо и то, что Красс как

Краткие сообщения Института археологии. 1985. № 184. С. 32; *Беликов А. П.* Рим и эллинизм. С. 298–311.

[43] См. прим. 4 на с. 343.

[44] *Беликов А. П.* Рим и эллинизм. С. 302–303.

[45] Там же. С. 304–311.

[46] Там же. С. 311.

380 командующий, несет главную вину за поражение: его виной были не только общее, явно неправильное решение и стратегический замысел кампании, но и ряд личных ошибок. Красс слишком увлекался заботой о пополнении своих богатств и восстановил против себя как независимых союзников (Армения), так и провинциалов, тем самым, создавая себе слабый тыл[47]. Наконец, Красс уделил явно недостаточное внимание материально-технической подготовке армии, плохо организовал разведку, излишне доверился арабским проводникам, выбрал неправильный маршрут вторжения и практически не руководил ходом сражения, особенно после гибели сына[48]. В полководце, возглавившем парфянскую кампанию, трудно узнать победителя в битве при Риме и человека, спасшего Рим от восстания Спартака.

Впрочем, поражение Красса было не только победой Сурены и парфянских катафрактов и личной виной полководца. Это было поражение Рима в целом, аналогичное поражениям в Кавдинском ущелье, при Гераклее и Аускуле и даже, в известной мере, при Каннах[49]. Аналогичным просчетом можно считать и битву при Араузионе и начало Митридатовых войн. Начинать с сокрушительного поражения стало печальной «традицией» римлян, и это требует более детального анализа, выходящего за

[47] Там же. С. 304–305.
[48] Там же. С. 305–307.
[49] Там же. С. 296.

рамки данной статьи. «Плохой полководец», конечно, является неотъемлемым фактором такого поражения, но это всегда и поражение системы. Настрой на восточную войну как на «легкую прогулку» был общим убеждением римской стратегии, «подкрепленной» впечатлением от войн Лукулла и Помпея. Хотя римляне сталкивались с восточной конницей, в том числе и катафрактами, они не смогли оценить их сильных сторон. Заметим, что в армии Красса было немало прекрасных офицеров, включая Гая Кассия Лонгина, Октавия и самого Публия Красса. Молодые помощники, вероятно, существенно ослабили эффект поражения, и уцелевшие воины были обязаны спасением именно им, но они тоже не попытались всерьез изменить план кампании. Красс мог бы пользоваться опытом и, быть может, личными консультациями таких полководцев, как Лукулл, Помпей или Цезарь, но у нас нет следов того, что они отговаривали Красса от этой войны. Вероятно, только у Цезаря было смутное предчувствие беды. Стратегический просчет Красса был стратегическим просчетом Рима, не оценившего своего нового и необычного противника.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Как Цезарь, так и Красс, еще в большей степени, чем Ганнибал, могли упрекнуть свое правительство в том, что оно их «бросило». Впрочем, если Ганнибал мог жаловаться лишь на неадекватную поддержку, то в данном случае было нечто большее. Перед отправлением в поход, Красс встретил яростное сопротивление и враждебные манифестации группы

трибунов (Plut. Crass, 16; App. B. C., II, 66; Strabo, XVI, 784). Уходящую на восток армию провожали проклятиями, пророча ей гибель (Plut. Crass, 16). Это была не антивоенная демонстрация или выступление против неразумной политики — проводящие акцию трибуны и стоявшее за ними оптиматское правительство желали поражения Красса, мстя ему за предыдущие действия и желая лишить Цезаря его главного союзника. Примерно в это же время Катон предложил выдать Цезаря германцам за «нарушение перемирия» (Plut. Crass, 37; Cato min., 51; Caes., 22; Suet. Iul., 24). Никого не смутило, что речь шла о римских полководцах и римских армиях, более того, оптиматское руководство постоянно возвращалось к обсуждению вопроса о прекращении полномочий Цезаря. В 48 г. помпеянское руководство уже по-настоящему готовилось к союзу с парфянами, и альянс не состоялся лишь по вине последних (Caes. B. C., III, 82), а в 44–42 гг. Брут и Кассий вступили с ним в настоящий военный союз. Было два Рима — один воевал, другой готовил удар ему в спину, что в немалой степени способствовало и поражению Красса и гражданской войне 49–45 гг.

Реальную помощь, оказал только Цезарь, направив к Крассу сильные подкрепления во главе с Публием. При Каррах гибель корпуса Публия спасла армию от уничтожения, но не смогла предотвратить общего разгрома (Plut., Crass., 29–31). Принимая точку зрения А. П. Беликова в его оценке действий Красса, не согласимся лишь с одной деталью, как и Цезарь, Красс воевал на два фронта, против

внешнего врага и против оптиматского правительства в Риме. Сопротивление последнего во многом и обусловило его тактику (несомненно, авантюрную), ориентированную на быструю, ошеломляющую и «легкую» победу. Только она помогла бы ему «удержаться на плаву» и повторить галльские успехи Цезаря. Римский полководец в подобной ситуации был лишен тех возможностей медленного развертывания и последовательных методичных ударов по противнику, каковые были у Корбулона, Траяна или Марка Аврелия. Сценарий харранской катастрофы писался не только в штабе Сурены, но и в Риме, а Красс, увлеченный римскими интригами, видел перед собой только их, а не реального противника. Как и Ариовист у Цезаря (Caes. B. G., I, 44), Сурена мог бы заявить, что многие люди в Риме из числа знати были заинтересованы в его победе. Чтобы победить в условиях подобного «блицкрига», надо было быть вторым Цезарем. Система, которой Красс столько раз безнаказанно бросал вызов, отомстила ему сполна, вынудив его на авантюру и бросив в песках месопотамских пустынь. Катастрофа при Каррах стала плодом гражданских войн точно так же, как и катастрофа при Араузионе, начало Митридатовой войны и восстание Спартака.

Судьба Красса весьма примечательна. Выходец из аристократической интеллигенции, он волею судьбы стал сулланским генералом, крупнейшим олигархом и одним из лидеров римского делового мира. Он стал палачом спартаковского восстания,

и в его жизни отразились подчас весьма жестокие нравы римского делового, а иногда и теневого и криминального мира. Тем не менее, личные противоречия и здравый смысл сделали его противником сулланской и постсулланской системы. Первый богач Рима сделал немало для ее крушения, поддерживая оппозицию и позволив ей сплотиться в единое движение. Без денег Красса ее успехи были бы, наверное, невозможны. Главную ставку Красс делал на Цезаря, а их альянс стал стержнем для сплочения противников постсулланского режима. Гибель Красса была тяжелым ударом для Цезаря, лишившегося самого сильного и надежного союзника, и оставила его наедине с оптиматским правительством и сближающимся с ним Помпеем. В 53 г. оптиматы и Помпей бросили на произвол судьбы армию Красса, в 52 г., пока Цезарь подавлял Великое Галльское восстание, они захватили власть в Риме, а в 49 г. объявили войну победившей армии Цезаря, привлекая на свою сторону внешние силы (Нумидийское царство Юбы, Египет Птолемея XIII и Понтийское царство) и вассальных царей и пытаясь сблизиться с Парфией. Против Цезаря выдвигались разные обвинения, но никто не мог обвинить его в национальной измене. В общем, это относится и к Крассу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

App. B. C. — Appianus. Bella Civilia. — Аппиан. Гражданские войны.
Asc. — Asconii Pediani Commentarii. — Аскония Педиана комментарии.
Aur. Vict. Caes. — Aurelius Victor. Vita Caesarum. — Аврелий Виктор. Цезари. Жизнь Цезарей.
B. Alex. — Bellum Alexandrinum. — Александрийская война.
B. Afr. — Bellum Africanum. — Африканская война.
B. Hisp. — Bellum Hispaniense. — Испанская война.
Caes. B. C. — Caesar G. Iulius. Commentarii de Bello Civile. — Гай Юлий Цезарь. Записки о гражданской войне.
Caes. B. G. — Caesar G. Iulius. Commentarii de Bello Gallico. — Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне.
Cic. Ad Q. fr. — Cicero. Ad Quintum fratrem. — Цицерон. Письма к брату Квинту.
Cic. Att. — Cicero. Ad Atticum. — Цицерон. Письма к Аттику.
Cic. Brut. — Cicero. Brutus sive de claris oratoribus. — Цицерон. Брут или о знаменитых ораторах.
Cic. Cat. — Cicero. In Catilinam I–IV. — Цицерон. Против Катилины I–IV.
Cic. De Acad. — Cicero. De Academicis. — Цицерон. Об учении Академиков.
Cic. De domo — Cicero. De domo sua. — Цицерон. О своем доме.
Cic. De har. resp. — Cicero. De haruspicum response. — Цицерон. Об ответах гаруспиков.

Cic. De leg. — Cicero. De legibus. — Цицерон. О законах.
Cic. De leg. agr. — Cicero. De lege agrario I–III. — Цицерон. Об аграрном законе I–III.
Cic. De orat. — Cicero. De oratore. — Цицерон. Об ораторе.
Cic. De prov. cons. — Cicero. De provinciis consularibus. — Цицерон. О консульских провинциях.
Cic. De re p. — Cicero. De re publica. — Цицерон. О государстве.
Cic. In Vat. — Cicero. In P. Vatinium. — Цицерон. Против П. Ватиния.
Cic. Lael. — Cicero. Laelius. — Цицерон. Лелий, или О дружбе.
Cic. Phil. — Cicero. Philippicae I–XIV. — Цицерон. Филиппики I–XIV (против Марка Антония).
Cic. Pro Cluent. — Cicero. Pro Cluentio. — Цицерон. За Клуенция.
Cic. Pro Font. — Cicero. Pro Fonteio. — Цицерон. За Фонтея.
Cic. Pro Mil. — Cicero. Pro Milone. — Цицерон. За Милона.
Cic. Pro Sest. — Cicero. Pro Sestio. — Цицерон. За Сестия.
Cic. Rab. — Cicero. Pro Rabirio. — Цицерон. За Рабирия.
Cic. Verr. — Cicero. Verrinae. — Цицерон. Речи против Верреса I–VI.
De v. ill. — De viris illustribus. — О знаменитых мужах.
Dio — Cassius Dio Cocceianus. Historia Romana. — Дион Кассий Кокцеян. Римская история.
Dio Chrys. Orat. — Dio Chrysostomus. Orationes. — Дион Хризостом. Речи.
Dion. Hal. — Dionysios Halicarnassensis. Antiquitates Romanae. — Дионисий Галикарнасский. Римские древности.
Epict. Convers. — Epictet. Conversationes. — Беседы Эпиктета.
Epit. de Caes. — Epitoma de Caesaribus. — Эпитома О Цезарях (сочинение имеется в собрании Аврелия Виктора, но ему не принадлежит).
Eutr. — Eutropius. Breviarium Historiae Romanae. — Евтропий. Сокращение римской истории.

Flor — L. Annaei Flori. Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC. — Луций Анней Флор. Эпитомы римской истории обо всех римских войнах за 700 лет.

Gell. N. A. — Aulus Gellius. Noctes Atticae. — Авл Геллий. Аттические ночи.

Hor. Epodes — Q. Horatius Flaccus. Epodes. — Кв. Гораций Флакк. Эподы.

Hor. Odes — Q. Horatius Flaccus. Odes. — Кв. Гораций Флакк. Оды.

Iord. Get. — Iordanus. Gethica. — Иордан. Гетика.

Iuven. Sat. — D. Iunius Iuvenalis. Satirae. — Д. Юний Ювенал. Сатиры.

Jos. Ant. — Josephus Flavius. Antiquitates Iudaicae. — Иосиф Флавий. Иудейские древности.

Jos. B. J. — Josephus Flavius. De bello Iudaico. — Иосиф Флавий. Иудейская война.

Licin. — Grani Liciniani quae supersunt. — Граний Лициниан. Фрагменты.

Liv. — Titus Livius. Ab Urbe Condita. — Тит Ливий. История Рима от основания Города.

Liv. Epit. — Titus Livius. Epitomae. — Тит Ливий. Эпитомы.

Mart. — M. Valerius Martialis. Epigrammae. — Марк Валерий. Марциал. Эпиграммы.

Oros. — Paulus Orosius. Historiae adversus paganos. — Павел Орозий. История против язычников.

Ovid. Fasti — P. Ovidius Naso. Fasti. — Публий Овидий Назон. Фасты.

Philostr. Vita Apoll. — Philostratus. Vita Apollonii Teanii. — Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского.

Plin. Epist. — G. Plinius Secundus minor. Epistulae. — Гай Плиний Секунд Младший. Письма.

Plin. N. H. — Plinius. Naturalis Historia. — Плиний. Естественная история.

Plin. Pan. — G. Plinius Secundus minor. Panegyricus ad Traianum. — Гай Плиний Секунд Младший. Панегирик Траяну.

Plut. Ant. — Plutarchus. Vitae. Antonius. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Антоний.

Plut. Brut. — Plutarchus. Vitae. Brutus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Брут.

Plut. Caes. — Plutarchus. Vitae. Caesar. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Цезарь.

Plut. Cato — Plutarchus. Vitae. Cato. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Катон Старший.

Plut. Cato min. — Plutarchus. Vitae. Cato minor. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Катон Младший.

Plut. Cic. — Plutarchus. Vitae. Cicero. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Цицерон.

Plut. Crass. — Plutarchus. Vitae. Crassus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Красс.

Plut. Galba — Plutarchus. Vitae. Galba. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гальба.

Plut. Luc. — Plutarchus. Vitae. Lucullus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Лукулл.

Plut. Mar. — Plutarchus. Vitae. Marius. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марий.

Plut. Numa — Plutarchus. Vitae. Numa. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Нума.

Plut. Otho — Plutarchus. Vitae. Otho. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Отон.

Plut. Pomp. — Plutarchus. Vitae. Pompeius. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей.

Plut. Rom. — Plutarchus. Vitae. Romulus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ромул.

Plut. Sulla. — Plutarchus. Vitae. Sulla. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Сулла.

Plut. G. Gr. — Plutarchus. Vitae. Gaius Gracchus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гай Гракх.

Plut. Tib. Gr. — Plutarchus. Vitae. Tiberius Gracchus. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тиберий Гракх.

Plut. Vit. — Plutarchus. Vitae. Vitellius. — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Вителлий.

R. g. — Res gestae divi Augusti. — Деяния божественного Августа.

Sall. Cat. — C. Sallustius Crispus. Gatilinae coniuratio. — Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины.

Sall. Epist. — C. Sallustius Crispus. Epistulae. — Гай Саллюстий Крисп. Письма к Цезарю.

Sall. Hist. — C. Sallustius Crispus. Fragmenta historiarum. — Гай Саллюстий Крисп. Фрагменты «Историй».

SHA. Hadr. — Scriptores Historiae Augustae. Hadrianus. — Писатели Истории Августов. Адриан.

SHA. Aurel. — Scriptores Historiae Augustae. Aurelianus. — Писатели Истории Августов. Аврелиан.

Strabo. — Strabo. Geographia. — Страбон. География.

Suet. Aug. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Divus Augustus. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Божественный Август.

Suet. Calig. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Caligula. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Калигула.

Suet. Dom. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Domitianus. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Домициан.

Suet. Galba — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Galba. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Гальба.

Suet. Iul. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Divus Iulius. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Божественный Юлий.

Suet. Tib. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Tiberius. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Тиберий.

Suet. Tit. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Divus Titus. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Божественный Тит.

Suet. Vesp. — C. Suetonius Tranquillus. Vita Caesarum. Divus Vespasianus. — Г. Светоний Транквилл. Жизнь Цезарей. Божественный Веспасиан.

Tac. Agr. — P. Cornelius Tacitus. Agricola. — П. Корнелий Тацит. Агрикола.

Tac. Ann. — P. Cornelius Tacitus. Annales. — П. Корнелий Тацит. Анналы.

Tac. De orat. — P. Cornelius Tacitus. De oratoribus. — П. Корнелий Тацит. Об ораторах.

Tac. Germ. — P. Cornelius Tacitus. Germania. — П. Корнелий Тацит. Германия.

Tac. Hist. — P. Cornelius Tacitus. Historiae. — П. Корнелий Тацит. Истории.

Val. Max. — Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia. — Валерий Максим. Достойные памяти деяния и изречения.

Vell. — Velleius Paterculus. Historia Romana. — Веллей Патеркул. Римская история.

Verg. Geogr. — P. Vergilius Maro. Georgicae. — П. Вергилий Марон. Георгики.

Verg. Aen. — P. Vergilius Maro. Aeneis. — П. Вергилий Марон. Энеида.

Xiph. — Ioannus Xiphillinus. Ex Cassius Dio. Historia Romana. — Иоанн Ксифилин. Сокращения «Римской Истории» Диона Кассия.

ВДИ — Вестник древней истории.

AC — Acta Classica.

AJPh — The American Journal of Philology.

ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.

CAH — Cambridge Ancient History.

CPh — Classical Philology.

CR — The Classical Review.

G&R — Greece & Rome.

JRS — The Journal of Roman Studies.

MH — Museum Helveticum.

RBPh — Revue Belge de philologie et d'histoire.

RE — Pauli-Wissowa Realencyclopedie.

SO — Symbolae Osloenses (Norwegian Journal of Greek and Latin Studies).

TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association.

ПЕРЕВОДЫ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Аппиан Александрийский. Римские войны / Пер. с греч. СПб., 1934.

Веллей Патеркул — см.: Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985.

Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида // Пер. с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. М., 1979 (переводы: Вергилий. Собрание сочинений / Пер. с лат. М., 1994.

Гораций Флакк Кв. Полное собрание сочинений / Пер. под ред. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1936 (переизд. СПб., 1993).

Деяния божественного Августа // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985.

Дионисий Галикарнасский / Пер. с древнегреч. под ред. И. Л. Маяк. М.; Л., 2005.

Евтропий. Бревиарий от основания Города / Пер. с лат. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной. СПб., 2001.

Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. И. Ковельмана. М.; Иерусалим, 1993.

Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Генкеля. М., 1996. Т. 1–2.

Кассий Дион Кокцейан. Римская история. Кн. 51–80 / Пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.

Катон Марк Порций. Земледелие / Пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1950.

392 *Катулл*, *Тибулл*, *Проперций* / Пер. с лат. под ред. Ф. А. Петровского. М., 1963.

Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Пер., статьи и коммент. Н. Н. Трухиной. М., 1992.

Ливий Тит. История Рима от основания Города / Отв., ред Е. С. Голубцова. М., 1989–1993.

Лукан Марк Анней. Фарсалия или поэма о гражданской войне / Пер. с лат. Л. Е. Остроумова. М.; Л., 1954 (переизд. 1995).

Лукреций. О природе вещей / Пер. Ф. А. Петровского. М.; Л., 1945–1947. Т. 1–2.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф. А. Петровского. М., 1968 (СПб., 1994 — серия Античная библиотека).

Овидий Назон. Любовные элегии / Пер. с лат. С. В. Шервинского. СПб., 1994. Т. 1–2.

Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. М., 1977.

Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979.

Овидий Назон. Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. 1–2.

Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. С. В. Шервинского. М., 1973.

Плавт Тит Макций. Комедии. М., 1997. Т. 1–3.

Плиний Секунд Младший. Письма. Панегирик Траяну. М.; Л., 1950.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. с древнегреч. под ред. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек и С. И. Соболевского. М., 1961–1964. Т. 1–3 (2-е изд., исправленное и дополненное — подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров и С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1994).

Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; под ред. А. Я. Тыжова. 2-е изд. СПб., 1994.

Саллюстий Крисп Гай. Сочинения / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964 (2-е изд. — подгот. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1999).

Сенека Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер., с лат. С. А. Ошерова и Е. Г. Рабинович. М., 1997.

Сенека Анней. Трагедии / Пер. с лат. С. А. Ошерова и Е. Г. Рабинович. М., 1997.

Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964 (репр. 1999).

Тацит Корнелий. Сочинения / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко; отв. ред. С. Л. Утченко. Л., 1969. Т. 1–2 (переизд. М.: Ладомир, 2003).

Флор — см.: Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций. Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.

Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. с лат. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.

Цицерон Марк Туллий. Речи в двух томах / Пер. В. О. Горенштейна. Л., 1966 (переизд. подгот. В. О. Горенштейном и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1993).

Цицерон Марк Туллий. Полное собрание сочинений в русском переводе / Пер. под ред. Ф. Зелинского. М., 1913. Т. 1.

Цицерон Марк Туллий. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, Марку Бруту / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1949–1951. Т. 1–3. М., 1949–1951.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги (О государстве. О законах) / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1966.

Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Избранные сочинения / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1974 (доп. изд. 1975).

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1972.

Ювенал. Сатиры. СПб., 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

Беликов А. П. Корнелий Тацит в российской историографии. Ставрополь, 2021.

Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. М., 1981.

Виллемс П. Г. Римское государственное право / Пер. с фр.; под ред. П. Н. Бодянского. Киев, 1888–1890. Вып. 1–2.

Грималь П. Цицерон. М., 1991.

Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.

Державицкий Е. В. Цицерон о природе богов // Марк Туллий Цицерон. О природе богов / Пер. с лат. С. Блажеевского. СПб., 2002.

Дуров В. С. Юлий Цезарь: Человек и писатель. Л., 1991.

Егоров А. Б. Гракханские реформы, историографическая традиция и проблема оценки // Запад-Россия-Кавказ. Ставрополь, 2005. Вып. 3. С. 29–47.

Егоров А. Б. Домициан и Траян, деспотизм и просвещенная монархия // Античное общество: проблемы политической истории / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997. С. 114–122.

Егоров А. Б. Закон о власти Веспасиана и полномочия принцепса // Проблемы античной государственности / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1982. С. 150–158.

Егоров А. Б. Рим: аристократия и культура. СПб., 2024.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Л., 1985.

Егоров А. Б. Рим: от республики к Империи. СПб., 2017.

Егоров А. Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб., 2014.

Ерёмин А. В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2003.

Жреческие коллегии в Древнем Риме. М.: Наука, 2001.

Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в римской республике. Львов, 1985.

Златковская Т. Д. Мёзия в I и II веках нашей эры (к истории нижнего Дуная в Римское время). М., 1951.

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М, 1986.

Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории Древнего Рима эпохи ранней империи (конец I начала II вв.): Автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Л., 1982.

Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981.

Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирина; отв. ред. Е. С. Голубцова. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., 1989–1993. Т. 3. М., 1993. С. 590–655.

Кнабе Г. С. Римское общество в эпоху Ранней империи // История Древнего мира. 3-е изд. В 3 т. Т. 3. М., 1989. С. 112–140.

Ковалев С. И. История Рима. Курс лекций. 2-е изд. Л., 1986.

Кораблев И. Ш. (Шифман И. Ш.). Ганнибал. Л., 1976.

Короленков А. В. Первая гражданская война в Риме. СПб., 2020.

Короленков А. В., *Смыков Е. В.* Сулла. М., 2007.

Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

Кузищин В. И. История Древнего Рима. 3-е изд. М., 1994.

Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949.

Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.

Межерицкий Я. Ю. О культе Августа — принцепса и императора // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 82. Сер. 2, Исторические исследования; 39). М.; СПб., 2016. С. 629–681.

Михайловский Ф. А. Трибунская власть в политической системе императора Августа (несколько точек зрения) // Античная гражданская община. М., 1984. С. 92–104.

Моммзен Т. История Рима. 3-е изд. СПб., 1995. Т. 1–3, 5.

Немировский А. И. Веллей Патеркул и его время // «Римская история» Веллея Патеркула / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Воронеж, 1985. С. 3–63.

Немировский А. И. Исторический труд Л. Аннея Флора // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977. С. 3–40.

Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910.

Позднякова Н. А. Место науки в системе мировоззрения // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 248-299.

Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989.

Сергеев В. С. Принципат Тиберия // ВДИ. 1940. № 2 (11). С. 78–95.

Соколов Г. И. Римское искусство // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 336–430.

Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; под ред. А. Я. Тыжова. Т. 1. СПб., 1994. С. 5–33.

Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987.

Циркин Ю. Б. Политическая история Римской Империи. СПб., 2018. Т. 1–2.

Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.

Чеканова Н. В. Система триумвирата в политической жизни Рима при переходе от республики к империи. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Широкова Н. С. Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб., 2016.

Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М., 1977.

Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. М., 1985. Т. I. С. 22–106.

Штаерман Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.

Alison J. E., *Cloud J. D.* The lex Julia Maiestatis // Latomus. 1962. T. 21. P. 711–731.

Badami C. Le principat d'Auguste. Toulouse; Paris, 2012.

Balsdon J. P. V. D. The Principates of Tiberius and Gaius // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. S. 86–94.

Béranger J. La prevoyance (providentia) imperiale, et Tacite, Annales, I, 8 // Hermes. 1960. Bd. 88. S. 475–492.

Béranger J. Les jugements de Cicéron sur les Gracques // ANRW. 1972. Tl. I. Bd. 1. S. 732–763.

Béranger J. Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine. Geneve, 1973.

Béranger J. Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Basel, 1953.

Bleicken J. Augustus: eine Biographie, Berlin, 1998, 1. Neuauflage mit Nachwort von U. Walter, Reinbek, 2010.

Boddington A. Sejanus. Whose Conspiracy? // AJPh. 1963. Vol. 84, No. 1. P. 1–16.

Bömer F. Der Eid beim Genius des Kaisers // Athenaeum. 1966. N 44. S. 77–133.

Bringman K. Augustus. Darmstadt, 2012.

Brunt P. A. Italian manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxford, 1971.

Büchner K. Sallust // Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970. S. 325–367.

Carney T. F. The changing picture of Claudius // AC. 1960. Vol. 3. P. 99–104.

Charlesworth M. P. Claudius // CAH. 1-ed. Cambridge, 1934. Vol. 10. P. 674–701.

Charlesworth M. P. Tiberius // CAH. 1-ed. Cambridge. 1934. Vol. 10. P. 607–652.

Chilton C. W. The Roman Law of Treason under the Early Principate // JRS. 1955. Vol. 45 (1–2). P. 73–81.

Clark M. D. Augustus, First Roman Emperor: Power, Propaganda and the Politics of Survival. Exeter, UK: Bristol Phoenix Press, 2010.

Cloud D. The Constitution and Public Criminal Law // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 491–530.

Collins J. H. Caesar as Political Propagandist // ANRW. 1972. Tl. I. Bd.1. P. 922–966.

Crook J. A. Augustus, power, authority, achievement // CAH. 2-ed. Cambridge, 1996. Vol. 10. P. 113–146.

Crook J. A. Political History, 30 B. C. to A. D. 14 // CAH. 2-ed. Cambridge, 1996. Vol. 10. P. 70–112.

Crook J. A. The Development of Roman Private Law // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 531–563.

Cuff P. J. Tacitus. Annals I. 72 // CR. 1964. Vol. 14. P. 136–137.

Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Berlin, 1924–1930.

Dihle R. Zu den Epistolae ad Caesarem senem // MH. 1954. Vol. 11. P. 126–130.

Dorey T. A. Agricola and Domitian // G&R. 1960. Vol. 7. No. 1. P. 66–71.

Earl D. C. The Age of Augustus. London, 1968.

Eck W. Beförderungskriterien innerhalb der senatorischen Laufbahn, dargestellt an der Zeit von 69 bis 138 n. Chr. // ANRW. 1974. Tl. II. Bd. 1. P. 158–228.

Eck W. Sozialstruktur des römischen Senatorenstandes der hohen Kaiserzeit und statistische Methode // Chiron. 1973. Bd. 3. S. 375–394.

Fritz K. von. Sallust und das Verhalten der römischen Nobilität zur Zeit der Kriege gegen Jugurtha (112–105 v. Chr.) // Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970. S. 155–205.

Gabba E. Rome and Italy: The Social War // CAH. 2-ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 104–128.

Gagé J. Les classes sociales dans 1'Empire romain. Paris, 1964.

Galinsky K. Augustus: Introduction to the Life of an Emperor. Cambridge; New York, 2012.

Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Bd. 1–2. Leipzig, 1891–1904.

Garnsey P. Trajan's alimenta. Some Problems // Historia. 1968. Bd. 17. H. 3. P. 367–381.

Hammond M. Composition of the Senate, A. D. 68–235 // JRS. 1957. Vol. 47. P. 74–81.

Hammond M. The Augustan Principate in Theory and Practice during the Julio-Claudian period. Harvard University Press; London: Milford, 1933 (2-ed. 1968).

Hanslik R. M. Cicero und das erste Triumvirat // Rheinisches Museum für Philologie. 1955. Neue Folge, Bd. 98. H. 4. S. 324–334.

Hellegouarc'h J. Démocratie et principát dans les Lettres de Salluste à César // RBPh. 1970. T. 44. P. 60–75.

Jal P. La guerre civile à Rome. Paris, 1963.

Jones A. H. M. Augustus. London, 1976.

Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Bd. 1–2. Leipzig, 1885–1901.

Keresztes P. The Imperial Roman Government and the Christian Church I. From Nero to the Severi // ANRW. 1979. Tl. II. Bd. 23. Hbd. 1. P. 247–315.

Keresztes P. The Imperial Roman Government and the Christian Church II. From Gallienus to the Great Persecution // ANRW. 1979. Tl. II. Bd. 23. Hbd. 1. P. 375–386.

Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992 (4-ed. 2009).

Kloft H. Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie. Köln, 1970.

Koestermann E. Die Feldzüge des Germanicus 14–16 n. Chr. // Historia. 1957. Bd. 6. H. 4. S. 429–479.

Koestermann E. Der Sturz Seians // Hermes. 1955. Bd. 83. S. 350–373.

Koestermann E. Die Majestätsprozesse unter Tiberius // Historia. 1955. Bd. 4. H. 1. S. 72–106.

Koestermann E. Die Mission des Germanicus in Orient // Historia. 1958. Bd. 7. H. 3. S. 331–375.

Kornemann E. Tiberius. Stuttgart, 1960.

400 *Kroymann J.* Caesar und das Corpus Caesarianum in der neueren Forschung: Gesamtbibliographie 1945–1970 // ANRW. 1973. Tl. I. Bd. 3. S. 457–487.
Levi M. A. I Flavi // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 177–207.
Levick B. M. Imperial Control of the Elections under the Early Principate: Commendatio, Suffragatio, and «Nominatio» // Historia. 1967. Bd. 16. H. 2. S. 207–230.
Magdelain A. Auctoritas principis. Paris, 1947 (2-ed 1967).
Marsh F. B. The Reign of Tiberius. Oxford, 1931.
Meyer Ed. Kaiser Augustus // Kleine Schriften. Halle, 1910.
Millar F. The Emperor, The Senate and the Provinces // JRS. 1966. Vol. 56 (1–2). P. 156–166.
Mispoulet J.-B. Les institutions politiques des Romains. Paris, 1882–1883. Vol. 1–2.
Momigliano A. L'opera dell'imperatore Claudio. Milano, 1932.
Newbold R. F. Some social and economic consequences of the A. D. 64 fire at Rome // Latomus. 1974. T. 33. P. 858–869.
Nicolet C. Economy and Society, 133–43 B. C. // CAH. 2-e ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 599–643.
Paananen U. Sallust's politico-social terminology. Helsinki, 1972.
Pabst A. Kaiser Augustus: Neugestalter Roms. Stuttgart, 2014.
Paratore E. Tacito. Milano, 1951.
Patzer H. Sallust und Thucydides // Sallust / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1970. S. 102–120 (2-ed. 1981).
Perrochat P. Les modèles grecs de Salluste. Paris, 1949.
Petit P. Le IIe siècle après J.-C.: État des questions et problèmes // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 354–380.
Pflaum H.-G. Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain I–III. Paris, 1960–1961.
Pippidi D. M. Autour de Tibère. București, 1944.
Plecket H. W. Domitian, the Senate and the Provinces // Mnemosyne. 1961. New Ser. Vol. XIV. P. 296–315.
Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. Berlin, 1937.
Purcell N. The City of Rome and the Plebs Urbana in the Late Republic // CAH. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 644–688.

Rawson E. Caesar: Civil War and Dictatorship // CAH. 2-e ed. Cambridge, 1994. Vol. 9. P. 424–467.

Rawson E. The Interpretation of Cicero's «De legibus» // ANRW. 1973. Tl. I. Bd. 4. P. 334–356.

Richardson J. S. Augustan Rome 44 B. C. to A. D. 14: the Restoration of the Republic and The Establishment of the Empire. Edinburgh, 2012.

Ritterling K. Legio // RE. Stuttgart, 1925. Bd. 12.

Rogers R. S. A Tacitean Pattern in Narrating Treason-Trials // TAPhA. 1952. Vol. 83. P. 279–311.

Rogers R. S. The Case of Cremutius Cordus // TAPhA. 1965. Vol. 96. P. 351–359.

Rogers R. S. Treason in the Early Empire // JRS. 1959. Vol. 49. P. 90–94.

Scheda G. Nero und der Brand Roms // Historia. 1967. Bd. 16. H. 1. S. 111–115.

Schwartz Ed. Die Berichte Ueber die Catilinarische Verschwoerung // Hermes. 1897. Bd. 32. H. 3. P. 554–608.

Seager R. Tiberius. London, 1972.

Seel O. Sallust. Von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae. Leipzig, 1930.

Shotter D. C. A. The Trial of C. Junius Silanus // CPh. 1972. Vol. 67. No. 2. P. 126–131.

Shotter D. C. A. The Trial of Clutorius Priscus // G&R. 1969. Vol. 16. No. 1. P. 14–18.

Shotter D. C. A. The Trial of Gaius Silius (A. D. 24) // Latomus. 1967. T. 26. Fasc. 3. P. 712–716.

Shotter D. C. A. The Trial of M. Scribonius Libo Drusus // Historia. 1972. Bd. 21. H. 1. S. 88–98.

Shotter D. C. A. Tiberius' Part in the Trial of Aemilia Lepida // Historia. 1966. Bd. 15. H. 3. P. 312–317.

Skard E. Zur sprachlichen Entwicklung des Sallust // SO. 1964. Vol. 39. Issue 1. P. 13–37.

Smith Ch. E. Tiberius and the Roman Empire. Baton Rouge, 1942.

Southern P. Augustus. London; New York, 1998.

Syme R. Sallust. Berkeley, 1964.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.

402 *Talbert R.* The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984.
Tarver J. C. Tiberius the Tyrant. London, 1902 (пер. на фр.: *Tarver J. C.* Tibère. Paris, 1934).
Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962.
Townend G. B. The Post of AB Epistulis in the Second Century // Historia. 1961. Bd. 10. H. 3. S. 375–381.
Veyne P. Les 'alimenta' de Trajan // Les empereurs romains d'Espagne. Paris, 1965.
Warmington B. H. Nero: Reality and Legend. London, 1969.
Waters K. H. Traianus Domitiani Continuator // AJPh. 1969. Vol. 90. No. 4. P. 385–405.
Waters K. The Reign of Trajan, and its Place in Contemporary Scholarship (1960–72) // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 2. P. 381–431.
Wickert L. Princeps (civitatis) // RE. 1954. Bd. 22. Sp. 1998–2296.
Zuckerman L. Essai sur les fonctions des procurateurs de la province de Bithynie-Pont sous le Haut-Empire // RBPh. 1968. T. 46. Fasc. 1. P. 42–58.

ПРИЛОЖЕНИЕ К БИБЛИОГРАФИИ

В ходе изложения материала мы, главным образом, приводили литературу по истории Империи. Это вызвано тем, что книга является историческим, а не литературоведческим сочинением, и мы рассматриваем не творчество Вергилия и Сенеки и даже не творчество Ливия, Тацита или Плутарха, а отражение ими римской истории и, более конкретно, истории гражданских войн 133–31 гг. до н. э. и влияние этого отражения на саму историю.

Чтобы хоть как-то компенсировать этот недостаток, мы приведем списки статей, посвященных наиболее выдающимся писателям и поэтам, которые содержатся в многотомном издании «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt», которое является, вероятно, самым крупным изданием, посвященным истории Рима. Большинство статей, что свидетельствует хотя бы из их изданий, являются обзорами историографии, главным образом, послевоенной.

При рассмотрении этих текстов бросаются в глаза примерно те же закономерности, что и в само́й античной истории, и современная историография, по крайней мере, в этом плане, идет за римлянами. Наиболее популярными в историографии оказываются те же люди, которые были «властителями дум» в самой Империи, Вергилий, Сенека, в меньшей степени, Гораций и Овидий, а также Тацит и Плутарх. Относительно небольшое количество работ о Цицероне, которые приводятся в списке, свидетельствует лишь о том, что авторов «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt»

прежде всего, интересовала история Империи I–III вв. н. э., которая посвящена многотомная Часть II (Prinzipat — Принципат), тогда как Часть I (Republik — Республика) является лишь большим введением, и именно в нем мы помещаем статьи о Цицероне, главным образом; связанные с темой принципата. На самом деле, работ о Цицероне больше, и, возможно, их количество превосходит всех остальных авторов.

Таким образом, в римской культуре выделяются несколько эпох, которые, вероятно, можно назвать, по именам их наиболее значительных представителей: «**эпоха Цицерона**» (70-е–40-е гг. I в. до н. э.), **«эпоха Вергилия»** (40–10-е гг. до н. э.), «**эпоха Сенеки**» (30–60-е гг. I в. н. э.) и эпоха, которую, вероятно, можно назвать «**эпохой Тацита и Плутарха**» (ок. 90–120 гг. н. э.), поскольку она была отмечена расцветом как римской, так и греческой культуры.

В списке названий последние обозначены следующим образом: автор и название статьи, часть (Teil), том (Band), которые, в свою очередь могут делится на части (их может быть от 2 до 6–7), год издания в скобках и номера страниц.

Например: *Hardie P. R.* Plutarch and the Interpretation of Myth. II.33.6 (1992). 4743–4787.

Boulogne J. Les 'Questions Romaines' de Plutarque. II.33.6 (1992). 4682–4708.

Seel O. Pompeius Trogus und das Problem der Universalgeschichte. II.30.2 (1982). 1363–1423.

Цицерон

Béranger J. Les jugements de Cicéron sur les Gracques. I.1 (1972). 732–763.

Classen C. J. Ciceros Rede für Caelius. I.3 (1973). 60–94.

David J.-M., *Demougin S.*, *Deniaux E.*, *Ferey D.*, *Flambard J.-M. and Nicolet C.* Le 'Commentariolum Petitionis' de Quintus Cicéron. État de la question et étude prosopographique. I.3 (1973). 239–277.

Douglas A. E. The Intellectual Background of Cicero's Rhetorica: A Study in Method. I.3 (1973). 95–138.

Fallu E. Les rationes du proconsul Cicéron. Un exemple de style administratif et d'interprétation historique dans la correspondance de Cicéron. I.3 (1973). 209–238.

Gigon O. Cicero und die griechische Philosophie. I.4 (1974). 226–261.

Michel A. Rhétorique et philosophie dans les traités de Cicéron. I.3 (1973). 139–208.

Rawson E. The Interpretation of Cicero's 'De legibus'. I.4 (1974). 334–356.

Turpin J. Cicéron, De legibus I–II et la religion romaine: une interprétation philosophique à la veille du principat. II.16.3 (1986). 1877–1908.

Вергилий

Boyancé P. La religion des 'Georgiques' à la lumière des travaux récents (avec des additions bibliographiques par P. Grimal. II.31.1 (1980). 549–573.

Brigg W. W., Jr. A Bibliography of Vergil's 'Eclogues' (Hinweis auf den Nachtrag am Schluß von Bd. II.31.2). II.31.1 (1980). 575.

Brigg W. W., Jr. A Bibliography of Virgil's 'Eclogues' (1927–1977) (Nachtrag zu Bd. II.31.1). II.31.2 (1981). 1267–1358.

Brigg W. W., Jr. Virgil and the Hellenistic Epic. II.31.2 (1981). 948–984.

Fuchs W. Die Bildgeschichte der Flucht des Aeneas. I.4 (1974). 615–632; I.4a: 47–58.

Galinsky G. K. Vergil's Romanitas and his Adaptation of Greek Heros. II.31.2 (1981). 985–1010.

Harrison E. L. The Structure of the Aeneid: Observations on the Links between the Books. II.31.1 (1980). 359–393.

Henry E. (*Walker B.*) Virgilian Elements in Tacitus' Historical Imagination. II.33.4 (1991). 2987–3005.

Knauer G. N. Vergil and Homer. II.31.2 (1981). 870–918.

Kopff E. Chr. Vergil and the Cyclic Epics. II.31.2 (1981). 919–947.

Kraus W. Vergils vierte Ekloge: Ein kritisches Hypomnema. II.31.1 (1980). 604–645.
Pöschl V. Virgil und Augustus. II.31.2 (1981). 707–727.
Pridik K.-H. Vergils 'Georgica': Darstellung und Interpretation des Aufbaus. II.31.1 (1980). 500–548.
Richmond J. Recent Work on the 'Appendix Vergiliana' (1950–1975). II.31.2 (1981). 1112–1154.
Rieks R. Die Gleichnisse Vergils. II.31.2 (1981). 1011–1110.
Rieks R. Vergils Dichtung als Zeugnis und Deutung der römischen Geschichte. II.31.2 (1981). 728–868.
Sickle J. van. Reading Vergil's Eclogue Book. II.31.1 (1980). 576–603.
Suerbaum W. Hundert Jahre Vergil-Forschung: Eine systematische Arbeitsbibliographie mit besonderer Berücksichtigung der Aeneis. II.31.1 (1980). 3–358.
Suerbaum W. Spezialbibliographie zu Vergils Georgica. II.31.1 (1980). 395–499.
Suerbaum W. Von der Vita Vergiliana über die Accessus Vergiliani zum Zauberer Virgilius. Probleme — Perspektiven — Analysen. II.31.2 (1981). 1156–1262.

Сенека

Abel K. Die Taciteische Seneca-Rezeption. II.33.4 (1991). 3155–3181.
Abel K. Seneca. Leben und leistung. II.32.2 (1985). 653–775.
André J.-M. Sénèque: 'De breuitate uitae', 'De sapientis', 'De tranquillitate animae', 'De otio'. II.36.3 (1989). 1724–1778.
Atkinson J. E. Seneca's 'Consolatio ad Polybium'. II.32.2 (1985). 860–884.
Boyle A. J. In Nature's Bonds: A Study of Seneca's 'Phaedra'. II.32.2 (1985). 1284–1347.
Bringman K. Senecas 'Apocolocyntosis': Ein Forschungsbericht 1959–1982. II.32.2 (1985). 885–914.
Chaumartin F.-R. Les désillusions de Sénèque devant l'évolution de la politique néronienne et l'aspiration à la retraite: le 'De vita beata' et le 'De beneficiis'. II.36.3 (1989). 1686–1723.

Chaumartin F.-R. Quarante ans de recherche sur les oeuvres philosophiques de Sénèque (Bibliographie 1945–1985). II.36.3 (1989). 1545–1605.
Codoñer C. La physique de Sénèque: Ordonnance et structure des 'Naturales quaestiones'. II.36.3 (1989). 1779–1822.
Dingel J. Senecas Tragödien: Vorbilder und poetische Aspekte. II.32.2 (1985). 1052–1099.
Düll R. Seneca iurisconsultus. 15 (1976). 364–381.
Fillion-Lahille J. La production littéraire de Sénèque sous les règnes de Caligula et de Claude, sens philosophique et portée politique: les 'Consolationes' et le 'De ira'. II.36.3 (1989). 1606–1638.
Grimal P. Sénèque et le Stoicisme Romain. II.36.3 (1989). 1962–1992.
Hiltbrunner O. Seneca als Tragödiendichter in der Forschung von 1965 bis 1975. II.32.2 (1985). 969–1051.
Lausberg M. Senecae operum fragmenta: Überblick und Forschungsbericht. II.36.3 (1989). 1879–1961.
MacGregor A. P. The Manuscripts of Seneca's Tragedies: A Handlist. II.32.2 (1985). 1134–1241.
Rist J. M. Seneca and Stoic Orthodoxy. II.36.3 (1989). 1993–2012.
Rozelaar M. Neue Studien zur Tragödie 'Hercules Oetaeus'. II.32.2 (1985). 1348–1419.
Seidensticker B., *Armstrong D.* Seneca tragicus 1878–1978 (with Addenda 1979ff.). II.32.2 (1985). 916–968.

Тацит

André J.-M. Tacite et la philosophie. II.33.4 (1991). 3101–3154.
Aubrion E. L'eloqentia de Tacite et sa fides d'historien. II.33.4 (1991). 2597–2688.
Bérard F. Tacite et les inscriptions. II.33.4 (1991). 3007–3050.
Borzsák St. Tacitus — ein Manierist?. II.33.4 (1991). 2581–2596.
Dangel J. Les structures de la phrase oratoire chez Tacite: Étude syntaxique, rythmique et métrique. II.33.4 (1991). 2454–2538.

408 *Ducos M.* Les Problèmes de droit dans l'oeuvre de Tacite. II.33.4 (1991). 3183–3259.

Gascou J. Tacite et les provinces. II.33.5 (1991). 3451–3483.

Hanson W. S. Tacitus' 'Agricola': an Archaeological and Historical Study. II.33.3 (1991). 1741–1784.

Havas L. Éléments du biologisme dans la conception historique de Tacite. II.33.4 (1991). 2949–2986.

Hellegouarc'h J. Le style de Tacite: bilan et perspectives. II.33.4 (1991). 2385–2453.

Keitel E. The Structure and Function of Speeches in Tacitus' Histories I–III. II.33.4 (1991). 2772–2794.

Koestermann E. Das Problem der römischen Dekadenz bei Sallust und Tacitus. I.3 (1973). 781–810.

Longrée D. La phrase à rallonge chez Tacite. II.33.4 (1991). 2539–2580.

Luce T. J. Tacitus on "History's Highest Function": praecipuum munus annalium (Ann. 3.65). II.33.4 (1991). 2904–2927.

Lund A. A. Kritischer Forschungsbericht zur 'Germania' des Tacitus (oben S. 1989–2222): Teil V: Bibliographische Übersicht über 'Germania'- Editionen und -Kommentare aus den Jahren 1880 bis 1989. II.33.3 (1991). 2341–2344.

Lund A. A. Versuch einer Gesamtinterpretation der 'Germania' des Tacitus, mit einem Anhang: Zu Entstehung und Geschichte des Namens und Begriffs 'Germani'[Indices pp. 2347–2382]. II.33.3 (1991). 1858–1988.

Lund A. A. Versuch einer Gesamtinterpretation der 'Germania' des Tacitus (oben S. 1858–1988) — Kritischer Forschungsbericht zur 'Germania' des Tacitus (oben S. 1989–2222 und S. 2341–2344): Indices. II.33.3 (1991). 2347–2382.

Lund A. A., *Fischer F.*, *Heiligmann J.* Kritischer Forschungsbericht zur 'Germania' des Tacitus (Teile I–IV; Teil V: Bibliographische Übersicht uber 'Germania'-Editionen und Kommentare aus den Jahren 1880 bis 1989, p. 2341–2344) [Indices p. 2347–2382]. II.33.3 (1991). 1989–2222.

Malissard A. Le décor dans les 'Histories' et les 'Annales'. Du stéréotype à l'intention signifiante. II.33.4 (1991). 2832–2878.

Martin R. H. Structure and Interpretation in the 'Annals' of Tacitus. II.33.2 (1990). 1500–1581.

McCulloch H. Y., Jr. The Historical Process and Theories of History in the 'Annals' and 'Histories' of Tacitus. II.33.4 (1991). 2928–2948.

Morford M. How Tacitus Defined Liberty. II.33.5 (1991). 3420–3450.

Morford M. Tacitus' Historical Methods in the Neronian Books of the 'Annals'. II.33.2 (1990). 1582–1627.

Murison Ch. L. The Historical Value of Tacitus' 'Histories'. II.33.3 (1991). 1686–1713.

Petersmann G. Die Agicola-Biographie des Tactitus — Versuch einer Deutung. II.33.3 (1991). 1785–1806.

Sage M. M. Tacitus' Historical Works: A Survey and Appraisal: Indices. II.32.2 (1990). 1629–1647.

Sage M. M. The Treatment in Tacitus of Roman Republican History and Antiquarian Matters. II.33.5 (1991). 3385–3419.

Schottlaender R. Tacitus als Wegbereiter des Wiederaufstiegs. II.33.5 (1991). 3354–3384.

Tanner R. G. The Development of Thought and Style in Tacitus. II.33.4 (1991). 2689–2751.

Wellesley K. Tacitus, 'Histories': A textual Survey, 1939–1989. II.33.3 (1991). 1651–1685.

Плутарх

Bianchi U. Plutarch und der Dualismus. II.36.1 (1987). 350–365.

Blois L., de. The Perception of Politics in Plutarch's Roman 'Lives'. II.33.6 (1992). 4568–4615.

Boulogne J. Les 'Questions Romaines' de Plutarque. II.33.6 (1992). 4682–4708.

Boulogne J. Les 'Questions Romaines' de Plutarque. II.33.6 (1992). 4682–4708.

Boulogne J. Plutarque et la médecine. II.37.3 (1996). 2762–2792.

410 *Brenk F. E.*, *S. J.* An Imperial Heritage: The Religious Spirit of Plutarch of Chaironeia. II.36.1 (1987). 248–349.

Brenk F. E., *S. J.* Index to Contribution on An Imperial Heritage: The Religious spirit of Plutarch of Chaironeia (Appendix to II.36.1). II.36.2 (1987). 1300–1322.

Brenk F. E., *S. J.* Plutarch's Life 'Markos Antonios': A Literary and Cultural Study [Indices pp. 4895–4915]. II.33.6 (1992). 4347–4469.

Cizek E. La littérature et les cercles culturels et politiques à l'époque de Trajan. II.33.1 (1989). 3–35.

Frazier E. Contribution à l'étude de la composition des 'Vies' de Plutarque: l'élaboration des grandes scènes. II.33.6 (1992). 4487–4535.

Froidefond Ch. Plutarque et le platonisme. II.36.1 (1987). 184–233.

Georgiadou A. Idealistic and Realistic Portraiture in the Lives of Plutarch. II.33.6 (1992). 4616–4623.

Hamilton Ch. D. Plutarch's 'Life of Agesilaus'. II.33.6 (1992). 4201–4221.

Hardie P. R. Plutarch and the Interpretation of Myth. II.33.6 (1992). 4743–4787.

Harrison G. W. M. Critical Trends in Scholarship on the Non-Philosophical Works in Plutarch's 'Moralia'. II.33.6 (1992). 4646–4681.

Ingenkamp H. G. Plutarch's 'Leben der Gracchen'. Eine Analyse. II.33.6 (1992). 4298–4346.

Larmour D. H. J. Making Parallels: Synkrisis and Plutarch's 'Themistocles and Camillus'. II.33.6 (1992). 4154–4200.

Patterson C. Plutarch's 'Advice on Marriage': Traditional Wisdom through a Philosophic Lense. II.33.6 (1992). 4709–4723.

Podlecki A. J., *Duane S.* A Survey of Work on Plutarch's Greek Lives, 1951–1988. II.33.6 (1992). 4053–4127.

Puech B. Prosopographie des amis de Plutarque. II.33.6 (1992). 4831–4893.

Titchener F. B. Critical Trends in Plutarch's Roman Lives, 1975–1990. II.33.6 (1992). 4128–4153.

Tritle L. A. Plutarch's 'Life of Phocion': An Analysis and Critical Report. II.33.6 (1992). 4258–4297.
Yaginuma S. Plutarch's Language and Style. II.33.6 (1992). 4726–4742.

Другие авторы

Аппиан

Brodersen K. Appian und sein Werk. II.34.1 (1993). 339–363.
Hahn I., *Nemeth G.* Appian und Rom. II.34.1 (1993). 364–402.
Leidl Ch. G. Appian's 'Annibaike'. Aufbau — Darstellungstendenzen — Quellen. II.34.1 (1993). 428–462.
McGing B. C. Appian's 'Mithridateios'. II.34.1 (1993). 496–522.

Гораций

Babcock Ch. L. Carmina operosa: Critical Approaches to the 'Odes' of Horace, 1945–1975. II.31.3 (1981). 1560–1611.
Connor P. The Actual Quality of Experience: An Appraisal of the Nature of Horace's 'Odes'. II.31.3 (1981). 1612–1639.
Dilke O. A. W. The Interpretation of Horace's 'Epistles'. II.31.3 (1981). 1837–1865.
Doblhofer E. Horaz und Augustus. II.31.3 (1981). 1922–1986.
Kissel W. Horaz 1936–1975: Eine Gesamtbibliographie. II.31.3 (1981). 1403–1558.
La Fleur R. A. Horace and Onomasti Komodein: The Law of Satire. II.31.3 (1981). 1790–1826.
McDermott E. A. Greek and Roman Elements in Horace's Lyric Program. II.31.3 (1981). 1640–1672.
Nussbaum G. Sympathy and Empathy in Horace. II.31.3 (1981). 2093–2158.
ter Vrugt-Lentz J. Horaz''Sermones': Satire auf der Grenze zweier Welten. II.31.3 (1981). 1827–1835.

412 *Дионисий Галикарнасский*

Hurst A. Un critique grec dans la Rome d'Auguste: Denys d'Halicarnasse. II.30.1 (1982). 839–865.
Lasserre F. Strabon devant l'Empire romain. II.30.1 (1982). 867–896.
Seel O. Pompeius Trogus und das Problem der Universalgeschichte. II.30.2 (1982). 1363–1423.

Иосиф Флавий

Doran R. The Jewish Hellenistic Historians Before Josephus. II.20.1 (1987). 246–297.
Feldman L. H. Flavius Josephus Revisited: the Man, His Writings, and His Significance. II.21.2 (1984). 763–862.
Feldman L. H. Postscript to: Louis H. Feldman, Josephus and Modern Scholarship (1937–1980), issued under the general editorship of Wolfgang Haase, Berlin-New York (W. de Gruyter) 1984. II.20.2 (1987). 1297–1304.
Schalit A. Die Erhebung Vespasians nach Flavius Josephus, Talmud und Midrasch. Zur Geschichte einer messianischen Prophetie. II.2 (1975). 208–327.
Schreckenberg H. Josephus und die christliche Wirkungsgeschichte seines 'Bellum Judaicum'. II.21.2 (1984). 1106–1217.

Корнелий Непот

Jenkinson E. M. Genus scripturae leve: Cornelius Nepos and the Early History of Biography at Rome. I.3 (1973). 703–719.

Овидий

Booth J. Aspects of Ovid's Language. II.31.4 (1981). 2686–2700.
Braun L. Kompositionskunst in Ovids 'Fasti'. II.31.4 (1981). 2344–2383.

Crabbe A. Structure and Content in Ovid's 'Metamorphoses'. II.31.4 (1981). 2274–2327.
Currie H. M. Ovid and the Roman Stage. II.31.4 (1981). 2701–2742.
Davis J. T. Risit Amor: Aspects of Literary Burlesque in Ovid's 'Amores'. II.31.4 (1981). 2460–2506.
Hofmann H. Ovids 'Metamorphosen' in der Forschung der letzten 30 Jahre (1950–1979). II.31.4 (1981). 2161–2273.
Küppers E. Ovids 'Ars amatoria' und 'Remedia amoris' als Lehrdichtungen. II.31.4 (1981). 2507–2551.
Martyn J. R. C. Naso — Desultor amoris (Amores I–III). II.31.4 (1981). 2436–2459.
Richmond J. Doubtful Works Ascribed to Ovid. II.31.4 (1981). 2744–2783.
Sabot A.-F. Les 'Héroides' d'Ovide: Préciosité, Rhétorique et Poesie. II.31.4 (1981). 2552–2636.

Петроний Арбитр

Smith M. S. A Bibliography of Petronius (1945–1982). II.32.3 (1985). 1624–1665.
Sullivan J. P. Petronius' 'Satyricon' and its Neronian Context. II.32.3 (1985). 1666–1686.
Petersmann H. Umwelt, Sprachsituation und Stilschichten in Petrons 'Satyrica'. II.32.3 (1985). 1687–1705.

Плиний Младший

Aubrion E. La 'Correspondance' de Pline le Jeune: Problèmes et orientations actuelles de la recherche. II.33.1 (1989). 304–374.
Weische A. Plinius d. j. und Cicero. Untersuchungen zur römischen Epistolographie in Republik und Kaiserzeit. II.33.1 (1989). 375–386.

Dettmer H. The 'Corpus Tibullianum' (1974–1980). II.30.3 (1983). 1962–1975.
Fisher J. M. The Life and Work of Tibullus. II.30.3 (1983). 1924–1961.
Levin D. N. Reflections of the Epic Tradition in the Elegies of Tibullus. II.30.3 (1983). 2000–2127.
Littlewood R. J. Humour in Tibullus. II.30.3 (1983). 2128–2158.

Тит Ливий

Aili H. Livy's Language. A Critical Survey of Research. II.30.2 (1982). 1122–1147.
Briscoe J. Livy and Senatorial Politics, 200–167 B.C.: The Evidence of the Fourth and Fifth Decades. II.30.2 (1982). 1075–1121.
Burck E. Die romische Expansion im Urteil des Livius. II.30.2 (1982). 1148–1189.
Girod M. R. La géographie de Tite-Live. II.30.2 (1982). 1190–1229.
Kissel W. Livius 1933–1978: Eine Gesamtbibliographie. II.30.2 (1982). 899–997.
Walsh P. G. Livy and the Aims of 'historia': an Analysis of the Third Decade. II.30.2 (1982). 1058–1074.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. От Ромула до Гракхов (753–133 гг. до н. э.) 45

§ 1. Рим и Италия (753–265 гг. до н. э.) 45
§ 2. Великие завоевания (265–133 гг. до н. э.) 61

Глава 2. Гражданские войны (133–43 гг. до н. э.) . . . 77

Глава 3. Империя и ее культура (I–II вв. н. э.) 160

Глава 4. Эпоха Траяна. 280

Приложение. Марк Лициний Красс, бизнесмен и политик 341

Список сокращении. 385

Переводы некоторых авторов, упоминаемых в тексте 391

Библиография 394

Приложение к библиографии. 403

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus novus»

Егоров Алексей Борисович

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЛУТАРХ

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Научный редактор *О. В. Пржигодзкая*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*
Технический редактор *О. В. Новикова*

Подписано к использованию 12.06.25
Формат 12,0×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: https://eurasiabooks.com/
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: https://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

PARVUS LIBELLUS NOVUS
ЕВРАЗИЯ

Плутарх делал то, что делали Цезарь,
Август, Веспасиан и Траян в политике,
а Вергилий, Тит Ливий и Тацит в литературе
и историографии. Их общей целью было
закончить длившуюся более ста лет после
своего окончания гражданскую войну,
которая все еще продолжала разъединять людей,
принимая самые различные формы, от процессов
об оскорблении величия до династической
борьбы и провинциальных восстаний.
Три выдающихся писателя добились своего:
последующие поколения увидели эпоху
Траяна через восприятие «Панегирика»
Плиния Младшего, сам сложный I в. н. э.
через труды Тацита, а гражданские войны
I в. до н. э. через биографии Плутарха.